

И С Т И Н Н А Я Р О С С И Я

АЛЕКСАНДР ГОРЯНИН

РОССИЯ

И С Т О Р И Я У С П Е Х А

[ПЕРЕД ПОТОПОМ]

РИПОД
КЛАССИК

Москва, 2010

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Г67

Горянин, А. Б.

Г67 Россия. История успеха. Перед потоком / А. Б. Горянин. — М. : РИПОЛ классик, 2010. — 336 с. — (Истинная Россия).

ISBN 978-5-386-02154-2

Книга «Россия. История успеха» — настоящая встряска для мозгов. Первая реакция всех прочитавших: почему мне самому не пришло это в голову? Книга — нокаутирующий ответ авторам разной степени необразованности, которые наводнили рынок трактатами о «поражении России в третьей мировой войне», о необходимости самоизоляции и мобилизационной экономики, о нашем ужасном климате и тому подобным вздором. И тем, кто изображает Россию беспомощной жертвой мировых заговоров. Но горе народу, который усвоит психологию обиженного — лучшие душевные силы он потратит не на созидание, а на подсчеты, кто и когда его обсчитал и обвесил.

Книга «Россия. История успеха» — прекрасное противоядие от подобных настроений. Она переворачивает наши представления о себе. Своей новой работой автор продолжает крестовый поход против черных мифов о России, начатый им книгой «Мифы о России и дух нации». Подсказывайте ему новые доводы и спорьте с ним: gorianin@hotmail.com

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-386-02154-2

© ООО Группа Компаний
«РИПОЛ классик», 2010

РОССИЯ:

ИСТОРИЯ УСПЕХА

Большинство правильных слов о России произнесены и написаны.

Почти ни одна черта ее истинного образа не осталась неотмеченной.

Но во-первых, «почти». Во-вторых, не в едином тексте, а в разных.

А в-третьих, поди их опознай в окружении совсем других слов...

Мудрец, пожелавший остаться неизвестным

ВВЕДЕНИЕ

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

1. Ничто не предвещало...

История России — это история успеха. Ничто не предвещало полторы тысячи лет назад, что безвестный и малочисленный юный народ, поселившийся в глухом краю лесов и болот, вдали от морей и страшно далеко от существовавших уже не одну тысячу лет цивилизаций, что этот окраинный, незаметный среди многих десятков других народ выйдет на первые роли в мире, создаст сверхдержаву и самое большое по территории и ресурсам государство. Сама возможность появления единого государства на пространстве от Черного, Каспийского, Балтийского, Белого и Баренцева морей до Тихого океана и превращения его в мировую державу выходит за пределы вероятия.

Попытки мысленно смоделировать процессы создания и возвышения российской державы приводят к выводу: такое государство невозможно. Его не удалось бы ни создать, ни удержать — какой век ни возьми! — слишком уж много сил и факторов препятствовали как собиранию, так и удержанию. Избыток скромности или недостаток зоркости до сих пор не позволял нам оценить российский путь как чудо, хотя это несомненная истина.

То, что русский этнос создал свою великую страну, не имея изначально никаких шансов на успех, — это, среди прочего, еще и аванс истории, и он пока не вполне отработан нами. Или отработан? Ведь в двадцатом веке именно мы — и никто больше в мире! — сумели, ценой огромных жертв, победить два самых грозных тоталитарных режима в истории: один вовне, другой внутри. Эти жертвы спасли и остальное человечество. Скинута под откос Россия сумела вернуться к цивилизационному выбору, который однозначен на всем ее пути — от Крещения и до 1917 г., — вернуться к своему «я».

Наша родина дважды на протяжении одной человеческой жизни совершила невозможное, но эта истина, несмотря на ее самоочевидность, пока не проникла в российское массовое сознание и школьные учебники. А значит, мы растим поколение, лишенное чувства исторической правоты.

В мозаике, из которой складывается портрет России, есть непозволительные лакуны и зияния. Продолжая метафору, можно сказать, что в этой мозаике отсутствуют или выпали целые куски и блоки смальты, а другие имеют неверную окраску. За этим не обязательно стоит злой умысел, чаще — некритически усвоенный вывих мысли, но от этого не легче.

Только не подумайте, что это будет книга, написанная на западный манер национального самовосхваления. О сложившейся на Западе нарциссической традиции подачи собственной истории замечательно высказался автор монументальной «Истории Европы» Норман Дэвис: «Европейские историки часто подходили к своему предмету, как Нарцисс к пруду: они искали в нем только отражение своей красоты...», их стиль — это «стиль самовосхваления»¹, они буквально «источают национальное самодовольство». Сам Дэвис не вполне избежал того же — вырваться из рамок традиции, пересмотреть сложившуюся фразеологию безумно трудно даже при наличии доброй воли.

За что хвалит французский политолог Ален Безансон школьный учебник знаменитого историка Эрнеста Лависса?

¹ Норман Дэвис. История Европы. — М., 2004. С. 12.

Вот за что: «Парижская коммуна казалась ему столь печальным эпизодом, что он даже не упомянул о ней, не желая, чтобы школьники что-нибудь об этом узнали»¹. В 1921—1923 гг. в Ирландии шла настоящая гражданская война, с тысячами убитых и расстрелянных, но школьные учебники истории в Ирландии ее замалчивали. «Гражданская война воспринималась как некий конфуз, о ней почти не упоминалось» («Learning about the past» // *The Economist*, 17.03.07). О своем прошлом только хорошее!

Не обойтись и без английского примера. У «главных» историков Англии полностью отсутствует критическая рефлексия. Один из самых известных среди них, Джордж Тревельян (1876—1962), даже не упоминает о чартистском движении в своей книге «Социальная (!) история Англии». Восстание Уота Тайлера в изложении Тревельяна — это скорее некий курьезный эпизод. А ведь это было крупнейшее народное восстание в Европе XIV в., восставшие захватили Лондон, овладели неприступным Тауэром, убили семь тысяч горожан и архиепископа, требовали отмены крепостного права и барщины, возврата отнятых общинных земель. В том же духе «заинтересованного заступничества» писал родной дед Тревельяна, знаменитый английский историк Томас Маколей, так писали и пишут все крупнейшие английские историки. «Тень» может бросить историк, изучающий сугубо узкую тему, или историк-«ревизионист», ссылаться на которого не принято.

Огромный массив самовосхваляющих западных сочинений исправно переводился, начиная с XVIII в., на русский язык, и все их содержимое бралось в России на веру. Бралось на веру и западные версии русской истории, достаточно нелестные по преимуществу. Параллельным курсом двигалась русская историография, уже полтора века настроенная, начиная с 29-томной «Истории России» (1851—1979) С. М. Соловьева, мрачно и обличительно. Как следствие, контраст между «галантной» европейской историей и «кровавой и кос-

¹ Русская мысль, 27 апреля 2000 г.

ной» российской порождал и порождает необратимые перекосы в головах читателей.

Уже упомянутый Безансон прекрасно знает, что имеет в виду, когда говорит: *«Для российской историографии характерно то, что с самого начала (т. е. с XVIII века) она в большой мере разрабатывалась на Западе»*¹. Самое невинное из последствий этой доверчивости состоит в том, что едва ли не большинство образованных людей у нас думает, что Россия до того, как стала именоваться Россией, прозывалась Московией, а ее жители величали себя москвитями и были довольно дики.

Ни один отечественный автор просто не смог бы сегодня написать «нарциссическую» версию российской истории по западному образцу — отсутствуют необходимая фразеология, заготовки, схемы и целые смысловые блоки, на выработку которых все у тех же англичан ушло почти два века. Трудно ожидать даже, что появится просто настольная книга для миллионов, не по-прокурорски, а с любовью объясняющая феномен России. В Европе традиционно выходило и выходит множество подобных сочинений, назову «Происхождение современной Франции» Ипполита Тэна, «Народ» Жюль Мишле, «Что такое Франция» Фернана Броделя, «История английского народа» Джона Ричарда Грина, «Германский народ» Карла Лампрехта и т. д., а в России до сих пор нет ничего похожего, а если и появится, то еще не завтра.

В Польше есть *Polonistyka*, во Франции — *Études françaises*, в Канаде — *Canadian Studies* и так далее, а руссиеведения в России нет. Оно пока лишь робко формируется и сформируется не скоро. В этом меня убедили работа в Межвузовском центре по изучению России и участие в написании учебника «Отечественноеведение». Предмет руссиеведения — не история России, не ее география, культура, экономика, демография, этнография, право, литература, искусство и т. д., а Россия как цельный объект изучения.

Данной книгой я хочу привлечь внимание читателя к тем абсолютно уникальным чертам и особенностям России, о ко-

¹ *Русская мысль*, 4 декабря 1997 г.

торых постоянно забывают, а то и делают вид, что никогда о них не слышали. Или действительно не слышали.

Любой народ нуждается в целостном, системном, внутренне непротиворечивом представлении о себе и своей стране. Увы, такого представления о России у ее жителей нет — слишком много взаимоисключающего мы слышали о себе в XX в. и продолжаем слышать в XXI в.

Достоинство свободного и уверенного человека требует, чтобы нация, к которой он принадлежит, была о себе достаточно высокого мнения. Образ нации (любой нации), образ родины — всегда предмет негласной и даже неосознанной договоренности в обществе. По всей Европе, от Португалии до Польши, от Исландии до Греции, эта договоренность исключает очернение национального образа жизни, народного характера, общественного устройства, традиций. Добродушная ирония — это максимум. Наша же «договоренность» достигнута на базе негативных мифов (или, пользуясь модным термином, матриц), искусно внедренных в российское сознание. Для миллионов людей эти мифы и есть реальность, другой они не знают.

Миф, усвоенный в качестве истины, формирует эту действительность. В нынешнем российском случае негативные мифы навязывают нам преуменьшенную самооценку, подрывают нашу веру в себя, подрывают дух нации.

2. Примеры странной слепоты

Ни одна страна не тождественна своим портретам, но случай России, видимо, все же особый. То ли она и впрямь настолько трудна для понимания, то ли, глядя на эту громаду, сложно сохранить непредвзятость, но значительная часть выдаваемых (и принимаемых) за истину сведений о России — былой и современной — прямо-таки изумляет. Впечатление, что речь идет о какой-то другой стране.

О «нелепой русской земле» говорил «сам» Максим Горький, и ему с восторгом вторили: «*Россию все били*» (И. В. Ста-

лин), развитие России неизменно «катастрофично», а ее душа — «вечно бабья» (Н. А. Бердяев), «Русским коллективно присущ маниакально-депрессивный психоз, каковой и определил всю историю страны» (В. И. Новодворская), «Как цивилизация, мы, русские, — пример того, чего не должно быть» (Виктор Ерофеев).

Слово журналистам, своим и чужим. Юрий Пост, 27.02.2008 (<http://grani-tv.ru/entries/95/>): «В этой стране никогда ничего не будет». Для справки: в «этой стране» за последние 20 лет было столько всего, что, проведя их не в обмороке, можно было кое-что заметить.

Trevor Kavanagh, из английской газеты «The Sun» (9.03.2008): «По всей России за решетку бросают бесчисленных политических заключенных, доносятся ледянящие душу рассказы о пытках и казнях» (Не верите? Вот оригинал: «...countless political prisoners caged across Russia, amid chilling reports of torture and executions»). Газета «Правда» за 1950 год отдыхает.

Георгий Бовт (Газета.Ру, 18.04.2005): «Сталинская индустриализация во многих своих чертах была слизана с индустриализации гитлеровской». Для справки: индустриализация в СССР началась за пять лет до прихода Гитлера к власти.

Макс Хастингс («The Guardian», 27.11.2006): «Почему они [русские] хотят вернуться к кровавым методам сталинизма?» Без комментариев.

Послушаем ученых. Профессор А. А. Нецадин (Утро.Ру, 28.04.2005): «Численность населения России к 2010 г. может упасть до 94 млн человек». Для справки: на 1 марта 2009 г. население России составляло, по данным Росстата, 141,9 млн (на самом деле больше; об этом ниже).

Профессор международной дипломатии Колумбийского университета (Нью-Йорк) Стивен Сестанович: «В случае с Россией ВВП раздувается за счет черного хлеба, водки и запущенных квартир» (The Wall Street Journal, 17 декабря 2007 г.)¹.

¹ Дословно: «In the Russian case, black bread, vodka and run-down apartments pump up GDP».

Фраза едва ли понятна самому ее автору, бывшему специальному советнику госсекретаря США по странам СНГ.

Доктор исторических наук, генерал-полковник Л. Г. Ивашов (24.12.2002): *«Мы пришли к однозначному выводу, что Россия идет к завершению своей истории как целостного государства... еще полтора-два года, и Россия начнет разваливаться по кускам. А сейчас эти процессы даже несколько ускоряются»* (<http://supol.narod.ru/archive/2003/2/SU0685.HTM>). Для справки: прошло семь лет. Да и семь лет назад поводов для столь нелепых заявлений было не больше, чем сегодня.

Профессор Ричард Пайпс (США) в статье со свежим и остроумным названием «Почему рычит медведь» (The Wall Street Journal, 1.03.2006) уверяет: *«Треть россиян [т. е. 47 млн человек. — А. Г.], проживающих в сельской местности и маленьких городках, не знает о том, что советского режима больше нет»*. Это не метафора, как вы подумали, а прямое утверждение.

Профессор Блэр Рубл (США) в «Литературной газете»(!), 21—27 мая 2003: *«Весь годовой бюджет России меньше той суммы, которая выделяется на школьное образование в городе Нью-Йорке»*. Уважая здравый смысл читателя, оставляю без комментариев.

«Оказавшись на историческом распутье, Россия неизменно выбирала катастрофическое направление», — пишет историк Яков Гордин. Страна, которая «неизменно» выбирает «катастрофическое направление», после двух-трех таких «выборов» перестает существовать. Достаточно очевидно, что Россия — страна исторического успеха. Не непрерывного успеха — такого не было ни с одной страной в истории человечества (и не будет), — но совокупного успеха. А это означает, что, *«оказавшись на историческом распутье»*, Россия чаще делала правильный выбор — пусть это не всегда было очевидно сразу и даже не всегда осознается историками.

Иностранцы черпают свои удивительные представления о нас чаще всего у наших же мудрецов. Так, французская католическая газета «La Croix» дословно повторяет Я. А. Гордина — правда, в номере от 1 апреля (2005 г.): *«Судьба России —*

всегда идти по трагическому пути, и это не исправить». Или дело в дате?

А уж представления о новейшей истории! Листаю труд Людвиг фон Мизеса «Запланированный хаос». Что ни слово, то шедевр: *«Россию спасли британские и, в первую очередь, американские силы. Американские поставки позволили русским преследовать врага по пятам, когда скудость вооружений и угроза американского вторжения вынудили немцев отступить из России. Русские даже смогли громить арьергарды отступающих нацистов. Они смогли захватить Берлин и Вену, когда американская авиация разрушила немецкую оборону... Единственной причиной, которая не дала немцам взять Сталинград, был недостаток снаряжения, самолетов и бензина. Великими стратегическими событиями войны были завоевание Африки и Сицилии и победа в Нормандии. Сталинград был едва ли больше, чем тактическим успехом»*. Это не розыгрыш, это написано всерьез. Хотя и в бессилии ненависти.

Каждый из нас припомнит дюжину-другую прогнозов постперестроечного времени. Все они были мрачными и катастрофическими — это считалось (да и продолжает считаться) хорошим тоном профессионального сообщества. Некоторые из прогнозов должны были сбыться к определенной дате. В 1995 г. ассоциация преподавателей-математиков МГУ объявила, что через 10 лет, в 2005 г., число студентов в России сократится «во много раз». На самом же деле оно выросло к названному сроку в 2,5 раза (с 2,8 млн до 7,1 млн человек; сегодняшняя цифра — свыше 7,5 млн). Для справки: даже на пике советского времени в РСФСР не был достигнут показатель в 3 млн студентов.

Еще один пример. На пороге XXI в. какое-то время было популярно мнение, что хорошим мерилom перспектив развития любой страны является быстрота развития в ней сотовой связи. Под этим углом зрения был сделан прогноз перспектив развития сотовой связи в России, а значит, и российского развития вообще, его выполнили некие отечественные эксперты. Их вывод выглядел так (цитирую Интерфакс, 22.02.2000): *«Количество абонентов сотовой связи в России*

к 2005 г. составит, согласно прогнозу, 10—15 млн человек»¹. Причем сразу же прозвучали и голоса, высмеивавшие такую оценку как безмерно завышенную и глупо оптимистическую. Но когда пять лет истекли, абонентов оказалось 120 млн (на 31.12.2005), а на начало 2010 г. их число на 47,5 процента превысило официально объявляемое число жителей страны (которое, правда, тоже заведомо выше учитываемого Росстатом).

Соображения, выводы и прогнозы в духе процитированных настолько распространены, что из них можно составить целую антологию. Не откажу себе в удовольствии приводить их время от времени. Подобная умственная продукция отражает, скажем помягче, слабое ощущение страны по имени Россия.

3. В поисках верного тона

Вплоть до 1917 г. в восьмых классах российских гимназий изучался предмет «Отечественноеведение», и был очень популярен, не в пример многим другим предметам. Патриотизм русской эмиграции первой волны, так поражавший многих, не в последнюю очередь был связан с этим гимназическим курсом.

Все современные опросы, к счастью, подтверждают, что и нынешний россиянин любит свою родину, болеет за нее, однако ему остро нужны подтверждения того, что он прав в своей любви — слишком часто ему намекают, а то и говорят прямым текстом, что она любви не заслуживает.

Если же он, не поверив, отправится на поиски позитива в родной истории, то, очень вероятно, наткнется на слащавую и неумелую апологетику, изложенную псевдонародным стилем с прилагательными после существительных. Еще больше шансов у него будет набрести на сочинения, в аннотациях которых говорится примерно следующее: «Русской империи

¹ Интерфакс, 22. 02. 2000 <<http://www.medialaw.ru/publications/zip/telecom/15-16/telecom15-16.html>>.

35 тысяч лет, это самая древняя в мире страна, от нее произошли все современные народы и государства Северного полушария». Либо, что совсем уж печально, он вляпается в труд какого-нибудь рехнувшегося шовиниста.

С шовинистами ситуативно и типологически смыкаются конспирологи. Они изображают Россию многовековой жертвой мировых заговоров — масонских, талассократических, мондиалистских, католических, иудейских, исламских, вампирических, плутократических и проч., — обиженной и обвешенной вокруг пальца всеми кому не лень. Но горе народу, который усвоит психологию обиженного — он станет завистлив, ущербен, жалок. Лучшие душевные силы он потратит на вычисления, кто и когда его обсчитал и обвесил.

В лабиринте книг с бодрыми названиями «Прощай, Россия!», «Опасная Россия», «Россия в историческом капкане», «Россия на дне», «Российская трагедия», «Россия на обочине мира», «Страна воров», «Мир без России» и так далее наш искатель истины, проявив настойчивость, доберется и до мировоззренчески адекватных авторов. Беда, однако, в том, что даже им почему-то никак не удастся (исключения редки) найти верный тон и верную точку отсчета.

Один (из лучших побуждений, разумеется) призывает: «Россия, поднимись с колен!», тем самым внедряя в сознание читателя мысль, что его родина стоит перед кем-то на коленях.

Другой пишет: «Легко и естественно любить свое Отечество, когда можно им гордиться... Но когда оно повержено и лежит, оплеванное, осмеянное...» (и т. д.), нанося страшный удар по психике и самолюбию своей аудитории не только фантастической картиной лежащего Отечества, но и презумпцией, что гордиться им без специальных усилий не очень естественно.

Третий, вместо того чтобы высмеять или с презрением игнорировать тот или иной антироссийский вздор, начинает обиженным или оправдывающимся тоном суетливо его оспаривать, невольно этот вздор рекламируя.

Но не все допустимо игнорировать. Развенчанию мифов, которые нельзя пропускать мимо ушей, я посвятил свою кни-

гу «Мифы о России и дух нации». Ее характеризовали как «манифест либерал-патриотизма» и даже как «декларацию российского оптимизма» — и то, и другое не вполне точно. Она печаталась в виде журнальных статей в 1998—2001 гг., после чего вышла отдельным изданием (М., 2002, 336 с.). Попав в Интернет, она была растащена на цитаты и даже на целые книги и, могу сказать без ложной скромности, содействовала перелому настроений в обществе. То, что у этого перелома были куда более увесистые причины, не мешало бы мне гордиться своим скромным вкладом, если бы не сознание того, что до коренного перелома еще далеко.

Ряд положений «Мифов», встреченных сперва с недоумением и даже гневом, сегодня вызывают другую реакцию: да кто же этого не знает?

Года три-четыре назад получил некоторое хождение тезис о том, что решающими предпосылками прорывного развития той или иной страны в XXI в. является наличие в этой стране традиций свободы и собственности. Тезис не обязательно верен и уж в любом случае неполон без третьего условия, которое следовало бы даже поставить на первое место. Это условие — культурная самодостаточность. Правда, пропагандисты тезиса придумали и внедряли его с достаточно узкой целью: убедить нас, что России на развитие рассчитывать нечего, ибо названные традиции у нас отсутствуют. Сама возможность такого утверждения показалась мне столь удивительной, что я посвятил истории этих традиций специальную книгу «Традиции свободы и собственности в России от древности до наших дней» (М., 2007, 360 с.). Есть она и в Сети.

* * *

История российского успеха, как и всякого успеха, терниста, но, ценя специалистов по терниям, приходится признать: они почти никогда не способны увидеть цельную картину. Всякий успех — итог сложного развития. Именно об этом развитии у нас и пойдет речь — о развитии пространственном и общественном, о созревании этноса, адекватного своей гео-

графии и своей истории, об успешном преодолении этим этносом исторических катастроф и негативных факторов длительного действия, о движении, которое прерывалось, но всякий раз возобновлялось вновь, о формировании национального характера.

Особое внимание будет уделено тому, что представляло собой российское общество накануне таких исторических переломов, как Петровские реформы, большевистская революция, распад СССР, и что представляет собой сегодня.

Рассказать обо всем этом сколько-нибудь исчерпывающе нечего и думать — тема «Россия: история успеха» имеет сотни аспектов, одному автору не по силам. Но и уклониться от этой задачи не считаю для себя возможным.

Предлагаемый читателю рассказ о чуде России, о феномене российского успеха — не перечисление общеизвестных фактов. Наоборот, я пропускаю почти все общеизвестное. В связи с этим просьба не удивляться, если в книге окажутся ни разу не упомянуты какие-то периоды, деятели, события и битвы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРАВИЛЬНОЕ МЕСТО

Глава первая

Наши предки делают выбор

1. О российском пространстве

Что собой представляет территория России? У множества журналистов и даже у некоторых профессоров очень популярна тема «проклятия российских пространств», тема непригодности этих пространств для жизни и хозяйственной деятельности. Развивая мысль нашего знаменитого (не на сто процентов заслуженно) историка Сергея Михайловича Соловьева о русской «природе-мачехе», они — включая тех, кто никогда не слышал о Соловьеве, — подталкивают своих читателей к выводу, что наши предки ошиблись с выбором территории, выбрали неправильную.

В. Г. Сироткин, профессор МГИМО (правда, не профессор географии), в своей книге «Демократия по-русски» (М., 1999) утверждает, что в России «приполярный характер климата». (Заглянем в ушаковский «Толковый словарь русского языка»: *«Приполярный, ая, ое. Находящийся в районе Полярного круга, близко к полюсу»*). Плодовитый автор Андрей Купцов вообще уверяет, что *«у России нет жизненного пространства»*, что вся Россия (внимание!) *«живет в климатических условиях, в которых жить нельзя в юридическом смысле — в Крым ссылали людей еще из Древнего Рима»*.

Даже такая проницательная исследовательница, как Наталья Алексеевна Нарочницкая, доверившись нашим народным климатологам, отважилась на следующее утверждение: *«Великодержавие было дано Московии [наша страна никогда так себя не называла — А. Г.], расположенной на суглинке, где ничего не росло, кроме репы и редьки, где восемь месяцев зимы и три месяца бездорожья»*. Стране, соответствующей такому описанию, «великодержавие» просто не могло быть «дано».

Если даже коренная Россия провозглашается малопригодной для жизни, надо ли удивляться, когда журналист «Огонька» Александр Петрович Никонов храбро объявляет «территориальным шлаком» наши сибирские просторы. В связи с этим мне вспомнилась дискуссия на канадском ТВ, один из участников которой заикнулся, что полярные территории менее важны для Канады, чем, скажем, провинция Квебек. Его возмущенно поправляли в семь голосов, напоминая, что Арктика является ядром канадской идентичности, несет в себе потенциал будущего страны, напоминали, что в канадском гимне есть слова про «истинный Север, свободный и сильный». Это на наших форумах и в публичных дискуссиях даже самые выдающиеся глупости сходят с рук их изрекателям (пока сходят), в таких странах, как Канада, — нет.

На самом же деле **трудно было расположиться на глобусе удачнее, чем это удалось России**. У нас хватает не только холодных территорий, у нас вполне достаточно теплых. У России значительная доля пахотных земель мира, а общая площадь ее сельскохозяйственных угодий превышает 2,2 млн км². Более половины (51 %) территории России покрыто лесами, наш лесной фонд не имеет равных в мире (22 % мирового). Кроме того, Россия располагает крупнейшими мировыми запасами стратегических минеральных и энергетических ресурсов, в том числе 35 % мировых запасов газа (по другим данным, «только» 27 %), 30 % железа и никеля, 40 % металлов платиновой группы, четвертью мировых запасов незамороженной (т. е. не в виде массивов льда, как в Антарктиде или Гренландии) пресной воды. Россия раскинулась на одиннадцати часовых поясах, на ее просторах представлены все климатические зоны, кроме тропической.

В Европе Россия занимает 3,96 млн км² (40 % территории европейского материка — Европейская Россия больше, чем любая европейская страна), в Азии — 13,1 млн км² (30 % территории азиатского материка — Азиатская Россия больше, чем любая азиатская страна). В силу этой причины Россия может выступать и как европейская, и как азиатская, и как евро-тихоокеанская держава. Северная Азия вообще представлена только Россией. Наша родина входит в самые разнообразные географические группы стран: северных, балтийских, черноморских, кавказских, каспийских, западноазиатских, дальневосточных, тихоокеанских, арктических (циркумполярных), в так называемый Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Россия — член ряда международных объединений, созданных в первую очередь или исключительно по географическому принципу — таких, как СНГ, АТЭС, Совет Европы, ОБСЕ, Арктический совет, Совет Баренцева региона, Совет государств Балтийского моря, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС, Региональный форум АСЕАН (речь не идет об организациях вроде ООН, Интерпола или Парижского клуба, членство в которых не связано с географическим принципом).

Гранича одновременно с Норвегией и Кореей, Россия имеет самое большое число соседей в мире. Россия настолько велика, что не уместилась в одном полушарии. Пол-Чукотки находится уже в Западном полушарии. То есть Россия — не только самая большая страна на свете, она вообще единственная страна, восточный край которой находится западнее ее западного края.

Масштабы России таковы, что она не может влиться в наднациональное объединение, подобное Евросоюзу. Россия — это такая величина, которая не может быть (и не нуждается в том, чтобы быть!) частью чего бы то ни было. Только частью человечества.

2. Край не просто благодатный

Отцы «географического детерминизма» в своем XIX в. еще имели некоторые поводы усматривать изъяны в российском

местоположении. Такие книги, как «Цивилизация и великие исторические реки» Льва Мечникова (1838—1888) или «Земля и жизнь» Фридриха Ратцеля (1844—1904), когда-то помогли понять в истории многое. Их авторы были правы в том, что судьба того или иного народа сильно зависела от того, в каком климатическом поясе этот народ обрел свою территорию. Но и они добавляли при этом, что такая зависимость безусловна лишь на первых ступенях общественного развития, дальше начинаются варианты. XX век показал, насколько ослабла эта зависимость, и классики «детерминизма», доживи они до наших дней, согласились бы, что предки современного русского народа нашли все же правильное место для своего первоначального расселения, а потом двинулись отсюда в правильных направлениях и в правильное время.

Край был угадан замечательно — Русской равнине неизвестны землетрясения, тайфуны, торнадо, самумы, пыльные бури, здесь нет вулканов, здесь изобилие лесов и вод, но неведома чудовищная тропическая влажность, не бывает изнуряющей жары и чрезмерных морозов. Оценить, какое это сокровище, ныне смогли те из наших соотечественников, которые, прожив полжизни в России, оказались за океаном, в штатах, расположенных на «аллее торнадо». Или в странах, а таких большинство, где лето напоминает парную баню. Или там, где регулярно потряхивает — привыкнуть к этому невозможно, прогнать мысль о землетрясении, способном случиться в любой миг, невозможно, но с этим живут две трети человечества. Не говоря уже про вулканы и ежегодные обязательные лесные пожары — под их угрозой живут вся Южная Европа, Калифорния и Австралия.

Нам бы долго пришлось объяснять жителю патриархальной Руси, перенесись мы туда, что такое вулкан, селевый поток или ядовитый паук. Такие слова, как «суховей» и «саранча», появились в нашем языке, лишь когда Россия изрядно продвинулась на юг, а слово «гнус» — после углубления в зону северной тайги и лесотундры.

Свою роль сыграло и то, что как минимум первые два века русской письменной истории и несколько веков истории до-

письменной были теплыми. До конца X в. не было суровых зим и сильных засух, голодали нечасто¹.

Сочетание сравнительно редкого населения и биологического богатства природы сильно разнообразило пропитание. Рыба, грибы и ягоды на протяжении почти всей нашей истории были неправдоподобно, с точки зрения иностранцев, дешевы (впрочем, поговорка «Дешевле грибов» возникла в собственно русской среде). Бескрайние леса кишели зверем и птицей.

Расположиться столь счастливым образом повезло мало кому. Это удалось и далеко не всем восточным славянам. Те из них, кто соблазнился, говоря сегодняшним языком, «более длительным вегетативным периодом», заселили было низовья Дона, да так основательно, что арабские писатели называли Дон «славянской рекой». Но в IX—X вв. славяне были вытеснены отсюда кочевниками. Как и славяне, жившие западнее: тиверцы и уличи, которые ушли за Дунай, создали там Берладское княжество, основали несколько городов, в том числе Берладь (ныне румынский Бырлад) и Галич Малый (ныне Галац). Позже «берладники» растворились в румынах и молдаванах, сильно обогатив их языки славянскими корнями.

Еще более разителен пример Тмутороканского (именно такое написание рекомендует академический «Словарь-справочник «Слово о полку Игореве»»²) княжества, которое с полным правом можно называть Кавказской (или Кубанской) Русью. Оно просуществовало около трехсот лет. Тот факт, что на Руси в X—XI вв. монеты чеканили только в четырех местах — в Киеве, Новгороде, Чернигове и Тмуторокани, — говорит о многом. Мстислав заложил здесь в 1023 г. храм Пресвятой Богородицы, который стал вторым по величине на Руси, после киевской Софии. Св. Никон Великий вел в Тмуторокани летопись, которая в последующем вошла в состав «Повести временных лет» Нестора Летописца. По мнению Д. С. Лихачева, именно благодаря Никону *«рождается новый жанр, которого не знала византийская литература, — летописание»*.

¹ К. С. Лосев. Климат: вчера, сегодня... и завтра? — Л., 1985.

² Словарь-справочник «Слово о полку Игореве». В 6 вып. — Л.: Науч. Ленингр. отд., 1984. Вып. 6.

Но закат кавказского эксклава восточных славян был пред-
решен. От остальных русских княжеств его почти непроницае-
мо отделила Половецкая земля. Певец «Слова о полку Игоре-
ве» объясняет поход северских князей «в половецкие вежи»
в 1184 г. стремлением отвоевать Тмуторокань. Этот поход, как
мы знаем, кончился неудачей, Тмуторокань переходит под
власть последовательно Византии, генуэзцев, Золотой Орды,
турок. Княжество не устояло, потому что оказалось слишком
далеко от основного массива Русской земли и в пределах лег-
кой досягаемости для могущественных захватчиков. Зато уже
ничто не в силах отменить тот важнейший факт, что Россия —
исторически одно из кавказских государств. Одним из приме-
ров раннего русского влияния на народы Северного Кавказа
служит *«надпись русскими буквами на кабардинском языке,
вырезанная на каменном кресте у села Преградного, Зелен-
чукского района, Ставропольского края, и датируемая
1041 годом. Надпись говорит не только о распространении
христианства среди кабардинцев в XI веке, но и о распростра-
нении у них письменности с помощью русского алфавита»*¹.

Судьба Тмутороканского княжества могла бы стать, кто
знает, судьбой всего восточнославянского этноса, не сделай
он на заре своей истории правильный географический выбор.

Подытожим: найти край плодородный было недостаточ-
но — гораздо важнее было найти край относительно безопас-
ный. Нашим предкам это удалось. И этот счастливый выбор,
как показала история, с многократным избытком компен-
сировал неудобства «более короткого вегетативного периода».

3. Дарвиновский отбор истории

Что же до остальных народов Старого Света, некоторые из
них оказались под защитой труднопреодолимых природных
рубежей (в идеале — моря, хотя море не спасло, например,

¹ Т. М. Минаева. Очерки археологии Ставрополя. — Ставрополь, 1965.

Ирландию от ее трагической судьбы), но большинству вместо таких рубежей достались могущественные соседи под боком. Взгляните на карту расселения народов в былые века и задайтесь вопросом: куда делись мидяне, кушаны, хетты, умбры, фракийцы, фригийцы, финикийцы, карфагеняне, тохары, пеласги, этруски, пикты, пруссы, хазары, орхоны, ольмеки, майя? Этот список огромен. А ведь у большинства из них были свои государства, порой мощные и обширные. Но они исчезли, их население растворилось в других этносах, а в каких-то случаях было просто истреблено — геноцид в древности, да и позже, был рядовым явлением. Некоторые государства сгубило изменение природных условий. **Выжившие нации — итог достаточно безжалостного дарвиновского отбора. Сладкая судьба не досталась никому.**

Дожившие до наших времен классические государства рождались в те времена, когда не существовало «общепризнанных международных норм», никто не слышал о «правах человека» или о «правах меньшинств». Рождение почти всех известных наций сопровождалось бесчисленными злодеяниями, ныне забытыми или героизированными. Бросается в глаза, что чем ограниченнее была территория, за которую шла борьба, чем гуще этническая толча, тем ужаснее прошлое таких мест. Особенно отличается этим древняя история пространств, прилегающих к Восточному Средиземноморью, — почитайте хотя бы Ветхий Завет. Там случалось, что один народ съедал другой — отнюдь не в переносном смысле (Числа, XIV, 7—9).

Недалеко ушла и Европа, чья история — цепь гекатомб, о которых европейцы стараются не вспоминать. Поражает спокойствие средневековых и более поздних источников, повествующих о поголовном истреблении жителей городов и целых областей, захваченных в ходе бесчисленных войн, поражает хладнокровие, с каким художники-современники изображали всякого рода изуверства. Вспомним Дюрера и Кранаха, вспомним гравюры Жака Калло с гирляндами и гроздьями повешенных на деревьях людей.

Удел Азии был не слаще — достаточно вспомнить «войны царств», неоднократно сокращавшие население Китая в разы.

Такие ужасы, как гора из двадцати тысяч отсеченных турецких голов перед шатром персидского шаха Аббаса в 1603 г. или корзины вырванных человеческих глаз в качестве свидетельств военных побед, достаточно типичны для бесчисленных азиатских взаимоистреблений. Причины их были те же, что мучили Европу: избыток населения, соперничество за земли, воду и пищевые ресурсы на густонаселенных пространствах.

Насколько Русь — Россия разделяла суровую участь европейцев и азиатов? Ответ будет для многих неожиданным: в сравнительно малой степени. Мы с детства усвоили, что наши предки «вели непрерывные оборонительные войны, отстаивая свою независимость». Вели, конечно. Только непрерывными их назвать нельзя. Страна без четких природных рубежей не могла не подвергаться нападениям, но Русская земля, как совокупность княжеств, мало где и мало когда прилегал непосредственно к землям могущественных и агрессивных соседей. Попросту говоря, захватчикам еще надо было до нее добраться. Именно поэтому Русь знала достаточно долгие, по мировым меркам, периоды спокойствия и стабильности. От междоусобиц погибало, судя по летописям, больше людей, чем от «наездов» (очень старое слово) внешнего врага — до появления Орды, конечно.

Можно сказать еще определеннее: с соседями скорее повезло. Попытки натиска на Русь с запада не имели в Средние века серьезных последствий, поскольку были отражены. Северные пришельцы, варяги, быстро растворились в славянской среде: уже внук Рюрика носит имя Святослав. Для сравнения: норманны покорили Британию в XI в., но вплоть до XV в. двор и знать говорили по-французски не только в своей среде, но даже с народом — французским языком указов.

Вторжений с запада не было веками. За 363 года между Ледовым побоищем (отражением вылазки Тевтонского ордена в Северо-Западную Русь) и началом польской интервенции в 1605 г. произошло несколько русско-литовских войн (в то время, по сути, войн русских с русскими) и приграничных войн с Тевтонским орденом и Швецией. Значительной была лишь Ливонская война, но она была затеяна самим

Русским государством, нуждавшемся в выходе к Балтике. Польское вторжение 1605—1618 гг. (подкрепленное шведским) было первым в истории случаем глубокой, с захватом Москвы, агрессии с западного направления на русскую территорию. Великую Северную войну против Швеции за выход к Балтике начала в 1700 г. опять-таки сама Россия, но временные неудачи в этой войне привели к шведскому вторжению в Россию в 1707 г. Это вторжение закончилось полным разгромом шведов под Полтавой. Поход Наполеона через сто с лишним лет после этого стал вторым в истории глубоким, до Москвы, вторжением с запада в Россию. В XX в. врагов с этого направления впустил в Россию ленинский Брестский мир. Самой страшной агрессией с запада была гитлеровская. Но надо отдавать себе ясный отчет: европейские страны завоевывали друг друга неизмеримо чаще — невозможно даже сравнивать.

Не было смертельной вражды и с Волжско-Камской Булгарией на востоке, хотя взаимные походы имели место. По-настоящему опасен был лишь юг. Но народы «южного подбрюшья» Руси (угры, обры, половцы, печенеги, хазары, торки, берендеи и проч.) развивали натиск не настолько мощный, чтобы угрожать самому ее существованию. Временами они даже становились ситуативными союзниками русских князей.

Однако у степняков, как уже было сказано, хватило сил вытеснить славянское население Северного Приазовья и Причерноморья за Днестр и Дунай, на Северный Кавказ, а главным образом — под защиту более дремучих лесов: в верховья Дона и в бассейн Оки. Для восточных славян того времени еще не пришла пора твердо закрепиться на пространствах между низовьями Днестра, Днепра, Дона и Волги.

Решив окончательно снять проблему степной угрозы, Андрей Боголюбский перенес в 1157 г. столицу Руси с Днепра на Клязьму, во Владимир. Великому князю едва ли пришлось бы тогда в голову, что через 80 лет из глубин Азии нагрянет злая Орда, против которой Русь не устоит. Первое Великое бедствие явилось в наше Отечество, таким образом, почти четыре века спустя после начала нашей письменной истории.

Глава вторая

Неизбежность расширения

1. Нестиснутые пределы

Начальные, до ордынского нашествия, века Руси нельзя, конечно, назвать благодетными. Случались мор и глад (но никогда не повсеместные), не стихали кровавые междоусобицы, но по свирепости они все же не достигали накала европейских войн. Ибо там за тот же период произошло несколько завоеваний Италии, Фридрих Барбаросса разрушил Милан, арабы завоевали Испанию, а испанцы начали Реконкисту, венгры почти век опустошали Центральную Европу, крестоносцы разорили и разграбили Константинополь и значительную часть Византии, герцогства и княжества в кровопролитных битвах переходили из рук в руки, возникла инквизиция. В 1209 г. сожжением города Безье (из 7 тыс. жителей не уцелел ни один) начались длившиеся полвека Альбигойские войны, в ходе которых была вырезана половина населения Южной Франции. И чтобы общая обстановка была понятнее, такая деталь: в начале XIII в. в Европе было 19 тыс.(!) лепрозориев¹. В них не лечили, туда запирали. Свирепость болез-

¹ Большая советская энциклопедия [1-е изд.], том 64. — М., 1934, стб. 519.

ней не должна удивлять: в отличие от Руси, в тогдашней Европе не было бань.

Означает ли сказанное, что предки современных народов Европы были, по сравнению с нашими, слишком драчливы, жестоки, нечистоплотны? Конечно нет. Просто количество людей в Европе (очень скромное, по нынешним меркам) постоянно превышало возможности их прокорма. В любой данный момент голодала часть населения, доходило до поедания выкопанных из могил мертвецов, повсюду бродили бездомные, а рыцари жили разбоем. Войне, восстанию, смуте обязательно предшествовал неурожай. Сотни тысяч верующих не устремились бы в первый же Крестовый поход, если бы не семь подряд голодных лет перед ним.

А теперь представим себе тогдашнюю Русь и ее окраины (в те времена говорили «украины»), особенно Северо-Восточной Руси. Ее окружали густые леса. В них можно было углубляться дальше и дальше, селиться вдоль бесчисленных рек, где (цитирую Георгия Федотова) «проще было выжечь и распахать кусок ничьего соседнего леса, чем удобрять истощившееся поле». По-научному это зовется подсечным земледелием. Лес «подсекали» под корень, по возможности корчевали и оставляли лежать. Когда древесина высыхала, ее поджигали. Зола неглубоко запахивали в землю, пшеница давала богатые урожаи, но недолго. Тогда переходили на новое место.

Несомненно, при этом были стычки с чудью, сумью, весью, югрой, мещерой, мерей, муромой, это печальная, хотя исторически уже почти не реконструируемая страница нашего прошлого. Классик отечественной этнографии Дмитрий Константинович Зеленин (1878—1954) подчеркивает: *«Идиллически мирная колонизация русскими Северо-Восточной Европы, заселенной раньше финноязычными племенами, — это одна из созданных историками легенд»*. Русское расселение шло преимущественно вдоль больших рек, и «разумеется, финно-угорские народы, занимавшиеся рыбной ловлей, не по доброй воле покинули берега рек»¹, заняв лесистые и бо-

¹ Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. — М., 1991. С. 30.

лотистые водоразделы. Но тот же Зеленин отмечает: «Все финноязычные племена, упоминаемые в древнерусских летописях, сохранились до нашего времени». Можно добавить: в отличие, например, от исчезнувших с лица земли (точнее, с лица Британии) пиктов, и не только их¹.

То, что между славянами и финно-угорскими народами не было постоянной вражды, видно из рассказа о призвании варягов в «Повести временных лет» (под 862 годом): «Реша руси, чюдь, словени и кривичи и весь: “Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да пойдете княжить и володети нами”». И далее: «И по тем городом суть находници [пришельцы] варязи, а перьвии насельници в Новегороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Беле-озере весь, в Муроме мурома». О союзных отношениях говорит и то, что воевали нередко вместе. Князь Олег ведет в свой поход 882 г. «много воинов: варягов, чуди, словен, мерян, весь и кривичей». Окончательно неантагонистические отношения установились после христианизации финно-угорских народов, растянувшейся на века (Само слово «крестьянин» возникло из противопоставления русских христиан-земледельцев финским язычникам — рыболовам и звероловам.) Мирное сосуществование на Русской равнине установилось не в силу выдающейся терпимости сторон, а потому, что пространства, по большому счету, хватило всем — территория позволяла.

Подсечное земледелие располагало к перемене мест. В новом поселении за короткий срок ставился деревянный сруб. При таком обилии леса кто бы стал тратить силы и время на каменное жилище, чтобы оно потом держало на месте, как якорь? Подсечное земледелие дожило в ощутимых масштабах до XV в. — кто же от него добровольно откажется, когда по урожайности оно многократно выгоднее пахотного?

¹ Английские археологи в раскопках на местах бывших болот постоянно натываются на жуткие захоронения людей первых веков нашей эры, нередко массовые, со следами насильственной смерти. Об этом шла речь в нескольких документальных фильмах образовательного канала Би-би-си, показанных на российском канале «Культура».

Так рождались наша экстенсивная психология и легкость на подъем, позволившие русскому этносу заселить огромные пространства. То и другое — производные нашей географии. В. О. Ключевский называет переселение и колонизацию этих пространств *«основным фактором нашей истории, с которым в близкой и отдаленной связи стоят все другие ее факты»* (Курс русской истории, лекция II).

Что же до западноевропейцев, у них была совсем другая география. Стиснутые ею, они не только истребляли друг друга, но и придумывали, как повысить урожаи, проявляли хозяйственную изворотливость, закладывая основы интенсивного хозяйствования. Лес часто был недоступен, строили из камня, а значит, на века. Изъяны мало-помалу оборачивались движущими силами.

2. Пространство и народный характер

В 1581 г. частная армия «соликамских баронов» Максима и Николая Строгановых — на тот момент самых богатых нетитулованных частных лиц в мире — выступила в поход против хана Кучума. Через 17 лет Сибирское ханство (это меньше четверти Сибири) было покорено, а еще полвека спустя Семен Дежнев открыл пролив между Азией и Америкой. Когда-то Д. И. Писарев (тот самый, «революционный демократ») сравнил, с учетом расстояний и затраченного времени, продвижение русских и американцев к двум берегам Тихого океана и пришел к выводу, что русское продвижение было в 5—6 раз более энергичным. Даже будучи, как мы знаем, крайним скептиком, он признал этот факт *«самым красноречивым выражением нашего колоссального, железного характера»*.

Полученный коэффициент сильно вырос бы, соотнеси Писарев тяготы двух продвижений. Когда осознаешь, какой путь проделали наши предки, продвигаясь навстречу солнцу в направлении Тихого океана, и видишь их «стартовые позиции», волосы встают дыбом. Сама возможность появления единого государства на пространстве от Черного, Каспийского, Бал-

тийского, Белого и Баренцева морей до Тихого океана и превращения его в мировую державу — не что иное, как чудо.

О подвиге первых освоителей великих и гиблых пространств за Уралом замечательно сказал Валентин Распутин: *«Без дорог, двигаясь только по рекам, волоком перетаскивая с воды на воду струги и тяжелые грузы, зимую в ожидании ледохода в наскоро срубленных избушках в незнакомых местах и среди враждебно настроенного коренного кочевника, страдающая от холода, голода, болезней, зверья и гнуса, теряя товарищей и силы, пользуясь не картами и достоверными сведениями, а слухами, грозившими оказаться придумкой, не ведая, что ждет их завтра и послезавтра, они шли все вперед и вперед, все дальше и дальше на восток. Это после них появятся и зимовья на реках, и остроги, и чертежи, и записи “расспросных речей”, и опыт общения с туземцами, и просто затеси, указывающие путь, — для них же все было впервые, все представляло неизведанную и опасную новизну»*¹.

Вся история освоения Северной Азии, в особенности азиатского побережья Северного Ледовитого океана, берегов Охотского и Берингова (задолго до Беринга) морей и путей к этим берегам, порождает вопрос: **что двигало казаками-первопроходцами? В этом есть загадка.** Принято считать, что их манила лучшая в мире пушнина — подобно тому, как испанских конкистадоров манило золото. Но не были ли смертельные трудности и неодолимые расстояния столь велики, что уже не оправдывали никакой барыш? Вдобавок на любом отрезке их пути вокруг и так было изобилие пушного зверя — остановись и добывай (в сибирских преданиях сохранилась память о временах, когда «казáчки соболя коромыслом бивали»). В стремлении первопроходцев к океанам и в их способности выполнить поставленную задачу, в их беспощадности к себе и другим было что-то еще, что-то ускользающее от нашего понимания, но несомненно связанное с особенностями народного русского характера и православной веры.

В 1648 г., когда был основан Охотск, наш первый тихоокеанский порт, население всей России не превышало 7 млн че-

¹ Родина. 2000, № 5.

людей. При этом ее площадь составляла уже три четверти нынешней. Как при столь скромных человеческих ресурсах удалось «переварить» эти исполинские пространства, обеспечить их управление и единство, не дать распасться на княжества и куропалатства¹, как удалось наладить защиту и контроль, сбор налогов, правосудие, единообразие исполнительных органов (но единообразие гибкое, учитывающее местные особенности), преодолеть сопротивление сибирских народов, устроить пути сообщения, ямские станции, пристани, переправы, снабжение необходимым, склады, вывоз пушнины и бивня, охрану путей, почту, пограничную службу, таможни?

Повторюсь: попытки мысленно смоделировать эти процессы приводят к выводу — такое государство невозможно. Его не удалось бы ни создать, ни удержать от распада — и в XVII, и в XVIII, и в XIX, и в XX в. — слишком уж много неодолимых сил стояло на пути. Но оно состоялось, вопреки всему.

Не забудем, что сага русских пространств началась задолго до Строгановых и Ермака. Процесс освоения территорий, прилегающих к корневым русским землям, почти изгладился из исторической памяти, но дался едва ли проще, особенно на северных и северо-восточных направлениях.

Что это нелегкие места, видно и сегодня. Когда едешь из Москвы в Санкт-Петербург дневным поездом, нельзя не заметить, что после Твери по сторонам дороги преобладают леса довольно глухого вида. И это на относительно небольшом (по российским меркам) 600-верстном пути между двумя главными и самыми большими городами страны, вдоль железной дороги, действующей более полутора веков! А прокатитесь как-нибудь поездом из Петербурга через Вологду и Вятку в Екатеринбург (2100 км). Или из Москвы в Архангельск (1100 км), Мурманск (2100 км), Воркуту (2300 км), Пермь (1400 км). Леса почти безлюдного облика будут провожать вас почти на всем пути. Притом что это территории, вошед-

¹ А предпосылки к тому были: *«Команды городов, как воюющих государств, дрались между собою за право собирать ясак»* (П. А. Словцов. История Сибири. — М., 2006. С. 84). Сепаратизм всегда имеет экономическую подоплеку — независимо от того, что написано на его знамени.

шие в состав Русской земли минимум 500 лет назад, а в основном и гораздо более!

Правда, вплоть до 30-х гг. ушедшего века эти местности не были столь безлюдны. С тех пор не прекращается их запустение. Коллективизация, война, «оргнаборы» лишили деревню самых сильных и деятельных. Потом пришел черед ликвидации «неперспективных сел», создания чудовищных «агрогородов» и прочих идеологических опытов с селом. В итоге многие тысячи поселений исчезли, поля заросли бурьяном. Деградировали сотни малых городов, тесно связанных со своим аграрным окружением. (Для справки: сегодня в России 1095 городов.)

Но вот что важно: и до разорения сельской России эти пространства не были густо заселены. Страна явно не мучилась безземельем, что же толкало ее на территориальную экспансию «встречь солнцу», какие свойства русского этноса?

Люди уходили, бежали на новые места не только от переставшей родить пашни, но и от тисков социального контроля, от волостелей, воевод, тиунов, вотчинников, помещиков, мирских старост и мира как такового. Беглецы были нужны на юге и на востоке, где строились города-крепости, была постоянная необходимость пополнения гарнизонов, а людей не хватало. Ничего не изменило даже Соборное уложение 1649 г. с его бессрочным требованием возвращения беглых. Соответствующие статьи Уложения попросту не исполнялись. Ключевский не зря говорил, что вся история России есть история колонизации. Следует добавить: в основном самочинной.

3. Народ-захватчик?

Будь русский народ более терпелив, страна осталась бы в границах Ивана Калиты и развивалась бы не по экстенсивному, а по интенсивному пути. Но российская история пошла иным путем, и, видимо, могла пойти только так. География склоняла ее к этому пути. От себя добавлю: к счастью.

Государство шло вслед за народом, всякий раз признавая свершившийся факт, но присылая воевод. *«Воеводы вместо того, чтобы разорять самовольные поселения, накладывали*

на них государственные подати и оставляли их спокойно обрабатывать землю» (А. Дуров. Краткий очерк колонизации Сибири. — Томск, 1891. С. 11). И все повторялось.

Впрочем, беглые не всегда опережали воевод. Довольно часто они вселялись с их ведома. «Сибирский Карамзин» Петр Словцов пишет про «безгласное» (т. е. без огласки) водворение «беглых из России людей» на протяжении всего XVII в.

Самым масштабным стало бегство от реформ и податей Петра I: «Ожесточенные жители открыто сопротивлялись царским указам, собирались толпами, били дубьем чиновников и солдат... Народ бежал на Дон и в украинные земли; по рекам Бузулуку, Медведице, Битюгу, Хопру, Донцу завелись так называемые верховые казачьи городки, населенные сплошь беглецами» (Н. И. Костомаров. «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», гл. 15).

За 20 лет правления дочери Петра, Елизаветы, только официально учтено четверть миллиона убежавших — более полутора процентов населения страны. Беглецы достигали Пруссии и Турции.

Россия — едва ли не мировой чемпион по части народных восстаний, крестьянских войн и городских бунтов. Это не позволяет уйти от вывода: в нашем народе всегда была высока доля людей, не умеющих, сжав зубы, подолгу смиряться с чем-то тягостным и невыносимым. Нам сейчас даже трудно себе представить такую высокую долю непокорных людей в популяции — в какой бы то ни было популяции. Если бы не они, в истории России не было бы казачества, не было бы старообрядцев, не говоря уже об освоении исполинских пространств, — значит, речь идет о миллионах. Сага русского расселения замечательно описана в трудах академика Михаила Кузьмича Любавского (1860—1936)¹. Земли за Волгой и Камой, к югу от засечных линий, значительная часть земель на севере и северо-востоке — короче, все бесчисленные «украины» по периферии Руси — были заселены главным образом беглецами.

¹ В наиболее исчерпывающем виде — в работе «Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» (М., изд. МГУ, 1996, 682 с.).

Но существовала и государственная политика территориального расширения. Она не была единой. С движением к Балтике все очевидно: бывшую Водскую пятину Великого Новгорода, Ижорскую землю — то, что было отнято в 1617 г. у ослабленной в Смуту России, просто следовало отвоевать обратно. Такой обширной стране был абсолютно необходим кусок морского берега с гаванями.

Что же до продвижения на юг, тут были свои неотменимые причины. Первой из них была самозащита. Век за веком, строя засечные линии, Россия теснила своих исторических врагов, живших набегами и грабежом — Большую Орду, Ногайскую Орду, Крымское ханство и его союзницу Астрахань. После многих десятков их набегов, не раз до самой Москвы, потеряв счет сожженным и разграбленным городам и угнанным людям, Россия обязана была устранить угрозу радикально. Но при этом надо иметь в виду, напоминает Д. С. Лихачев, что *«Казанское и Астраханское царства русский государь принял под свой скипетр на равных основаниях, признав тамошних князей и вельмож»*¹.

Была и вторая причина. После падения в 1453 г. Константинополя Русь увидела себя последней (мелкий валашский князь Дракула не в счет) православной державой, чей долг — защищать единоверцев, оказавшихся «под басурманами». Установление опеки над Грузией и Арменией и вызволение греков было понято как нравственный обет России.

Первое грузинское посольство, присягнувшее русскому царю, прибыло в Москву еще в 1491 г. Великая грузинская мечта о русском подданстве сбылась лишь 310 лет спустя, на протяжении которых челобитные и присяги многократно обновлялись. Грузинская эмиграция в Москве, а затем в Петербурге постоянно лоббировала вопрос. В число эмигрантов нередко входили грузинские цари и царевичи вместе с двором. Набожный государь Алексей Михайлович не раз плакал, размышляя об участи братьев христиан. Но что он мог сделать? Все жалованные грамоты о приеме в подданство мало что значили без

¹ *Новый мир*, № 2, 1993.

военного присутствия на месте. Следующие цари обеспечили это присутствие ценой череды войн против Персии и Турции. (Несколько азербайджанских ханств стали частью империи из-за своего географического положения: добраться до Грузии в то время можно было только каспийским берегом.)

Простой народ разделял заботу о единоверцах. Когда Земский собор обсуждал в октябре 1653 г. просьбу гетмана Хмельницкого о принятии его «со всем войском козацким и со всем русским народом Малой Руси» «под высокую царскую руку», Ивановская площадь Кремля была заполнена москвичами, ожидавшими, что решит Собор, — и весть о положительном ответе вызвала ликование.

И два века спустя неравнодушные крестьяне искали в газете в первую очередь зарубежные новости — не мучают ли где турки христиан (Василий Слепцов. «Газета в деревне», 1868). В 1877 г. сильнейший нажим общественного мнения буквально вынудил правительство Александра II вступить в войну с Турцией за независимость славянских братьев на Балканах.

Ряд войн в своей истории Россия вела вопреки собственным интересам, но в защиту православных украинцев, белорусов, карел, молдаван, румын, греков, болгар, сербов, черногорцев. Недаром вплоть до большевистского переворота в ситуации выбора православные и близкие к ним народы выбирали Россию. Так, в 1617 г., после Столбовского мира, отрезавшего Россию от Балтики, карелы, ижора и вольг устремляются с отходящих «под шведа» земель в русские пределы. В 1914—1917 гг. сотни тысяч армян и десятки тысяч близких к православию христиан-ассирийцев, живших на территории Османской империи, бегут в Россию через Персию.

4. Неизбежность империи

Хотя политика опеки восточных христиан оставалась непоколебимой вплоть до 1917 г., в XIX в. она утратила свою чистоту. Александр I прирезал в 1809 г. к Российской империи лютеранскую Финляндию, а в 1815-м — большую часть като-

лического герцогства Варшавского (его отец и бабка присоединяли лишь православные земли Речи Посполитой). Во второй половине XIX в. Россия последовала примеру Англии и Франции, наперегонки приобретающих колонии по всему миру, и силой присоединила Туркестан. Многие с самого начала считали это ошибкой. Генерал Ростислав Фадеев в газетных статьях и записках на высочайшее имя доказывал, что азиатские владения висят веригами на России. Его возмущал тот факт, что налоговое бремя закавказского жителя составляет четверть, а среднеазиатского — пятую часть общероссийской величины. В том, что касается южного пояса Российской империи, «колониальный контракт» был экономически невыгоден всегда, и в советское время тоже. Правда, за одним важнейшим исключением. Этим исключением был Азербайджан. Без бакинской нефти СССР не выстоял бы в войне. Но в целом подход к прошлому с точки зрения материальной выгоды (или невыгоды) ложен.

Смысл империй — не в барыше, который они приносят. Империи имеют право быть убыточными. Империи — это культурная экспансия, стратегические тылы, стимулирующий вызов. Важнее всего первое. Российская империя и ее преемник СССР справились с задачей культурной экспансии очень даже неплохо, причем не только метрополия воздействовала на окраины империи, было и обратное влияние. Пропустив имперский этап, Россия и русские были бы во многом другими.

Сегодня мессианскую и имперскую политику принято осуждать. Но ни одну страну нельзя судить по более поздним, не имеющим обратной силы законам. Процитирую историка В. П. Булдакова: *«Империя — способ пространственно-исторического самоутверждения избыточно мощной культуры. Империя — не исторический грех, а закон общечеловеческого развития».*

Признаем право национальных элит видеть вещи иначе, но было бы жаль, если бы в истории России не было среднеазиатского периода, не было «Большой игры», авантюры Черняева, гумилевских «туркестанских генералов», не было Вережцагина, Семенова-Тяншанского, Пржевальского, Мушкетова,

замечательной плеяды русских картографов, геодезистов, геологов, ботаников, не было семиреченских казаков, Кушки с ее исполинским крестом (интересно, оставили его туркменские власти?) и Джун-Джун-Клу (мой дед служил на этом разъезде), если бы Крыша Мира, ледник Федченко, хребет Петра Первого, великие пограничные перевалы Иркештам и Торугарт не были частью российской истории... Это было бы равносильно молодости без приключений.

Уверять (как иногда делают), будто Российская империя создавалась бесконфликтно и строго на добровольных началах, разумеется, глупость. Как и всякая империя в период своего строительства, Россия тяжко прошла по судьбам ряда малых народов, там было не до прав и свобод человека в современном их понимании. Одно можно утверждать с уверенностью: геноцидов в полном смысле слова на совести России нет. Все познается в сравнении. Американский историк Дэвид Стэннارد в своей книге «Американский холокост: завоевание Нового Света» показал, что освоение Америки сопровождалось самой страшной этнической чисткой в истории человечества: за 400 лет пришельцы из Старого Света физически уничтожили около 100 млн (!) коренных жителей¹. На пятом континенте англичане истребили большинство австралийских аборигенов и всех (!) тасманийцев.

Да, все познается в сравнении. Русские миссионеры еще в 1379 г. составили азбуку для зырян (тогдашнее название народа коми) и перевели на их язык духовные тексты, а герман-

¹ David E. Stannard. *American Holocaust: the Conquest of the New World*. — Oxford (Connecticut), 1993. Территория, ныне входящая в США, была далеко не главным ареалом расселения американских индейцев. Но и на ней число индейцев сократилось, согласно Уорду Черчиллю (Ward Churchill) из университета Колорадо, с 12 млн в 1500 г. до 237 тыс. в 1900-м, в 51 раз. Профессор Черчилль — автор таких книг, как «Пустынок геноцида» (*A Little Matter of Genocide: Holocaust and Denial in the Americas 1492 to the Present*. — San Francisco, 1997) и «Фантазии высшей расы» (*Fantasies of the Master Race: Literature, Cinema, and the Colonization of American Indians*. — San Francisco, 1998). См. также: Jay David. *The American Indian: The First Victim*. — New York, 1972; Richard Drinnon. *Facing West: The Metaphysics of Indian-Hating and Empire-Building*. — Minneapolis, 1980.

ские «ордена», поработив латышей и эстонцев около 1200 г., оставили их без письменности до XVI в. Посреди Европы! В немецких хрониках, а других нет, латыши и эстонцы предстают безликой массой, людьми без имен, им долго не позволялось даже ночевать в городах. Всех крепостных и зависимых людей называли «ненемцами», т. е. нелюдьми. За второй побег от хозяина крестьянину отрубали ногу. Вплоть до присоединения к России в XVIII в. в усадьбах баронов стояли виселицы для строптивых крепостных. Даже оказавшись в российском подданстве, немецкая верхушка еще век не ослабляла железную хватку на горле несчастных. Преодоление национально-замороженного состояния двух народов началось лишь в XIX в.

В России умели мириться с завоеванными. Верхушка маленького, но гордого народа приравнивалась к российскому дворянству и вливалась в его ряды. Дети и внуки мюридов Шамиля были русскими генералами. Нет ни одного примера английских генералов из гвианцев и гвинейцев¹.

Уже в 1870-е г. личная охрана русских царей состояла из казаков и кавказцев, чаще всего чеченцев (напомню: кавказ-

¹ Английский случай вообще особый. Аристократия этой страны веками вырабатывала стойкое презрение к простолюдину и его страданиям, да и вообще ко всякому чужому страданию. Отсюда главная заповедь аристократа — не выказывать никаких эмоций. В утешение нижестоящим им было внушено, что, будучи англичанами, они точно так же возвышаются над любым «небелым» народом, как английская аристократия — над ними. Такая установка очень пригодилась при завоевании и эксплуатации колоний: истребляя «дикие народы», британские солдаты не сомневались в своем праве поступать так. Как и представители среднего класса. Еще в 1902 г. не кто иной, как Герберт Уэллс, пишет: «Единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение» (H. G. Wells. Faith, morals and public policy of the New Republic // Works, vol. 4. — London, 1924). Неудивительно, что в первой половине XX в. часть левых интеллектуалов Англии охватило острое чувство вины, под влиянием которого одни стали советскими агентами влияния или даже просто агентами, другие начинали отрицать все английское. «Интеллектуалы стыдятся собственной национальности, — писал Джордж Оруэлл. — В левых кругах полагают, что в принадлежности к английской нации есть что-то постыдное...» (George Orwell. Collected Essays, Journalism and Letters, v. II. — Harmondsworth, 1970, p. 95).

ские войны закончились только в 1864 г.). От этой практики не отказались даже после того, как во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. один из охранников был завербован турецкой агентурой и получил задание убить царя. Изменника покарали, но на положении остальных это не отразилось.

Часто приводят пример народа, трижды в XIX в. восстававшего за свою свободу против Российской империи. Поляки восставали, это правда. Но правда и то, что русские давили поляков не так жестоко, как австрийцы (в том же в XIX в.) давили итальянцев, а англичане — ирландцев (восемь веков кряду).

То, что русские — неважные угнетатели, было известно всегда. Не кто иной, как царь Николай I (цитирую американского историка Уолтера Лакера), *«совершенно справедливо полагал, что немцы — более подходящее орудие для проведения угнетательской и непопулярной политики, чем русские, которые ценили свою независимость гораздо выше»*. Русский сановник из немцев был воплощением душителя свободы именно в силу того, что добросовестно следовал букве закона, даже плохого, тогда как русские от века следовали правилу: дурные законы должно смягчать дурным их исполнением. *«Поскольку множество немцев избрали службу русскому самодержавию, — пишет Лакер, — у некоторых прогрессивных русских сложилось ошибочное мнение, будто самодержавие вывезено из Германии»*¹.

Русских отличает пониженная, на фоне большинства народов, жестокость. Люди, выжившие в фашистских лагерях и оставившие воспоминания, сходятся в том, что надзирателей (капо) практически никогда не назначали из русских пленных.

¹ У. Лакер. Россия и Германия — наставники Гитлера. — Вашингтон, 1991. С. 69 и 71.

Глава третья

Хорошо там, где мы есть

1. Не все довольны местом России на глобусе

Но вот имперский и советский периоды позади. Ныне почти весь ареал проживания великорусского народа находится внутри российских границ. Оставшиеся за этими границами значительные (заметные на карте) очаги компактного проживания людей великорусского самосознания в Восточном, Центральном, Северном и Западном Казахстане, Крыму, Новороссии, в украинской части Донбасса, в некоторых других областях Восточной Украины, в прилегающих к России частях Белоруссии, в Латгалии (часть Латвии) и на северо-востоке Эстонии имеют суммарное население порядка 6 млн человек, что равно пяти с небольшим процентам от русского населения Российской Федерации. Еще около 14 млн людей великорусского самосознания живут в бывших республиках СССР некомпактно, в городах. Так же некомпактно живут в этих бывших республиках десятки тысяч татар, чувашей, мордвы и представителей других народов, чья родина — Россия.

Поскольку Российская Федерация — пространство расселения подавляющего большинства великорусского этноса, о ней можно говорить как о территории исторического выбо-

ра наших предков. Давайте посмотрим, что за землю для жизни и хозяйственной деятельности они выбрали для себя и завещали нам. Скажем сразу: многим российским публицистам и даже профессорам полученное наследство сильно не нравится. Не нравится местоположение нашей страны, ее размеры, расстояния, климат.

Самые большие претензии к российскому климату. Если верить таким авторам, как Л. В. Милов, В. Г. Сироткин и А. П. Паршев, с климатом в России дело обстоит настолько плохо, что единственный выход для нас — экономическая самоизоляция.

Эти воззрения можно обобщить так. Холодный российский климат заставляет нас тратить слишком много сил и средств на утепление и обогрев производственных и жилых зданий, а также на обогрев собственного тела. Эти затраты в сочетании с нагрузкой больших расстояний настолько удорожают российскую промышленную продукцию, что нам на мировом рынке делать нечего. По тем же климатическим причинам в России нерентабельно — с точки зрения цен мирового рынка — практически любое сельское хозяйство. Некоторые уголки России чуть благоприятнее по своему климату, но положение дел от этого не меняется, ибо и этим уголкам все равно далеко до благословенных стран.

Ущербность российского климата названные авторы стараются показать на образных примерах, один из самых замечательных таков: *«Плюс 50° человек может выносить довольно долго, а переохладиться и умереть можно и при плюс 10°!»* Написать такое, на мой взгляд, можно только в обмороке. Сделал это в своей книге «Почему Россия не Америка?» Андрей Петрович Паршев — правда, не профессор. Много места в этой книге он уделил своим климатологическим и агроклиматическим изысканиям, но лучше бы он этого не делал: тяжело наблюдать муки дилетанта, запутавшегося в чуждых ему областях знаний.

Ярко блеснул и выдающийся путаник профессор Ю. Н. Афанасьев. Бывший ректор РГГУ, он выступил с таким утверждением: *«Две трети населения страны живут в условиях средне-*

годовой температуры ниже минус пяти градусов»¹. Для великого знатока России (Ю. Н. Афанасьев даже сочинил книгу «Опасная Россия») это сильное заявление. Прошли годы, но его фантастические градусы засели в памяти пишущей братии. Они снова и снова всплывают в газетах и с экрана, сбивая людей с толку².

Многолетние средние минус пять градусов и ниже — это температуры арктические, да и то присущие далеко не всякому району Арктики. К примеру, в Мурманске этот показатель равен плюс 0,2°. Среднегодовая температура острова Колгуев в Баренцевом море и то не дотягивает до минус пяти: она равна там минус 2,9°³. Мое воображение бессильно представить, откуда профессор Афанасьев мог взять свою цифру.

Профессор математики Александр Иванович Орлов в своем учебнике «Менеджмент» (М., 2003) внушает студентам: *«В течение ближайших десятилетий возможны лишь (! — А. Г.) два сценария... Во-первых, приближение к канадской модели, с уходом остатков (! — А. Г.) населения из Северной и Центральной России и Сибири на юг (Кубань, Ставрополье). Во-вторых, переход к сильной государственной политике (в частности, национализация топливно-энергетического комплекса, введение монополии внешней тор-*

¹ *Московские новости*, 20.12.98.

² Не иначе как под влиянием подобных ученых заявлений министр спорта, туризма и молодежной политики В. Л. Мутко заявил (*Спорт-экспресс*, 9.04.2007) как об азбучной истине, что в России 75 % территорий (на самом деле 18 %) находится за Полярным кругом.

³ Вот небольшой ряд российских городов, расположенных по убыванию среднегодовой температуры: Сочи плюс 14,2°, Новороссийск плюс 12,7°, Темрюк плюс 11,4°, Армавир плюс 10,5°, Астрахань плюс 10,1°, Ставрополь плюс 9,8°, Таганрог плюс 9,5°, Волгодонск плюс 8,2°, Камышин плюс 7,1°, Саратов плюс 6,7°, Воронеж плюс 6,4°, Брянск плюс 5,9°, Тамбов плюс 5,7°, Оренбург плюс 4,9°, Владивосток плюс 4,6°, Смоленск плюс 4,5°, Казань плюс 4,1°, Кострома плюс 3,4°, Ижевск плюс 2,7°, Пермь плюс 2,2°, Котлас плюс 1,6°, Архангельск плюс 1,1°, Кемерово 0°, Улан-Удэ минус 0,5°, Ханты-Мансийск минус 1,2°, Николаевск-на-Амуре минус 2,1°, Магадан минус 3,0°, Бухта Провидения минус 4,0°. И наконец — сбылась мечта Ю. Н. Афанасьева! — минус 7,4°, Анадырь.

говли и т. п.)». Каким мощным должно быть незнание своей страны у человека, вообразившего этот «уход остатков»!

Беда с географией у многих наших профессоров. Юрий Васильевич Олейников, доктор философских наук, «автор ряда исследований по проблемам социальной экологии», утверждает (в журнале «Москва», № 4 за 1998 г.), что более $\frac{2}{3}$ пространства России расположены выше 65-й параллели. Видимо, карта родины в библиотеке Ю. В. Олейникова отсутствует, иначе бы он заметил, что на указанной широте расположены Соловецкие острова в Белом море, гора Народная в хребте Приполярный Урал и столица Чукотки Анадырь. 65-я параллель проходит вблизи населенных пунктов, соперничающих за право считаться полюсами холода Евразии, — Верхоянска (он несколько севернее) и Оймякона (он несколько южнее). И что, две трети российской территории лежат еще севернее? А южнее — жалкая треть? Когда читателя пытаются уверить в подобном вздоре уже в первом абзаце статьи, стоит ли читать остальное?

2. Сравнения с другими странами

Л. В. Милов, профессор исторического факультета МГУ и академик, заявляет: *«Россия НИКОГДА не могла прокормить себя хлебом... Да, по сравнению с XVIII в. производительность труда на селе увеличилась в сорок — пятьдесят раз. Но природа-то осталась неизменной! Поэтому себестоимость российской сельхозпродукции ВСЕГДА будет выше западной... В России ничего не выгодно делать»* (Огонек, 19.03.2001). В связи с чем, развивает свою мысль профессор в другом тексте, для России *«та или иная степень [само]изоляции неизбежна»*.

Все это много раз повторено и в упомянутой книге Андрея Петровича Паршева. С повышенным вниманием автор относится к выращиванию зерновых, и правильно. Без бананов прожить можно, без хлеба нет. Называет он и благословенные страны, где заниматься сельским хозяйством неизмери-

мо легче и выгоднее, чем у нас. Особую нежность у него вызывает Канада, чей климат он находит очень теплым.

Посмотрим и мы, как обстоит дело в Канаде. Главные тамошние житницы — провинции Манитоба, Альберта, Онтарио и особенно Саскачеван. В Саскачеване выращивается около 45 % канадской пшеницы.

И каков же здесь климат? Судите сами: Саскатун, самый крупный город провинции, имеет среднюю годовую температуру плюс 0,8°, как наш сибирский Новокузнецк. Регина, столица провинции, теплее: средняя годовая здесь плюс 2,4°, как в другом сибирском городе, Рубцовске (Алтайский край).

Провинция Манитоба производит пшеницы поменьше Саскачевана, но тоже очень много. Ее главный город, Виннипег, по старой памяти зовут пшеничной столицей Канады. Средняя годовая температура в Виннипеге плюс 1,6° — совершенно как в Омске. Удивительно ли, что сельское хозяйство Омской области также ориентировано на зерновые (2,4 млн га), причем 1,5 млн га засеивается пшеницей. Манитобские летние и зимние температуры, их годовой ход, максимумы и минимумы (летом до плюс сорока, зимой до минус сорока) также очень схожи с Омском. Длительность сельскохозяйственного периода та же¹. Вообще Алтай, Новосибирская, Омская, Курганская, Кемеровская области, юг Красноярского края, юг Тюменской области — классические производители пшеницы, минимально отличающиеся от пшеничных провинций Канады по природным условиям.

Ближе к Атлантическому океану канадский климат теплее и смягчается, среднегодовые температуры растут. Оттава — это уже наш Белгород, Квебек — Нижний Новгород, только чуть более влажные.

На значительной части «пшеничного пояса» США климатические условия тоже вполне экстремальны. Штат Северная Дакота — это что-то вроде перенесенной за океан Оренбургской области, но с более яростной природой. Морозы, как с

¹ Правда, в Красноярском крае (где холоднее) пшеницы выращивается еще больше, чем в Омской области.

гордостью сообщают американские справочники, достигали, случалось, минус 51,1° (не по Фаренгейту, не подумайте), а жара ставила рекорд: плюс 49°. Здесь сочетаются «достоинства» юга и севера: летом сюда доходят торнадо, зимой регулярны снежные бури. Река Ред-Ривер, разливаясь по весне, исправно причиняет огромный ущерб, последний раз в 2009 г. И никто не ноет. Видимо, нет своего Паршева. Да и зачем ныть, когда штат является крупнейшим в США производителем ячменя, подсолнечника, яровой пшеницы и, отдельной строкой, пшеницы твердых сортов. А также индеек.

Природа штата Южная Дакота чуть помиловосерднее, но тоже не подарок. Торнадо доходят сюда в среднем 29 раз в году, зимы выюжные, постоянны «зимние штормы», когда буквально все покрывается толстой коркой льда. Нередки засухи. При этом сельскохозяйственная продукция штата (пшеница, кукуруза, соя, говядина, свинина) имеет общеамериканское значение, идет на экспорт. Длительность сельскохозяйственного периода — как в Волгоградской и Астраханской областях.

Можно было бы продолжать по списку штатов, но, как говорили древние, «sapienti sat» — умному довольно. Самые крупные в мире производители пшеницы стали таковыми не по милости ласковой природы, а благодаря технике, удобрениям, агрономической науке, современной сельскохозяйственной инфраструктуре.

Рассуждения А. П. Паршева и его товарищей были бы справедливы в случае попыток засадить пространства российской тундры, к примеру, чайным кустом. Но таких попыток вроде бы нет.

3. То, что не укладывается в догмы

Все мы не раз читали и слышали: 70 % территории России относятся в зоне рискованного земледелия. Эта страшная цифра должна также означать, что 30 % территории России находится в зоне *нерискованного* земледелия. С учетом размеров нашей страны, это почти полмиллиарда гектаров.

Довольно приличная территория, аграрное безземелье нам точно не грозит.

Но возможно ли безрисковое земледелие где бы то ни было? В Древнем Египте даже пахать не требовалось — настолько плодороден был нильский ил, — но и там Ветхий Завет отметил семь неурожайных лет подряд. В странах, «где воздух, как сладкий морс», от нечаянного мороза гибнут цитрусовые, град уничтожает посевы, приходится вырубать и заново сажать лозу, более энергичные южные вредители уполовинивают урожай, муссонные ливни оставляют Бразилию без сахарного тростника и обрушивают мировой сахарный рынок (только что, в 2009 г.), свои трудности в выжженной солнцем Испании и слишком дождливой Ирландии. Взгляда на карту «Аллея торнадо» (http://en.wikipedia.org/wiki/File:Tornado_Alley.gif) достаточно, чтобы прийти к выводу: вся территория США — зона рискованного земледелия. «Аллея» охватывает чуть ли не тридцать штатов¹, но и оставшиеся не обделены засухами, наводнениями и колорадским жуком.

Не от хорошей жизни именно в пригретых солнышком краях люди стали создавать генно-модифицированные сорта растений, устойчивые к жаре и засухе, устойчивые к заморозкам на стадии завязи (очень популярным в субтропиках), к виноградной филлоксере и прочим насекомым, к какой-нибудь табачной мозаике и т. д. В теории, чем больше вы вкладываете в сельское хозяйство, тем оно менее рискованно, но совсем исключить риски невозможно.

Интересно, что некоторые из городских любителей рассуждать в Сети на сельскохозяйственные темы не отдают себе отчета в том, что словосочетание «зона рискованного земледелия» совсем не означает «зона невозможного земледелия».

¹ Ураган «Катрина» (2005) — от \$81,2 млрд до 125 млрд убытков, 1836 человек погибли, 705 пропали без вести; в тот же год случились ураганы «Вильма» («всего» \$22,7 млрд убытков) и «Рита» (\$10,5 млрд); а за год до того — ураганы «Чарли» (\$18,6 млрд убытков), «Иван» (\$18,1 млрд), «Фрэнсис» (\$10,4 млрд) и «Жанна» (\$8 млрд). Ураганы (торнадо) пересекают США с юга на север и нередко заходят в Канаду.

Совсем не на юге Сибири, а в 700 километрах по прямой к северу от Иркутска находится Ангаро-Илимо-Ленское междуречье. Русские землепроходцы, пришедшие сюда в 1630-х гг., сразу оценили положение здешних мест. Вот как это описал двести лет спустя своим неподражаемым слогом «сибирский Карамзин» Петр Словцов: *«По рекам Илиму и Куту енисейский отряд выплыл на устье последнего. Усть-Кут показался точкою, закрытою по тесноте горизонта, да и Лена тут не оправдывала наслышки о своей великости, тем не менее с приобретением сего места, обращенного в пристань и укрепление, открылся обоесторонний ход к югу и востоку на тысячи верст»*¹. Для закрепления в столь ценном пункте и продвижения дальше надо было решить продовольственный вопрос.

Илимский край суров и сегодня: среднегодовые температуры от минус 2° до минус 3°, январские — от минус 23° до минус 25°, июля — от плюс 17° до плюс 18,5°, абсолютная минимальная температура минус 60°, абсолютная максимальная плюс 38°, годовая амплитуда 98 (!) градусов. Заморозки начинаются 25 августа — 10 сентября, заканчиваются 2 — 10 июня. Каково же здесь было в XVII в., в разгар «малого ледникового периода» и с тогдашними возможностями ведения сельского хозяйства?

Но предки современных сибиряков были чужды пораженчества. Иркутский историк В. Н. Шерстобоев пишет: *«Обосновавшись здесь, русские быстро унизали все речные пути края цепочками деревень, разместив на стыках водных и волоковых дорог опорные остроги и в необычайно короткий срок, примерно за 18—20 лет, создали здесь, за 5000 верст от родины, край с прочным земледелием»*². Край с прочным земледелием!

В 1649 г. было учреждено Илимское воеводство, сто последующих лет остававшееся самой населенной частью Восточной Сибири. Оно обеспечивало хлебом все русское про-

¹ П. А. Словцов. История Сибири. — М., 2006. С. 84.

² Здесь и дальше цитаты из: В. Н. Шерстобоев. Илимская пашня: В 2 т. 2-е изд. — Иркутск, 2001.

движение на восток, вплоть до Камчатки. Мало того, переселенцы уже из среды здешних крестьян заселяли и осваивали своим плугом земли за «Байкал-морем» и дальше по Аргуни и Амуру.

«Горсть северорусского крестьянства, перенесенная волею судеб на Илим, показала изумительный образец умения в тяжелых условиях горно-таежного края быстро и навсегда утвердить русскую государственность. За какие-нибудь 60—80 лет закладываются почти все селения, существующие и теперь [Шерстобоев писал 60 лет назад; боюсь, немногие из этих селений дожили до наших дней — часть была залита рукотворными морями, часть стала жертвой «построения коммунизма». — А. Г.], создается устойчивое земледелие... вниз по Лене направляются наполненные илимским хлебом барки и дощаники... Расселение мелкими однодворными деревнями позволило русским разрешить необычайно сложную задачу — быстро освоить обширные владения, превратить безымянные географические пространства в волости и уезды Русского государства, сельскохозяйственные пустыни — в земледельческие области».

То, что илимские хлебопашцы кормили не только себя, но и все неземледельческое население воеводства, все Якутское воеводство, а затем и Камчатское, однозначно свидетельствует — они наладили товарное хозяйство, саму возможность которого в подобных местах отрицает и даже высмеивает профессор и академик Л. В. Милов. И наладили не на несколько нетипичных лет, а на три без малого столетия — вплоть до сталинской коллективизации

Именно сельскохозяйственное освоение, подчеркивает В. Н. Шерстобоев, стало «*стержнем экономического развития Сибири*», оно закрепило победу казаков, заставило местные народы сложить оружие, воспринять земледельческую культуру русского крестьянства и навсегда сделало сибирские пространства неотъемлемой частью России... *Истинными завоевателями Сибири были не казаки и воеводы, а пашенные крестьяне*». Будь Л. В. Милов прав, освоение Сибири просто не могло бы состояться. Очень жаль, что академик не

объяснил нам, почему в Сибири не было бедняков в тамбовском или пензенском понимании. С точки зрения старых губерний в Сибири были только середняки да кулаки. В Гражданскую войну сибирские крестьяне, видя большевистскую газету «Беднота», отказывались брать ее в руки. Они делали вывод (верный, как позже оказалось), что их хотят загнать в бедноту.

На сайте GlobalRus.ru как-то завязался яростный спор вокруг очередной моей статьи (под названием «Главная угроза России может быть еще впереди»), и участница обсуждения Вероника, отвлекшись от темы, вдруг превосходно осветила вопрос о границе зоны рискованного земледелия: *«Различия в экономическом состоянии России и Финляндии нельзя объяснить климатом. Есть атлас Карелии, двухкилометровка, у любого туриста-байдарочника есть такой. Там Финляндия краешком попадает, вдоль границы. Это — лучший учебник экономической географии. С нашей стороны — леса, леса, леса... Кое-где, на расстоянии 20—30 км друг от друга, точки с пометками „сар.“ (сарай), „бар.“ (бараки), „д. Лохгуба (нежил.)“ и т. п. За финской границей — те же леса, реки и озера, но... по лесам разбросаны бесчисленные хутора, фермы и деревушки, в среднем в 3—4 км друг от друга, связанные сетью дорог. Контраст потрясает. Финская граница — не изотерма! До революции в Карелии процветало молочное животноводство. Для этого нужна только ТРАВА, травы меньше не стало. Коммунисты раскулачили ВСЕХ поморов. Это были работающие и богатые люди. Скотоводство в новоявленных колхозах пришло в упадок. Хрущев, рассказывают местные, добил личные хозяйства... Вот оно, коммунистическое наследие!»*

Я много езжу по стране, везде покупаю местные газеты и давно привык к журналистскому штампу: «Воронежская область, как известно, — зона рискованного земледелия», «Черноземье, как известно, — зона рискованного земледелия», «Мари Эл, как известно, — зона рискованного земледелия» и даже «Кубань, как известно, — зона рискованного земледелия» (а как же? — и засухи бывают, и град, и саранча

может налететь). Конечно, местные газетчики лишь повторяют вздор, который изрекает, оправдываясь, губернское аграрное начальство, но капитулянтские настроения в умах людей от этого, конечно, усиливаются.

Согласно справочнику «The CIA World Factbook», площадь мировой пашни составляет 15 743 тыс. км², а источник «Демоскоп Weekly» (№ 95—96, 1—19.01.2003) оценивает площадь российской пашни в 1245 тыс. км². Выходит, на российские пашенные земли приходится почти 8 % мировых¹. Для страны, чье население лишь слегка превышает два процента от мирового, это великолепный показатель. Конечно, он говорит и о низкой продуктивности российской пашни, но он же — свидетельство нашего огромного аграрного потенциала. Не забудем и про наши луга — одно из величайших сокровищ России.

Орошаемых земель на этом фоне у нас совсем немного — они занимают площадь всего лишь 47 тыс. км². Сложите Республику Кипр с турецким Кипром и умножьте на пять.

4. Академик Милов: энергично по ложному следу

Поскольку всякий, кто хочет доказать, что неконкурентоспособность (предполагаемая) нашего сельского хозяйства неустранима и поэтому его выгоднее упразднить, чем развивать, ссылается на академика Милова; приглядимся к его воззрениям.

Леонид Васильевич Милов, источниковед и исследователь аграрной истории России, в своем главном труде «Велико-

¹ У России второе место в мире по данному показателю. На первом — США (1658 тыс. км²), их доля — 10,5 %, на третьем — Китай (почти 6 %). Интересно, что по общей площади сельхозугодий первое место в мире принадлежит Китаю, но исключительно за счет степных и полупустынных пастбищ. По той же причине второе место занимает Австралия. Третье место у США, четвертое — у Бразилии. Россия, у которой гораздо выше доля лугов, на пятом месте, за ней идут Аргентина и Казахстан — опять-таки с их пампасами и степями.

русский пахарь» (1998) сделал попытку определить трудозатраты русского крестьянина XVIII—XIX вв. Получив, в силу какой-то методической ошибки, совершенно невероятные цифры¹, он сделал на их основе множество выводов, далеко и резко выходящих за пределы доказательной базы его книги. Он не просто абсолютизирует «коварную роль нашей мачехи-природы» (его слова), он делает ее, по меткому выражению коллеги-историка, «ответственной за все, что произошло в России важного». Из калькуляций Милова с неизбежностью следует, среди прочего, что в течение нескольких столетий питание подавляющего большинства русского народа было на 30—50 % ниже физиологической нормы. Будь это так, русский народ «просто вымер бы, а не колонизовал или завоевал 21 млн км² территории»². Он не объяснил также, почему «перед лицом постоянного голода» великорусский пахарь (а он был не глупее нас с вами) не переключился с пшеницы на ячмень — культуру гораздо менее прихотливую и трудозатратную, в полтора раза более урожайную и хорошо ему знакомую.

Говоря о примитивном сельском хозяйстве, ничтожном объеме совокупного прибавочного продукта, жизни 90 % населения на грани выживания и прочих следствиях якобы нигде не годного климата, Л. В. Миров не объясняет, как на подобной базе могло возникнуть могучее государство.

Но в том-то и дело, что оно возникло и существовало на совершенно иной базе. Василий Иванович Семевский (1848—1916), историк народнического направления, автор капитальных трудов «Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века» и «Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II», вне подозрений в лакировке прошлого, так что нет оснований ставить под сомнение его вывод о том, что **благосостояние российских крестьян XVIII в. (и Миров иссле-**

¹ В 2,2—4 раза больше по сравнению с данными кадастровых отрядов Министерства государственных имуществ и земских статистиков. См.: Б. Н. Миронов. Социальная история России, 3-е изд. Т. 2 — СПб., 2003. С. 364.

² Б. Н. Миронов. Указ. соч. Т. 1. С. XXV и 57.

дует в основном XVIII в.) было выше, чем немецких и польских и вряд ли уступало французским.

Случайно или нет, Л. В. Милов уходит и от обсуждения вопроса, уже полтора века назад занимавшего ученых и публицистов: почему благосостояние крестьян в северных российских губерниях было в целом выше, чем в более теплых губерниях центра?

Книга «Великорусский пахарь» содержит поразительные утверждения, например (цитирую по электронной версии, выложенной в Сети): *«В XVIII в. себестоимость продукции полеводства была примерно вдвое выше ее рыночной цены»* (рыночной, читатель!) Если бы тогдашнюю Россию заваливали, как сегодня, иностранной сельхозпродукцией, которая бы сбивала цены внутреннего рынка вдвое и более, эту фразу можно было бы понять. Но поскольку ничего подобного в то время не было, представления Л. В. Милова о рынке остаются загадкой¹.

Но самое поразительное, Л. В. Милов сожалеет об ослаблении коммунистического закрепощения крестьян: *«В середине XX в. разрешение Н. С. Хрущева на выдачу паспортов колхозникам (отсутствие которых крепило крестьян к их [оцените это «их»! — А. Г.] земле) привело к снижению плотности сельского населения нескольких десятков областей Нечерноземья до уровня плотности сельского населения Камчатки»*². Как хотите, но эта фраза бросает тень на уровень познаний ее автора о своем предмете вообще. Дело в том, что плотность сельского населения Камчатки равна 0,17 чел./км². В каких это «нескольких десятках областей Нечерноземья» (кстати, странные для агрария представления о числе областей Нечерноземья) такая плотность сельского населения? Пассаж про Камчатку не есть нечто написанное сгоряча, он повторяется в ряде текстов Милова.

¹ Тем не менее именно эту фразу с восторгом, как образец мудрости, приводит в своей книге «Советская цивилизация» плодовитый коммунистический автор С. Г. Кара-Мурза.

² Леонид Милов. Земельный тупик. — *Независимая газета*. НГ-Религии, 20 февраля 2001 г.

Афоризмы Л. В. Милова («Сельское хозяйство веками висело веригами на русском обществе», «Себестоимость российской сельхозпродукции ВСЕГДА будет дороже западной», «Страна НИКОГДА не могла прокормить себя хлебом», «И сейчас то же самое, в России ничего не выгодно делать» и т. п.), как уже было сказано, не остались не услышанными. Похоже, именно они, будучи восприняты в качестве веского ученого мнения, породили тот крен мысли, в котором В. Г. Сироткин, А. П. Паршев, С. Г. Кара-Мурза, Ю. В. Олейников, Ю. Н. Афанасьев и А. П. Никонов — просто самые заметные, но совсем не единственные авторы.

Чуть-чуть об Александре Петровиче Никонове. Для своей книги, призывающий нас «по капле выдавливать из себя русских», он придумал такое название: «История отмороженных» (М., 2008). Маленькая цитата, которая расскажет об этой книге все: «Во время короткого и относительно теплого периода, который случился в начале XVI в., наши москвиты (!) торчали в основном в зоне смешанных лесов. Но как только с середины XVI в. планету начало подмораживать, русские стали расползаться как тараканы».

Это не очень справедливо, но идея о том, что переохлажденная Россия навеки неконкурентоспособна на этой теплой планете, отныне навсегда связана в глазах большинства ее (идеи, а не России) поклонников с именем А. П. Паршева. В эту идею мертвой хваткой вцепились красные публицисты — десятка два полупрофессиональных и буквально сотни самодеятельных. Неумоимо развивая ее на своих красных сайтах, они иногда ритуально упоминают Милова, но чувствуется, что не читали. Отец родной для них — полковник Федеральной пограничной службы Паршев.

Чем им так угодила эта идея, в общем, понятно. Она позволила бы чаемой ими красной России, а еще лучше — возрожденному Советскому Союзу, ссылаясь на климатический «форс мажор», выбыть из безнадежного, как их убедили, состязания, не теряя лица. Выбыть — и радикально отгородиться от всего мира, свести контакты с ним к минимуму, ничего не продавать «буржуям» без крайней необходимости, ничего

не покупать у них, жить автаркией (замкнутым самодостаточным государством), благо ресурсы есть, и не заморачиваться себестоимостью производимого, ценообразованием и прочим вздором. Надо — произведем, но никакого потребительства. Мобилизационное государство, как при Сталине, государственная монополия на все. Замкнутый мир-экономика почти по Броделю. И будет счастье.

Сторонников данного умственного направления особенно тешит во всем этом сладостное видение снова запертой на замок границы. Переубеждать их — напрасный труд, но, думаю, их не порадует известие, что полюбившаяся им концепция выстроена на методических и арифметических ошибках.

5. «Себестоимость в России будет всегда ниже». А не выше

Пламенные публицисты в голос рыдают, что себестоимость российской сельхозпродукции самая высокая в мире. Сквозь их мощные баритоны трудно пробиться голосам людей, хоть как-то связанных с реальным сельским хозяйством. Но изредка они пробиваются.

Вот некоторую ясность вносит первый заместитель генерального директора ОАО АПК «Михайловский» Наум Бабаев: *«Сегодня США ежегодно тратит на поддержку сельского хозяйства \$50 млрд. Евросоюз еще больше — 300 млрд евро. В России же эта цифра составляет \$1 млрд. Давайте все вместе отменим дотации, тогда и будем конкурировать. Мы не проиграем — в России самая низкая себестоимость сельхозпродукции»*¹. Как об общеизвестном факте то же самое говорит Николай Харитонов, первый заместитель пред-

¹ Профиль, 17.10.05. По другим данным, размер дотаций в странах Запада еще выше. Академик РАСХН В. И. Кашин утверждает, что дотации государств — стран ЕС в расчете на 1 га составляли в 2003 г. 943 долл., в США — от 70 до 400 долл. (в зависимости от штата) против 6 долл. в России. Вдобавок в ряде зарубежных стран производителям доплачивают «экспортную субсидию».

седателя Комитета Государственной думы по аграрным вопросам: себестоимость российской сельхозпродукции гораздо ниже зарубежной («Газета», 25.10.07).

Послушаем Айрата Хайруллина, еще одного первого заместителя председателя Комитета ГД по аграрным вопросам: *«Если государство запустит механизмы поддержки по примеру ЕС, США или Канады, то через 3—4 года Россия будет кормить Европу, Азию и Африку своим зерном, через 5—6 лет сможет заполнить мировые рынки качественной свиной по самой низкой цене, а через 8—9 лет — говядиной, сухим молоком и сырами».* Но может быть, Хайруллин — просто мечтатель с Охотного ряда? Что дает ему право так говорить? Его опыт. В отличие от В. Г. Сироткина, Л. В. Милова, А. П. Паршева, С. Г. Кара-Мурзы, А. П. Никонова, А. Г. Купцова, Ю. Н. Афанасьева и других знаменитых теоретиков климатологии и агрикультуры, Айрат Хайруллин занимается крупным сельскохозпроизводством профессионально.

Еще раз ему слово: *«Я построил в Татарстане четыре крупнейшие в мире фермы вместимостью до 7500 голов (2500 дойных коров и до 5000 голов молодняка в каждой — племенное ядро)... Сегодня мы обрабатываем принадлежащие нам более 150 000 га пашни... Я считаю это очень перспективным и конкурентоспособным направлением — даже в масштабах мировой экономики. [Россия обладает] огромными ресурсами пахотных земель и достаточными трудовыми ресурсами. При правильных подходах и соблюдении технологии себестоимость производства всех видов мяса в России будет ВСЕГДА [выделено мной по примеру Л. В. Милова. — А. Г.] ниже, чем в Европе и Канаде. Наш климат не является особой помехой — главным образом из-за возможности получать очень дешевые корма...»* Лугов у нас много.

Хайруллин работает в самых разных уголках страны — в Татарстане, в Вологодской области, в Курской. *«Сельскохозяйственная отрасль — это не черная дыра, а точка опоры России», — настаивает он.*

Кто-то скажет: но ведь это не сельский труженик, а аграрный капиталист, ему есть что вложить в налаживание хозяй-

ства. Отвечаю: и замечательно, что капиталист — разведение крупного рогатого скота очень капиталоемко, без солидных денег в эту отрасль лучше не соваться. Но будь этот бизнес таким безнадежным, каким его видит Милов, любые вложения оказались бы убыточны и Хайруллин быстро перестал бы быть аграрным капиталистом. А он на опыте своего бизнеса говорит, что себестоимость производства всех видов мяса в России будет всегда ниже, чем в Европе и Канаде.

Эксперты английской компании Heartland Farms изучали вопрос о выгодности полеводства в России тоже не по книгам дилетантов, и конкурентное преимущество в России видят в низкой себестоимости производства¹.

Ошибка всех, кто развивал соображения Л. В. Милова о бесперспективности российского сельского хозяйства, состоит в том, что они сравнивали густо дотируемую продукцию Запада с российской, дотируемой ничтожно. Корректно сравнивать наши показатели допустимо разве что с Украиной — типологически схожее советское наследие и минимальная господдержка делают их сопоставимыми. Наверняка Украина имеет плюсы перед Россией по каким-то культурам в силу своих реальных почвенно-климатических преимуществ. Но вот российская пшеница ниже по себестоимости, чем украинская, — это хорошо знают зерновые трейдеры².

Пример с российской и украинской пшеницей помогает развеять еще одну иллюзию, которую питают наши самостоятельные климатологи. Они читали про житницу-Украину, про житницу-Кубань и сделали вывод, что если нет засухи, то для пшеницы чем жарче, тем лучше. Интересно, читали они про житницу-Сибирь? В XIX в. в Сибири стало производиться столько пшеницы, что хлебные цены в европейской части России пошли вниз. Это подрывало интересы крупных производителей зерна — дворян, которые потребовали и добились введения «челябинского порога». Алтайский или омский хлеб доезжал до Челябинска по одному железнодорожному тари-

¹ <http://www.telegraph.co.uk/education/3315976/British-farmers-off-to-reap-rewards-from-Russias-black-earth.html>

² <http://www.apk-inform.com/showart.php?id=30640>

фу, а дальше тариф удваивался. Косвенным результатом этой меры стал расцвет в Сибири масло- и сыроделия.

Мало того, русская агрономическая наука еще в позапрошлом веке твердо установила, что преимуществом северных губерний является более длинный световой день в течение всего вегетационного периода и гораздо меньшая вероятность засух. Даже если выпадает мало влаги, при сравнительно невысоких летних температурах и малом испарении ее оказывается достаточно для растений. Создатель сельскохозяйственной метеорологии Александр Иванович Воейков (1842—1916) вывел закономерность, гласящую: по направлению с севера на юг потребность в воде в Европейской России возрастает быстрее, чем количество осадков; а классик отечественной селекционной генетики Виктор Евграфович Писарев (1882—1972), заместитель Н. И. Вавилова в ВИРе по научной работе, сведя в конце 20-х гг. огромный цифровой материал за сто с лишним лет, показал, что урожайность хлебов в нечерноземной полосе (Вологодская, Вятская, Пермская, Новгородская и Петербургская губернии) гораздо выше, чем в степях (область Войска Донского, Самарская и Саратовская губернии): для яровой пшеницы на 33 %, для озимой — на 42 %.

Правда, сразу после этого случилась коллективизация, безнадежно запутавшая картину. До сих пор состояние сельского хозяйства в России, несмотря на некоторые просветы, таково, что доверчивый наблюдатель готов поверить, что за всем этим стоит какая-то неодолимая сила — например, климат.

Что это был за «климат», хорошо показывает вышедшая в 2007 г. в издательстве Пензенского университета монография (под редакцией проф. В. М. Володина) «Аграрная Россия: история, проблемы, перспективы». Напоминая, что советский режим финансировал почти все свои проекты за счет изъятия ресурсов из села, авторы пишут: *«Коллективизация, лишение крестьян свободы передвижения, выбора места работы и проживания, принудительная работа, за которую не платят, необходимость кормить семью за счет личного подсобного*

хозяйства, на которое еще и налагаются высокие натуральные и денежные налоги, были равнозначны восстановлению крепостного права... Платой за это стали не только аграрный кризис, падение сельскохозяйственного производства, полуголодное существование деревни, приступы голода, уносившие миллионы человеческих жизней, но и глубокая эрозия трудовой этики крестьян».

В брежневское время давление на село ослабло, «но сохранение в аграрном производстве прежней сверхмонополизированной государственной колхозно-совхозной системы явилось серьезной преградой на пути повышения мотивации работы персонала сельскохозяйственных предприятий, качества управления ими и эффективности их работы. Это вело к консервации старых технологий производства и управления... Окрепшее аграрное лобби успешно блокировало робкие попытки не только корректировки сложившейся модели, но и самого обсуждения этой проблемы». Блокирует и сегодня, рассказывая сказки про общинное сознание, несовместимость российского менталитета с рынком, моральную неприемлемость собственности на землю и ужасный климат.

6. Климат — предпоследняя из забот

Не хочу быть неверно понятым. Разумеется, климат в России с агрономической точки зрения мог быть и лучше. Но главная проблема не в нем. И даже не в низком уровне механизации, технологий, производительности труда, высоком уровне трудозатрат и удельной энергоемкости. Главная проблема — люди, родившиеся и сформировавшиеся при противостественном колхозном укладе, изуродованные и искаленные им. Кажется, что их не переделать, не переучить. Но нужно делать и то, и другое, иного выхода нет.

Сельское хозяйство в России — трудное счастье. Оно нуждается в полном преобразовании и пока что представляет собой тугой клубок, который непонятно как распутать — торчит немыслимое число концов, а рвать и резать нельзя. Но зада-

ча все равно будет решаться — как всякая задача, время которой настало. Крупные системные задачи почти всегда в истории решались внесистемными усилиями, эмпирическим наполнением на множество частных проблем сразу. Этому нас учит пример других стран — холодных и жарких, мокрых и сухих, — которые шаг за шагом преодолевают свою зависимость от климата и прочих бед.

Экстенсивный этап развития агрикультуры в России считается законченным, однако при необходимости мы можем, в отличие от большинства стран мира, не просто увеличить свой пашенный клин, включая орошаемый, а очень сильно увеличить. Наша страна способна прокормить, подсчитано, 450 млн человек, с этой цифрой не спорят даже скептики. Называют и более высокие цифры. Председатель комиссии Российского союза промышленников и предпринимателей по агропромышленному комплексу Иван Оболенцев утверждает: *«Ни одна страна не обладает таким ресурсом. Россия может прокормить 500—700 млн человек»*. И это не беря в расчет «зеленую революцию».

А с «зеленой революцией»? Прикинем на примере одного региона. В Волгоградской области, с ее населением 2,6 млн человек, пашня занимает 5,9 млн га (52 % всей территории). В области высокие суммы активных температур выше плюс 10 градусов (от 2840° на севере до 3265° на юге), длительный вегетационный период, черноземные и каштановые почвы. Увлажнение неустойчиво, но источник воды для орошения имеется — все это создает прекрасные условия для производства зерновых, подсолнечника, кукурузы, горчицы, масличных культур, овощей, фруктов, бахчевых, сахарной свеклы и многого другого.

Условия есть, и все это выращивается, но каков результат? Стоимость сельхозпродукции с одного гектара составила здесь в 2006 г. около 400 долл. Для кого-то подобные показатели — повод для уныния (издевок, пессимизма, поражения, трактатов о неправильной российской природе — нужно подчеркнуть), а для кого-то — свидетельство того, какие резервы еще скрыты в этой земле.

Каковы же эти резервы? Для сравнения: в тотально сухом, страдающем от нехватки воды Израиле земель под растениеводством 310,3 тыс. га, в 19 раз меньше, чем в Волгоградской области, стоимость продукции, произведенной на одном гектаре, — 11 700 долл. Страна не только кормит свое 6,5-миллионное население, но и экспортирует большие объемы сельхозпродукции. Но так было не всегда, пришлось долго учиться.

Еще разительнее пример Голландии. Земель под растениеводством здесь 744 тыс. га, в 8 раз меньше, чем в Волгоградской области. Продукции эти площади дали в 2006 г. почти на 11 млрд долл., 14 800 долл. в пересчете на гектар. Около 60 % своей сельхозпродукции страна продает по всему миру. Только теплиц в Голландии свыше 10 тыс. га. Площадь теплиц измеряют гектарами!

При такой постановке дела, как в Израиле или Голландии, Волгоградская область одна (!) могла бы кормить четверть России. А вместе с Саратовской, Ростовской и Астраханской — всю Россию. Но пока что ее продуктивность (легко подсчитать) в 29 раз ниже, чем в Израиле и в 37 — чем в Голландии. Конечно, в этих странах и вкладывают в землю несопоставимо больше, но даже с этой поправкой разница в отдаче остается огромной.

Сегодня в России четверть млн фермерских хозяйств. Они выжили вопреки всем трудностям и прогнозам и явно будут развиваться дальше. В 1995 г. фермеры обрабатывали 12 млн га, к 2007-му — уже 21 млн га (в среднем по 82 га на хозяйство) и продукции произвели на 140,2 млрд руб. — в сопоставимых ценах впятеро больше, чем в 1995-м. И это только начало.

На каждый регион страны в среднем приходится сегодня по тысяче крепких хозяйств. В большинстве из них есть молодежь абитуриентского возраста. Это идеальные кандидаты в студенты сельскохозяйственных вузов, принимать их надо без экзаменов и учить бесплатно. Их возвращение домой после учебы ощутимо ускорит подъем сельского хозяйства.

Разбросанные по каждому региону, такие хозяйства станут дрожжами, на которых за считанные годы «взойдет» весь аграрный комплекс — именно так произошло в свое время в Израиле, который заселялся горожанами с нулевым понятием о сельском хозяйстве.

Потребуется множество других мер, но ни одной сверхъестественной. Ничего экстраординарного не было бы даже в солидных, а не нищенских, как сегодня, субсидиях сельскому хозяйству. Наша страна просто обязана стать великой сельскохозяйственной державой и будет ею. У нее есть для этого все необходимое.

Впрочем, претензии к российскому климату накопились не только в связи с сельским хозяйством. Еще одним роковым, по уверению А. П. Паршева, следствием этого климата является необходимость строить производственные помещения более основательно, утеплять их. А это, мол, фатально удорожает конечную продукцию.

Первый же контрдовод: зато на большей части территории России производственные помещения можно строить без затрат на сейсмостойкость, тогда как вне России — в трех случаях из четырех нельзя. Нельзя в Южной Европе, Японии, Китае, Юго-Восточной Азии, Индонезии, Индии, на большей части территории США (к западу от Миссисипи) и Канады, в Латинской Америке.

Меры по сейсмостойкости едва ли дешевле мер по утеплению, но стоит ли вообще вникать во все это? И у нас, и у них стоимость строительства производственного помещения составляет хорошо если одну десятую общей стоимости инвестиционного проекта. Но даже в рамках этой одной десятой цена стен, утепленных или укрепленных, не так уж велика — на фоне затрат на земельный участок (плюс маржа девелоперов), на проект, согласования, взятки (не только у нас), фундамент, перекрытия, водопровод, канализацию, газ, электрооснащение, телефонизацию, внутреннюю и внешнюю отделку, благоустройство территории, все виды подключений. Другими словами, речь могла бы идти о разнице в 1—2 %, если бы во всех этих сравнениях вообще был хоть какой-то смысл.

А смысла нет из-за совершенно разной стоимости труда, земли, стройматериалов, лицензий, налогов и т. д. Так что выбрасываем этот довод А. П. Паршева в корзину.

Следующий довод таков: долгий отопительный сезон заставляет нас тратить слишком много энергии на обогрев помещений. А кондиционирование воздуха в «теплых» странах не заставляет? Член-корреспондент РАН В. И. Данилов-Данильян несколько лет назад обнародовал с телеэкрана простой факт: «США в расчете на одного жителя тратят на кондиционирование больше энергии, чем Россия на отопление». Скажи это очередной журналист, был бы повод усомниться. Но когда об этом говорит директор Института водных проблем РАН, в прошлом министр охраны окружающей среды, не поверить нельзя.

Да и сами кондиционированные помещения не могут обходиться без теплоизоляции. То есть в знойном климате затраты на поддержание приемлемой температуры на круг не ниже, чем в холодном.

И опять-таки, с точки зрения себестоимости производства эти изящные сравнения просто лишены смысла. Можно сравнивать расход электричества, бензина, газа, воды и т. д. на единицу продукции в разных климатах, умножать на тарифы и расценки, вводить поправки на налоги, выводить удельный вес каждого фактора, но мы все равно не уясним, какой климат эффективнее — слишком много здесь всегда будет приходящего и разнонаправленного. Простой пример. Мы в России, с нашим водным изобилием, избалованы тем, что пресная вода хоть и не бесплатна, но в себестоимости продукции ее доля невелика. Иначе обстоит дело во множестве стран мира, где вода — очень серьезная статья производственных затрат.

Сравнивать можно лишь цены сходной конечной продукции. Их и сравнивает рынок. Но и тут мы не докопаемся до климатической составляющей — ее исказят другие факторы. Если российская продукция окажется дороже, то, скорее всего, из-за устаревшей организации производства, расточительности в расходовании сырья, несоблюдения технологий

и прочих осложнений болезни, именуемой «советский способ производства».

Нам еще долго лечиться от этих осложнений. Энергоемкость нашего народного хозяйства безобразно велика. Достаточно сказать, что потребление электроэнергии в России, согласно справочнику «The CIA World Factbook», лишь чуть меньше, чем в Японии (соответственно 1003 и 1080 млрд квт/ч), притом что японская экономика вдвое (по паритету покупательной способности) превышает российскую¹, по крайней мере «белую». Но сказать, что все дело в климатических различиях, — значит сделать незаслуженный комплимент нашей экономике. В Японии энергосбережение — одна из национальных идей, стимулируемая тарифами на электричество. Передовые технологии потому и передовые, что требуют меньших энергозатрат на единицу продукции. Нам до японцев пока далеко — и в технологиях, и в бережливости. У нас даже «экономные лампочки» народ не хочет покупать.

Так что не будем сразу грешить на климат. Он, конечно, играет свою роль, но небольшую на фоне других факторов. Гораздо важнее климат совсем другого рода, давно уже царящий в Японии, — благоприятный климат для развития бизнеса, для нововведений, для здоровой конкуренции.

7. Кому расстояния помеха?

Еще один упрек, предъявляемый российскому пространству, — наши невыносимые расстояния; им посвящен другой важный тезис В. Г. Сироткина и А. П. Паршева.

Подобные причитания привычнее слышать от пугливых иностранных путешественников. Размеры России устрашают их настолько, что она им кажется вдвое, а то и втрое больше своей натуральной величины. Читаю у французского журналиста Доминика Бромберже: «От Москвы до Екатеринбурга

¹ ВВП в 2009 г. составил в России \$2 трлн 103 млрд, в Японии — \$4 трлн 141 млрд («The CIA World Factbook»).

три дня на поезде» (*«S'il faut trois jours de train pour aller de Moscou à Ekaterinbourg»*). Доминик путешествовал по России не в 1878 г., когда дорога вступила в строй, а в августе 2009-го. У меня этот путь занял 25 часов, поездом № 16. Самый медленный поезд до Екатеринбурга идет 33 часа, просто у страха глаза велики.

Но вот не иностранцы, а свои выдвигают следующие соображения: в России огромные расстояния — приходится далеко возить сперва сырье, а затем продукцию, тогда как другие страны подобных забот не знают (В. Г. Сироткин: *«То, что в Европе 10 км, в Европейской России — 100, а в Сибири и все 300 км»*). Затраты на преодоление расстояний удорожают российскую продукцию и делают ее неконкурентоспособной на мировом рынке. В сочетании с холодным климатом они делают причины нашей неконкурентоспособности неустраняемыми. Производимая в России продукция при продаже по мировым ценам может принести только убыток, поэтому никакие инвестиции в нашу экономику не придут.

Эти доводы были справедливы в эпоху верблюжьих караванов, когда действительно имело смысл везти только самые дорогие и компактные товары — ковры, шелк, бирюзу, пряности, амбру, мускус, мирро, ладан, дамасский булат, — но не сегодня. Сегодня с прибылью везут в далекие страны даже бананы, картошку и арбузы, тратясь на их охлаждение в пути.

На какие расстояния приходится возить сперва сырье, а затем продукцию Японии? Сырье плывет к ней за многие тысячи километров из Австралии, из Мексики, из Бахрейна, из Саудовской Аравии, из Африки и прочих неблизких мест. Плывет неделями, омертвляя на эти недели вкладываемый капитал. Куда Япония затем везет свою продукцию? В Новый Свет, а еще больше в Старый. Плывет эта продукция по Тихому океану к Малаккскому проливу мимо малаккских пиратов, затем через весь Индийский океан к Красному морю мимо сомалийских пиратов, затем через Суэцкий канал в Средиземное море. Это десятки тысяч километров. Далее эта продукция попадает в Бейрут, Пирей, Триест либо Марсель, а от туда на фурах развозится дальше по суше. А может плыть

дальше, до Гамбурга — через Гибралтар, Бискайский залив, Ла-Манш, Кильский канал... Путь товара до склада может занять два месяца, а это новое омертвление капитала.

Сказанное приложимо к европейским странам, к США, к Китаю, к «азиатским тиграм», да практически ко всем странам, производящим и потребляющим что бы то ни было. Лишь немного находит сбыт рядом с местом производства. Растущая деиндустриализация Запада давно устранила преимущество малых расстояний старой Европы.

Незаметно, чтобы кого-то смущали и дальние перевозки по суше. Мы постоянно видим на наших федеральных трассах вплоть до Урала, да и за Уралом, контейнерные фуры с надписями на немецком, испанском, греческом, голландском, турецком. Они покрывают тысячи километров — значит, это окупает себя.

Дальние перевозки в мировом хозяйстве — правило, а не исключение, так что никаких особых конкурентных преимуществ перед Россией у главных промышленных и торговых стран за счет фактора расстояний не возникает. Однако законен вопрос: ну хорошо, сильные экономики пока выдерживают дальние перевозки, а как с ними справляется ослабленная экономика России, особенно с более дорогими сухопутными перевозками?

Россия — не единственная протяженная страна на свете. В Соединенных Штатах и Канаде (где от океана до океана почти пять тысяч километров), в Аргентине и Чили, Мексике и Бразилии, Китае и Австралии, Индии и Иране тоже очень многое приходится перевозить за тысячи километров. Когда у нас рассказываешь, что проехать из конца в конец Швецию или Норвегию означает покрыть свыше двух тысяч километров, удивлению слушателей нет конца, но это так. Пусть перевозки на магистральных грузовиках обходятся существенно дороже, чем по железной дороге, зато это быстрее и удобнее — от ворот до ворот. Транспортная составляющая важна, но не всегда играет главную роль. Если что-то невыгодно везти через всю страну, а спрос есть, в ответ на этот спрос возникает местное производство либо этот спрос удовлетворя-

ется импортом. Экономике окраинных частей страны тоже приходится ориентироваться больше на прилегающую иностранную территорию.

Цемент из Приморского края естественнее продавать в Китай, Корею, Японию или Вьетнам, чем во внутреннюю Россию. Но так было и в советское время. А вот вертолеты КА-50 и КА-52 и ракеты комплекса «Москит», как уникальная продукция, пойдут из того же Приморья куда угодно. Советская кооперация предприятий на дальних связях существовала благодаря заниженным транспортным тарифам. В каких-то случаях это была искусственная кооперация, которую мы сегодня назвали бы антирыночной, в каких-то — нет.

Ответственное государство избирательно поддерживает внутренний товарооборот с удаленными территориями, чтобы их потенциал не оставался совсем невостребованным, чтобы не нарушалось социально-политическое единство страны, а также ради помощи крупным инвестиционным проектам. Делается это через избирательное и достаточно ювелирное регулирование тарифов. Но когда Гавриил Попов с нежностью вспоминает внеэкономические тарифы советского времени (*«Тарифы для грузов были очень низкими, и я помню еще по Мосгорсовнархозу, что партнерство с каким-нибудь уральским заводом в этом плане не доставляло проблем любому из московских предприятий»*¹), с таким поводом для умиления вряд ли можно согласиться. За «бесплатные» услуги все равно приходится платить косвенными способами, и описанное Поповым экономическое поведение, создавая видимость рентабельности каких-то проектов, снижает рентабельность экономики в целом.

Где действительно необходимо резкое снижение тарифов, так это в пассажирских перевозках. Людям среднего и даже ниже среднего достатка из отдаленных районов должно быть доступно перемещение по своей стране поездами и самолетами, а государство должно возмещать перевозчикам не

¹ Гавриил Попов. Вопрос о тарифах — вопрос о единстве страны // Независимая газета, 26.12.2005.

только убытки, но и «выпадающую прибыль». Первые шаги к этому оно сейчас — в новой России — начало делать применительно к некоторым категориям дальневосточных пассажиров. Лучше поздно, чем никогда.

Здоровая экономика, подкрепляемая разумными экономическими рычагами, справляется с расстояниями, это показывает весь мировой опыт.

Российская экономика тоже начинает справляться с ними. Цифры свидетельствуют: достаточно высокие показатели транспорта 1992 г., когда еще сохранялась советская тарифная политика, резко сменились спадом середины 90-х; спад был обусловлен переходом на коммерческие тарифы. Но пройдя низкую точку, показатели пошли вверх. Так, грузооборот на железнодорожном транспорте составил в 1992 г. 1967 млрд тонно-километров, упал до 1214 млрд в 1995 г. и вырос до 2090 млрд в 2007 г.¹ (превышение над 1992 г. на 6 % и над 1995-м — на 72 %); пассажирооборот на воздушном транспорте упал со 117,7 млрд пассажиро-километров в 1992 г. до 71,7 млрд в 1995 г. и достиг 111 млрд в 2007 г. То есть он все еще отстает на 5,7 % от уровня 1992 г., но превзошел уровень 1995-го на 55 %. Коммерческие тарифы не убили перевозки. Отчасти они даже оздоровили их — все научились считать деньги, транспорт больше не обслуживает экономические фантазии. Хотя, конечно, без потерь в таких делах тоже не бывает.

8. Наше пространство как историческая удача

Те, кто говорит о «суровых и экстремальных» просторах России, забывают, что на тех миллионах квадратных километров, которые действительно заслужили такую характеристику, живет лишь незначительная часть российского населения. Подавляющее же большинство наших соотечественников обитает в благоприятных или умеренно благоприятных засе-

¹ Показателей 2008 г. на сайте Росстата пока нет.

ленных зонах. В середине 80-х гг. была сделана попытка оконтурить эти зоны для всего СССР. В границах РСФСР группа исследователей отвела на долю этих зон около 45 % всей территории¹.

Если же опираться не на физиолого-климатические критерии, а на картину реального расселения людей по стране, то выясняется, что 93 % обитателей России живут на еще меньшем пространстве (назовем его «удобным пространством»), которое занимает только 29 % территории России², или 4 млн 952 тыс. км². Всего-то. Столько вместе занимают, по алфавиту, Австрия, Болгария, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Норвегия, Польша, Португалия, Румыния, Украина, Финляндия, Франция, Швейцария, Швеция. Плотность населения на этом «удобном пространстве» равна у нас 27 чел./км². Очень хорошая цифра — хотя и несколько выше, чем в Швеции (там 22 чел./км²), сравнения с которой для нас по многим причинам вполне уместны.

10 млн человек, которые не вошли в число жителей «удобного пространства», — обитатели так называемых северных и приравненных к ним местностей. Как ни малолюднен этот наш Север (0,9 чел. /км²), северные территории Канады несоизме-

¹ А. В. Дмитриев [и др.]. Где живет советский человек. — М., 1988. С. 57.

² *Демоскоп Weekly*, № 95—96, 1—19 января 2003 г. По данным того же источника, жителей, терпящих зимы по полгода и дольше, в Канаде 2,5 % от всего населения, а в России — 8,5 %. В среднем для канадца зима длится 125 дней, для жителя Европейской России — 133. Средневзвешенная годовая температура для территории Европейской России совпала с таковой для Швеции (плюс 2,2°), но, так как люди гуще населяют более теплые места, для населения этот показатель выше, а для территории ниже. Условный швед живет при среднегодовой температуре на 0,9° теплее, чем условный житель Европейской России: соответственно плюс 5,2° (как в Великих Луках) и плюс 4,3° (как в Самаре). С другой стороны, жаркое континентальное лето в России дает в вегетационный период больше тепла: средняя сумма активных температур выше 10° равна для заселенных территорий Европейской России 2153° (Канады 1685°, Швеции 1819°), и это один из решающих факторов для сельского хозяйства.

римо малолюднее и заселены почти исключительно индейцами и эскимосами. А вот американский штат Аляска как по плотности населения (0,42 чел./км²; чуть выше, чем в Магаданской области), так и по скромной доле коренных жителей гораздо ближе к большинству российских «северов».

Обитатели наших суровых местностей — это 7 % населения страны. Отчасти это коренные жители (например, Якутии); отчасти — люди, связанные с добычей ресурсов, поскольку наиболее ценные природные богатства у нас приурочены преимущественно к наименее гостеприимным частям страны. То, что ныне подобные места небезлюдны, — в большой мере наследие ГУЛАГа, «заселившего» долину Колымы и Магадан, Охотск и Северный Сахалин, Комсомольск-на-Амуре и Советскую Гавань, Братск и Тайшет, Усть-Кут и Тынду, Норильск и Талнах, Игарку и Дудинку, Ивдель и Красновшерск, Салехард и Воркуту, Котлас и Ухту, Инту и Печору, Краснотурьинск и Северодвинск. И почти весь Кольский полуостров. Но надо ясно понимать, что почти во всех перечисленных местах население, пусть менее многочисленное, появилось бы в любом случае, как появился на северном берегу канадского озера Атабаска город Ураниум-Сити. Природные кладовые не остались бы без внимания при любом строе.

Один самобытный мыслитель уверяет, что величайшие в мире богатства достались нам не случайно, что они — Божье воздаяние за величайшие муки, перенесенные Россией, а далеко упрятаны они затем, чтобы такое благоволение к нашей стране не слишком бросалось в глаза завистливым соседям по планете. На мой взгляд, считать себя величайшими страдальцами в истории — разновидность мании величия. Но и опровергнуть идею о воздаянии невозможно, как всякий вопрос веры, а не резона и логики.

Как бы то ни было, причитания по поводу слишком большой страны напоминают жалобы на слишком большой дом, полный всякого добра. Дескать, убирать его сложно, да по лестницам за день набегаешься — поясница заболит. А добра хоть и много, но все в дальних чуланах, на чердаке и в погребе — ужас, как неудобно.

9. Цена не была чрезмерной

Почему в Европе — да и повсюду, где население достигало достаточной плотности, — и в древности, и в Средние века, и в Новое время не стихали войны? Изучив сотни войн, знаменитый русско-американский социолог Питирим Сорокин в своей книге «Голод как фактор» еще в 1922 г. показал, что, «какие бы ярлыки ни наклеивались на мотивы войны», в конечном счете они ведутся за выживание, за пищевые ресурсы. Исключения, вроде сугубо династических войн, на этом фоне редки.

Очень часто путь к выживанию — простое сокращение числа едоков. Вершина Возрождения — это войны Чезаре Борджиа. Всего один эпизод: по его приказу 7 тыс. жителей города Капуи было перебито прямо на улицах. Английская «королева-девственница» Елизавета I казнила 89 тыс. своих подданных — и это тоже был способ борьбы с перенаселением. За время Тридцатилетней войны Германия практически обезлюдела, кромвелевская расправа над Ирландией стоила жизни большинству ирландцев. Не менее ужасными были зверства испанцев в Нидерландах, шведов в Польше. В Вандее храбрые революционеры уничтожили от 400 тыс. до 1 млн человек. И так далее. (Правда, в кино все эти события выглядят очень романтично.)

Едва достигалась предельная (для местного уровня развития и использования природных ресурсов) плотность населения, какой-то регулятор снижал ее. Как ни кощунственно это звучит, но в очередной раз, избавившись — благодаря войне, гражданской смуте или эпидемии — от части своего населения, Европа совершала хозяйственный, технологический и культурный рывок. Возникал рынок рабочей силы, она дорожала, а это поощряло новшества и изобретения, потребление на душу населения росло. Лишь у ростовщиков и арендодателей благосостояние временно снижалось.

Но даже развивая производительные силы и торговлю, Европа прибавляла «в весе» крайне медленно, на грани своей вместимости. Со времен римского императора Августа, ког-

да в нынешней Западной Европе жило примерно 26 млн человек, и до конца XV столетия, т. е. за 1500 лет, ее население едва удвоилось.

Между Иваном Калитой и Петром Первым на большей части территории исторической России пределы вместимости достигнуты еще не были. По расчетам демографа и статистика В. И. Покровского, в конце XV в. во всей тогдашней России (тогда же появилось и слово «Россия») жило чуть больше 2 млн человек, шестеро меньше, чем во Франции. На протяжении веков почти не отмечено земельных конфликтов во Владимиро-Суздальской и Московской Руси. Углубленно изучавший этот вопрос А. Д. Горский¹ пишет о сохранявшемся там «земельном просторе». Гармония со «вмещающим ландшафтом» способствовала другим видам гармонии.

А как обстояло дело с пределами вместимости в более поздние времена? Перед этносом с такими возможностями территориального расширения, как русский, проблема перенаселения вставала во весь рост редко, хотя исследование под этим углом зрения, например, предпосылок Смутного времени, кажется, еще не предпринималось.

Из своего относительно безопасного, но достаточно изолированного усилиями природы и соседей укрытия России было необходимо выходить к морям и ресурсам, и эта задача была за несколько веков блестяще выполнена.

Общий итог российской экспансии (слово Б. Н. Миронову) *«оказался положительным не только для властной русской элиты, но для всего Российского государства и большинства входивших в его состав народов. Если даже допустить, что на начальных этапах исторического развития природа обделила Россию ресурсами или не была к ней достаточно щедрой, то этот недостаток был с лихвой компенсирован в ходе ее территориального расширения, которое превратило Россию в мощную державу, богатую природны-*

¹ А. Д. Горский. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI в. М., 1974.

ми ресурсами. ... Цена, которую заплатили русские за свою территориальную экспансию, не была чрезмерной. В конечном счете от российской экспансии выиграло и большинство народов, входивших в состав империи, в том числе те, которые потом вышли из нее... Под крышей России многие народы создали свою письменность, интеллигенцию, высокое искусство, государственность со значительно меньшими издержками, чем они могли [или не могли. — А. Г.] это сделать вне России».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СКВОЗЬ ТЕРНИИ

Глава четвертая

Муки и радости

1. Ордынское иго

Первой национальной катастрофой в истории Руси стало нашествие Батыя (1237—1241) и длительное ордынское иго. Многие города, чьи названия известны из летописей, исчезли, и об их былом местонахождении спорят археологи. О масштабах регресса говорит хотя бы то, что надолго исчезают сложные ремесла, на многие десятилетия прекращается каменное строительство. Русь платила завоевателям дань («выход»). Они не держали на Руси гарнизонов, но предпринимали карательные походы против строптивых князей.

Ордынское иго иногда по старинке называют «татарским» или «татаро-монгольским», хотя булгары, предки современных татар, были первыми жертвами Орды Чингисхана. Вот цитата из историка XIV века: *«Они [монгольские царевици] сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен»* («Чингисхан. История завоева-

теля мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни». — Москва, 2004. С. 185).

Ордынское иго не вылилось в утрату русской государственности. Более того, Орда на полвека прекратила княжеские междоусобицы, да и возобновившись, они уже не достигали прежнего размаха. Как показали Л. Н. Гумилев и другие авторы, Русь, хоть и была данницей, не утрачивала независимости, вступая в сношения с соседями по своему усмотрению, а дань в Орду была платой за защиту. Под этой защитой начался процесс консолидации русских земель. Этому способствовала и церковь, освобожденная от дани.

С усилением Московского княжества ордынский гнет слабеет. Князь Иван Калита (княжил в 1325—1340 гг.) добился права собирать «выход» со всех русских княжеств, чем сильно обогатил Москву. Распоряжения ханов Золотой Орды, не подкрепленные военной силой, русскими князьями уже не выполнялись. Московский князь Дмитрий Донской (1359—1389) не признал ханские ярлыки, выданные его соперникам, и силой присоединил Великое княжество Владимирское. В 1378 г. он разгромил карательное ордынское войско на реке Воже, а два года спустя одержал победу на Куликовом поле над ханом Мамаем, которого поддерживали Генуя, Литва и Рязанское княжество.

В 1382 г. Русь вновь ненадолго была вынуждена признать власть Орды, но сын Дмитрия Донского, Василий, вступил в 1389 г. в «великое княжение» без ханского ярлыка. При нем зависимость от Орды стала носить номинальный характер, хотя символическая дань выплачивалась. Впрочем, эта дань, как показал С. М. Каштанов, с самого начала была весьма невелика, знаменитая «десятина» раскладывалась на 7—8 лет. Попытка хана Едигея восстановить прежние порядки (1408) обошлась Руси дорого, но Москву он не взял. В ходе десятка последующих походов ордынцы разоряли окраины Руси, но главной цели не достигли. А там и сама Орда распалась на несколько ханств.

С «ордынским периодом» нашей истории многое неясно. Родословные книги пестрят записями вроде: «Челищевы — от

Вильгельма (правнука курфюрста Люнебургского), прибывшего на Русь в 1237 г.»; «Огаревы — русский дворянский род, от мурзы Кутлу-Мамета, выехавшего в 1241 г. из Орды к Александру Невскому»; «Хвостовы — от маркграфа Бассавола из Пруссии, выехавшего в 1267 г. к великому князю Московскому Даниилу»; «Елагины — от Вицентия, из цесарского шляхетства, прибывшего в 1340 г. из Рима в Москву к князю Симеону Гордому»; «Мячковы — от Олбуга, сродника Тевризского царя, выехавшего к Дмитрию Донскому в 1369 г.». И так далее. То есть во времена «ига» (Гумилев часто брал это слово в кавычки) иностранцы идут на службу к князьям побежденной, казалось бы, Руси! И каждый шестой — из Орды¹.

Велико ли было влияние Орды на русскую государственность? На это долгое время полагалось отвечать утвердительно, но, как это часто бывает, первое же углубленное исследование показало, что традиционный ответ не опирается на факты. Сегодня этот вопрос исследован достаточно основательно, и ответ на него звучит так: *«Легковесные декларации, будто московская государственность являлась преемницей Золотой Орды, не выдерживают научной критики и должны быть отброшены. Московия была прежде всего православным христианским царством, наследником Киева и Владимира, а вовсе не Сарая»*².

Д. С. Лихачев напоминает: *«Все восточные сюжеты, которые есть в древней русской литературе, пришли к нам с Юга через греческое посредство или с Запада. Культурные связи с Востоком были крайне ограничены, и только с XVI в. появ-*

¹ Немецкий исследователь Э. Амбургер, изучив по спискам Разрядного приказа происхождение 915 служилых родов, приводит следующие данные: 24,3 % «выехавших» на русскую службу были из Польши и Литовской Руси (почти все — русские и православные); 25 % — из Западной Европы; 17 % происходили «из восточных народов» — в основном это были выходцы из Орды. См.: *Eric Amburger. Geschichte der Behordenorganisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917.* — Leiden, 1966.

² *Charles Halperin. Russia and the Golden Horde.* — Bloomington, 1985; Он же. Вымышленное родство: Московия не была наследницей Золотой Орды // *Родина*, № 12, 2003.

ляются восточные мотивы в нашем орнаменте»¹. Мы, возможно, и рады бы быть не-Европой, но не получается. Россия слишком увязла в Европе, а Европа — в России.

Исследователи по-разному относятся к периоду XIV—XV вв. в отечественной истории. Для одних это время «собирания русских земель», для других — эпоха заката вечевой демократии и «старинных вольностей», пора возвышения авторитарной Москвы и удушения городов-республик Новгорода, Вятки и Пскова. Повелось даже считать, что послеордынская Русь — свирепое гарнизонное государство. Но вот что пишет знаток этой эпохи, историк Александр Янов: *«Москва вышла из-под ига страной во многих смыслах более продвинутой, чем ее западные соседи. Эта “наследница Золотой Орды” первой в Европе поставила на повестку дня главный вопрос позднего Средневековья — церковную реформацию... Московский великий князь, как и монархи Дании, Швеции и Англии, опекал еретиков-реформаторов: всем им нужно было отнять земли у монастырей. Но в отличие от монархов Запада, Иван III не преследовал противящихся этому! В его царстве цвела терпимость»*².

Будь в Москве «гарнизонное государство», стремились ли бы в нее люди извне? Это было бы подобно массовому бегству из стран Запада в СССР. Литва конца XV в. пребывала в расцвете, но из нее бежали, рискуя жизнью, в Москву. Кто требовал выдачи «отъездчиков», кто — совсем как брежневские власти — называл их изменниками («зрадцами»)? Литовцы. А кто защищал право человека выбирать страну проживания? Москвичи. *«Москва твердо стояла за гражданские права! — пишет Янов. — Раз беглец не учинил “шкоды”, не сбежал от уголовного суда или от долгов, он для нее политический эмигрант. Принципиально и даже с либеральным пафосом настаивала она на праве личного выбора»*.

Москва и Литва поменялись ролями позже, в царствование Ивана Грозного, продолжает А. Л. Янов. Теперь Москва

¹ Новый мир № 2, 1993.

² Александр Янов. Российские либералы против русской истории // Дружба народов. № 11, 1996.

заявляет, что *«во всей вселенной, кто беглеца принимает, тот с ним вместе неправ живет»*. А король Сигизмунд разъясняет царю Ивану, что *«таковых людей, которые отчизны оставили, от зловольенья и кровопролитья горла свои уносят»*, выдавать нельзя. (Тут налицо некоторое упрощение: из Литовской Руси перебегали в Русь Московскую и при Иване Грозном, особенно в 1569—1584 гг., после Люблинской унии и с началом колонизации в западнорусских землях, когда католичество усилило свой напор на православие.)

2. Святая Русь

Известный эмигрантский богослов А. В. Карташев утверждал, что русский народ не случайно назвал свою страну Святой Русью. *«По всем признакам, это многозначительное самоопределение... низового, массового, стихийного происхождения, — писал он, поясняя: — Ни одна из христианских наций не вняла самому существенному призыву церкви именно к святости, свойству Божественному»*, лишь Россия *«дерзнула на сверхгордый эпитет и отдала этому неземному идеалу свое сердце»*. Поразительно, если вдуматься. Не «добрая старая» (как Англия), не «прекрасная» (как Франция), не «сладостная» (как Италия), не «превыше всего» (как Германия), а «святая». Ряд авторов, включая известного математика и православного мыслителя Виктора Тростникова, считают, что этот идеал был достигнут, что Святая Русь, признававшая веру и служение Правде Божьей своим главным делом и главным отличием от других народов, была духовно-социальной реальностью.

Это была историческая вершина русской религиозности. Ее носители не считали слишком важными успехи в хозяйственной сфере или в соперничестве с другими государствами (если только речь не шла о спасении единоверцев).

Сегодня нам уже трудно представить себе людей, для которых вера составляла главный смысл жизни. Им, вероятно, еще труднее было бы представить себе нас.

Люди Святой Руси воспринимали православие как образ жизни и норму поведения. «Служба Правде Божьей», пусть и не вполне воплотимая в жизни, жила в народном сознании как идеал, помогая обращать в православие народы русской периферии.

Если Европа приняла эстафету христианства из рук падающей Западной Римской империи и за 10—11 веков саморазвития пришла к идее гуманизма, то Русь почти пять веков оставалась под духовным патронатом «Греческого царства» — живой и все еще могущественной Восточной Римской империи (условно названной историками, во избежание путаницы, Византией), где, как считается, постепенно побеждало нечто иное — исихазм, учение о пути человека к Богу через «очищение сердца». Гуманизм породил европейское Возрождение, исихазм на русской почве — этический и общественный идеал святости. Не видя реальной Византии с ее недостатками и пороками, русские представляли себе Царьград почти как Царство Небесное. Греческие пастыри на Руси поддерживали это убеждение.

Если эта реконструкция верна, Святая Русь была страной преобладания счастливых людей, неважно — богатых или бедных, главное — глубоко верующих и счастливых своей верой.

При вести о пленении Царьграда агарянами в 1453 г. Русь ощутила себя сиротой. Зато теперь она уже с полным основанием могла отнести к себе Первое послание апостола Павла, обращенное к христианам, живущим среди язычников: *«Вы — род избранный, царственное священство, народ святой, люди, взятые в удел, дабы возвещать совершенства Призвавшего вас из тьмы в чудный Свой свет; некогда не народ, а ныне народ Божий; некогда непомилованные, а ныне помилованы»*. Наши предки окончательно пришли к убеждению, что они богоизбранный народ. Это убеждение держалось долго. Русские правители на столбах кремлевского Архангельского собора соотнесены с библейскими царями, в росписях 1564—1565 гг. образы русских князей продолжают генеалогию Христа и праотцев.

Восприятие себя богоизбранным народом порождало, конечно, и грех гордыни. Гордыня распространялась на отношение к иностранцам, не мешая, впрочем, купеческим делам. Адольф Лизек, секретарь австрийского посольства ко двору Алексея Михайловича, писал, что русские *«в делах торговых хитры и оборотливы, презируют все иностранное, а все свое считают превосходным»*. Сирийский араб-христианин Павел Алеппский, сын антиохийского патриарха Макария, описавший поездку отца в Россию в 1655 г., свидетельствует (*«Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским»*. — М., 2005): *«Торговля московитов деспотичная, торговля сытых людей <...>. Один еврей (принявший христианство), состоявший переводчиком при врачах царя, говорил нам, что евреи превосходят все народы хитростью и изворотливостью, но что московиты и их превосходят»*. Эти черты мы видим сегодня в самых прямых наследниках Святой Руси — старообрядцах. Они сохранили и чувство превосходства (если чужой прикоснулся к их посуде, они ее выбрасывают), и предпринимательскую хватку.

Хронологические рамки и даже географические очертания Святой Руси, конечно, расплывчаты. Напоминая, что в истории долго хорошо не бывает, В. Н. Тростников отводит ей, тем не менее, три с половиной века: от времен Ивана Калиты до начала Петровских реформ. Святую Русь не смогли поколебать, по его мнению, ни правление Ивана Грозного, ни Смута, ни даже Раскол (в последнем можно усомниться), потому что культурная надстройка оставалась идеально соответствующей своему православному базису. Соответствие было достигнуто, видимо, к XIV в. *«Элементы языческой культуры были переосмыслены, — поясняет Тростников. — Перун превратился в Илью-пророка, Радоница — в день поминовения усопших и так далее»*. Новые же элементы, заимствованные из Византии, были усвоены столь органично, что это дает право говорить об *«исключительной пластической одаренности русского народа»*.

Русский народ нравственно вырос на Библии, вернее, на ее конспекте, Псалтыри. Не зря это источник наших пословиц. В России даже был построен Новый Иерусалим (на Истре). Ирония судьбы состоит в том, что Русь не сомневалась в своем превосходстве над другими царствами как раз до патриаршества Никона, строителя Нового Иерусалима. И вдруг: и книги у нас неправильные, и персты складываем не так, и даже имя Спасителя произносим неверно. Это был страшный удар по мироощущению. Ощущение святости неотделимо от чувства превосходства. Святую Русь, пережившую потрясение Раскола и продолжающую ощущать себя святой, представить сложно. Никоновская реформа была одним из поворотных пунктов в эволюции русского этноса. Многие источники отмечают последовавший за ней упадок нравов. Хронологически совпадает она и со становлением крепостничества.

Исключая Святую Русь из рассмотрения, как это делают практически все исследователи, невозможно понять нашу историю и наш характер, невозможно понять и особое обаяние старой России, сохраненное кое-где литературой (назову «Лето Господне» Ивана Шмелева) и обрывочно ощущаемое в старых городах — в провинциальных и даже в столичных, но более всего — в церквях.

Глава пятая

Крепостное право как историческая западня

1. Оно подкрадывалось незаметно

Что такое крепостное право? Это совокупность юридических норм и обычаев, постепенно закрепивших полную зависимость большинства крестьян от феодалов. Невозможно назвать точную дату, до которой крепостное право было еще неполным, а с ее наступлением приобрело законченный вид. Можно лишь сказать, что черты безвыходности оно приобрело к концу XVII в., а наиболее суровые формы — к середине следующего. Но тогда же, и даже несколько раньше, началось его медленное вырождение и изживание.

Что такое крепостное крестьянство, откуда оно взялось? Как немногим удалось закабалить многих? Опыт показывает, что даже вполне просвещенные и начитанные люди наших дней не могут это внятно объяснить. В школе нам не рассказывали о том, как это произошло.

Крестьяне XVI в. (т. е. еще времен Ивана Грозного) были, согласно формулировке Василия Ключевского¹, *«вольными и переходящими землепашцами, арендаторами чужой земли»*.

¹ «Курс русской истории», лекция 36.

Крестьянин мог перестать быть крестьянином, бросив земледелие и занявшись чем-то другим. Он не был «крепок» ни участку земли, ни своему сословию. В XVI в. крестьянство вообще не было сословием, т. е. «постоянным обязательным званием с особенными, ему одному присвоенными правами и обязанностями». Крестьянин свободно менял свою пашню на другую, свободно выходил из общины. Как же он умудрился утратить свою свободу, оказаться «прикрепленным» к земле, а главное — к ее владельцу? Никто не описал это лучше Ключевского: *«Крестьянин был вольный хлебопашец, сидевший на чужой земле по договору с землевладельцем; его свобода выражалась в крестьянском “выходе” или “отказе”, т. е. в праве перейти к другому землевладельцу. Первоначально право это не было стеснено законом... Крестьянин мог покинуть участок, когда кончались все полевые работы и обе стороны могли свести взаимные счета. Свобода крестьянина выражалась также в том, что он заключал с землевладельцем поземельный договор. Условия этого арендного договора излагались в “порядных грамотах”, или “записях”. Крестьянин договаривался с землевладельцем как свободное, юридически равноправное с ним лицо... Нового “приходца” принимали осторожно: нередко он должен был представить несколько поручителей... в случае неисполнения обязательств крестьянин или его поручители платили “заставу” — неустойку... Новый поселенец либо подчинялся общему положению наравне с другими крестьянами, либо заключал особые личные условия... Чаше сверх оброка деньгами или хлебом крестьянин обязывался еще отбывать барщину, которая называлась “издельем” или “боярским делом”... Крестьянин часто брал у хозяина “ссуду”, или “подмогу”; за это крестьянин обязывался дополнительно работать на хозяина — чаще всего обрабатывать известное количество барской земли... Денежная ссуда называлась “серебром издельным”», а сам должник — «серебряником». Землевладелец не мог расторгнуть договор до жатвы.*

Чтобы уйти к другому феодалу — к тому, кто его устраивал больше, — или уйти вообще «на все четыре стороны» (выражение из текста XVI в.), крестьянин должен был выплатить «пожилое за двор» и возратить ссуду, а иногда и компенсировать «льготу». Невозможность ухода возникала из невозможности расплатиться. Допустим, «серебряник» расплатился по ссуде — это был уже подвиг, так как на ссуду набегал «рост» (проценты). Он был обязан также отрабатывать «казенное тягло» (подати и повинности в пользу государства). У многих ли хватало сил оплатить сверх того еще и «пожилое за двор» и льготу? Чем дольше человек жил на одном и том же участке, тем значительнее становилось «пожилое», которое *«рассчитывалось по числу лет, прожитых уходящим старожилом на участке; расчет становился даже невозможным, если во дворе десятки лет преемственно жили отец и сын»*. Таким образом, первыми «крепкими земле» крестьянами становились «старожильцы». Уже в XVI в. их было немало.

Перенесемся на четыре века назад и поставим себя на место наших предков. Так ли уж обязательно старожилец стремился к уходу? К уходу от привычных мест, от соседей и родственников, от сельского «мира», от церковного прихода, от поля, которое кормило его и его семью и которое он привык считать своим. *«Обстроившись и обжившись на своем месте, домовитый хлебопашец не мог иметь охоты без нужды бросать свой участок, в который вложил много своего труда, в усадьбе которого нередко и родился»*. Он не знал другой жизни, единственным видом социальной гарантии для него были его дети, которых надо было еще вырастить. Окружающий мир был ненадежен, опасен и труден, большой мир (с Иерусалимом, Царьградом, Афон-горой и Беловодьем) едва существовал. Он знал, что все может быть много хуже, чем есть, он видел, как в голодные годы люди запродавали себя в «жилые холопы», поскольку это хотя бы гарантировало стол, кров и одежду. Стремиться к уходу мог тот, кто заведомо знал, что на новом месте будет лучше. Либо тот, кого переманивал другой землевладелец, предложив

что-то ощутимо лучшее, готовый оплатить его долги и «своз».

У землевладельца была своя правда, поясняет Ключевский. *«Он не стал бы слишком щедро льготить крестьянина и даже платить за него подати, если б видел в нем кратковременного сидельца, которого ближайший Юрьев день осенний может унести с его участка. Его заботой было усадить крестьянина возможно прочнее, сделать старожильцем... С завоеванием Поволжья крестьянство было взбудоражено переселенческим движением. Уход младших членов семьи, людей неписьменных [не успевших попасть в писцовые книги последней переписи и потому ничем не связанных], вынуждал сокращать запашку».* За вторую половину XVI в. запустели целые волости: *«Хлебопашца, которому наскучила работа над неподатливым лесным, хотя и отческим, суглинком, манила степная черноземная новь с новыми ссудами и льготами... но трудно было рассчитаться крестьянину, засидевшемуся у землевладельца до старожильства, т. е. просидевшему больше 10 лет».*

2. Борьба феодалов за крестьянские руки

Уходы и переходы («отказы») вызывали у феодального класса тревогу. После того как Судебник 1550 г. подтвердил древнее право *«крестианом отказываться из волости в волость и из села в село один срок в году: за неделю до Юрьева дни до осеннего и неделя по Юрьеве дни осеннем»*, вотчинники и помещики, боявшиеся остаться без людей, стали усиленно лоббировать запрет переходов вообще. Лоббировали долго, почти сто лет, поскольку им противодействовали более успешные землевладельцы — те, что не испытывали подобных страхов и, наоборот, были заинтересованы в новых работниках, в заселении новых земель. *«В XVI в. возникла ожесточенная борьба землевладельцев за крестьянские руки. Время около 26 ноября, Юрьева дня осеннего, было порой, когда в селах и деревнях разыгры-*

вались сцены насилия и беспорядков. Приказчик богатого светского землевладельца ехал в села черных [независимых] крестьян или мелких помещиков и „отказывал“ крестьян, подговорив их к переселению, платил за них ссуду и „пожилое“ и свозил на землю своего господина. Крестьянские общества и мелкие землевладельцы лишались тяглов и рабочих рук».

Заплатив за серебреника его долг и вывезя его на свою землю (это называлось «своз»), новый господин ставил новичка перед необходимостью отработки долга на барщине в господском хозяйстве. Барину нужно было не просто превратить крестьян в неоплатных должников, он добивался, чтобы те обязательно трудились на его полях — больше на них трудиться было некому.

Дотоле свободный «черный» крестьянин мог доверчиво соблазниться на щедрую ссуду и льготу (она могла выражаться в том, что новый господин обязывался временно расплачиваться за государственное тягло крестьянина), но чем щедрее был прием, тем безнадежнее оказывалась расплата.

Еще один вариант. Владелец мелкого надела мог в трудную годину продать его феодалу, но остаться жить на прежнем месте и работать на своей бывшей земле «половником», за половину урожая. Без земли «половникам» было некуда податься, и их тоже рано или поздно засасывала долговая воронка.

Когда произошло юридическое прикрепление крестьян к господам (не к земле, а к землевладельцам)? Не по указу 1597 г., как иногда можно прочесть в учебниках, — в этом указе речь идет только о пятилетнем сроке давности по сыску крестьян, которые ушли от владельцев земли «не в срок и без отказа». И не при Борисе Годунове, о чем недавно поведало телевидение. Ключевский напоминает: указ Бориса Годунова от 28 ноября 1601 г. был «мерой, направленной против землевладельцев в пользу крестьян: он гласит, что царь позволил давать крестьянам выход по причине налогов и взысканий, которыми землевладельцы их обременяли».

Прикрепление никак не могло произойти и в Смуту, когда «одних отпускали на волю, других прогоняли без отпускных, третьи разбегались сами». И не сразу после Смуты, когда «опустелая земля упала в цене, а крестьянский труд и барская ссуда вздорожали; крестьянин нуждался больше в ссуде, чем в земле; землевладелец искал больше работника, чем арендатора». Были примеры того, как «уже не крестьянин дает обязательство не уходить от помещика, а помещик обязуется не сгонять крестьянина с его старого обстроеного жеребья». Но именно тогда договор об аренде господской земли («порядная») становится, по сути, договором об обязательном труде на господина, а право господина на труд крестьянина довольно быстро превращается в основание его власти над личностью последнего.

Ключевский блестяще показывает, как власть господ над крестьянами — в предшествующие века весьма относительная¹ и отнюдь не повсеместная — стала расти после переписи 1627 г. «Бродячий вольный хлебопашец, застигнутый писцом на земле владельца, куда он забрел для временной „крестьянской пристани“, и за ним [землевладельцем] записанный, волей-неволей рядился [нанимался] к нему в крестьяне на условиях добровольного соглашения и вдвойне укреплялся [закрепощался] за ним как этой писцовой, так и порядной записью [договором], какую давал на себя».

Стремясь не допустить переманивания и «своза», феодалы и общины (тут их интересы совпадали) насчитывали на уходящих лишние платежи, отнимали и прятали их имущество, удерживали физически. Крестьян прикрепляли явочным порядком, опережая государственную политику. «Но это бы-

¹ «Около половины XV в. застаем владельческих крестьян с признаками довольно льготного положения, несмотря на широкое распространение ссуды, или “издельного серебра”. Переход крестьян не был стеснен ни сроком, ни обязанностью немедленной уплаты занятого серебра: крестьянин-серебряник мог уплачивать свой долг землевладельцу в два года по уходе без процентов. Старожилы даже пользовались особыми льготами за то, что усидчиво сидели на своих местах или добровольно на них возвращались».

ла не норма, а только терпимая законом практика, которая (внимание!) всегда могла быть отменена судом». Еще «в начале третьего десятилетия XVII в. вопрос о личной крестьянской крепости не был решен даже в принципе». Но землевладельцы продолжали подавать коллективные челобитные, требуя введения этой меры.

«Как только наступало 26 ноября, Юрьев день, все крестьянство Московского государства приходило в движение. Кто мог и хотел, тот рассчитывался со своим хозяином, собирал свой скарб, привязывал к возу за рога корову и со всей семьей отправлялся на новые места, к новому землевладельцу, о котором приходилось слышать хорошие отзывы... Богатые землевладельцы держали даже особых отказчиков, т. е. людей, которые занимались тем, что ездили из села в село и подговаривали крестьян переходить... Как только приближалось дело к Юрьеву дню и по селам покажутся, бывало, отказчики, переодетые странниками, купцами, прасолами» (С. А. Князьков. Допетровская Русь. — М., 2005).

Государство долго не шло навстречу требованиям феодалов и общин. Оно во многом держалось на крестьянском «тягле» — на податях, которые платили крестьяне, и на повинностях, которые те отбывали. Исправное несение тягла было хорошо отработано: крестьяне были объединены в административные округа, которые назывались станами и волостями, старосты разверстывали тягло между членами общин, — и эта система работала веками. Но тяглые обязанности подразумевают ряд прав и свобод, включая свободу передвижения, свободу промыслов и даже полной смены занятий, право приобретать недвижимость, право отстаивать свои интересы в суде. Отняв права, будет невозможно добиться исполнения обязанностей, рассуждали законодатели XVII в., сами феодалы.

И решение было найдено. У крестьян формально ничего не отбирали, просто ответственность за их тягловую «исправность» была возложена на землевладельца. «На этой норме помирились интересы казны и землевладельцев. Частное

землевладение стало рассеянной по всему государству полицейско-финансовой агентурой государственного казначейства, из его соперника превратилось в его сотрудника. Примирение могло состояться только в ущерб интересам крестьянства». Теоретически закрепощенный крестьянин оставался тягловой единицей, т. е. налогоплательщиком (сохраняя, как пишет Ключевский, «некоторый облик гражданской личности»), только теперь государство для него олицетворял не царь и даже не воевода, а барин.

3. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Соборное уложение 1649 г. установило невозможность выхода («Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!») т. е. бессрочную прикрепленность крестьянина к земле, а уже в конце века к обычному обязательству «жить за владельцем в такой-то деревне» в договоре стало прибавляться условие: «...жить тому крестьянину в той деревне и впредь... за кем та деревня будет». «Закон не устанавливал ни срока крестьянской крепости, ни размеров повинностей, предоставляя все это добровольному соглашению». Но все это почти уже не имело значения. «Крестьянин, числясь по закону вольным со своим устарелым правом выхода, на деле уже был окружен со всех сторон». Его «порядная запись» становилась, по сути, отказом «навсегда от права каким-либо способом прекратить принимаемые на себя обязательства».

Процессы прикрепления крестьян к земле и землевладельцу ускорились после церковной реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. Возросшее в стране напряжение ожесточило нравы. Дворянство стало беззастенчиво использовать в своих интересах (т. е. для закабаления крестьян) систему мер, задуманную во многом против обезлюдения «старых» уездов государства.

Сохранявшееся коварство закрепощения состояло в том, что оно складывалось шаг за шагом. Крепостной хлебопашец продолжал жить привычной крестьянской жизнью в знакомой

с рождения среде, вокруг как будто ничего не менялось. При переводе в другую вотчину или поместье крепостной с семьей снова «сажался» на землю и наделялся необходимым имуществом; *«он мог жаловаться на господские поборы „через силу и грабежом“ и по суду возвратить себе насильственный перебор; крепостной вотчинника не мог быть обезземелен путем превращения в дворового, а крепостной помещика — еще и путем отпуска на волю (!)»*; собственность крепостного не была собственностью его господина. Крепостные могли вступать в сделки, могли выступать истцами и ответчиками в суде, за их «бесчестье» взимался штраф. Закон признавал за ними право на собственность, право заниматься торговлей, заключать договоры, распоряжаться своим имуществом по завещанию.

Еще одна особенность «тихого закрепощения» состояла в том, что оно происходило на фоне повышения жизненного уровня крестьянства. С. А. Нефедов в работе «Уровень жизни России XVII века» (*Уральский исторический вестник*, № 9, 2003) приходит к выводу, что крестьяне XVII в. жили гораздо зажиточнее, чем это априори представлялось историкам раньше. Их относительное благополучие объяснялось тем, что после демографической катастрофы времен Смуты в стране было много свободных земель, стали осваиваться более южные земли. Крестьянин охотно «садился» на плодородную землю «щедрого» землевладельца, не думая о последствиях. Думать начинали его дети и внуки.

Закрепощение, столь позднее на фоне остальной Европы, оказало огромное воздействие на судьбу страны. Ключевский высказывает исключительно важную, но почти не услышанную мысль: *«Едва Земский собор стал складываться в выборное всенародное представительное собрание, как из состава его выпало почти все сельское земледельческое население. Земский собор потерял под собою земскую почву, стал представлять собою только службу и посадское тягло с их узкими сословными интересами. Принося к престолу мысль лишь немногих классов, он не мог привлечь к себе ни должного внимания сверху, ни широкого*

доверия снизу». Речь идет о Земских соборах, особенно периода 1630—1650-х г., когда по всем признакам складывалось именно то, что Ключевский называет (тут важны все четыре слова) выборным всенародным представительным собранием — об этом у нас речь впереди. Иначе говоря, крепостничество на два века затормозило гражданское развитие России.

У ряда авторов проскальзывает застенчивая мысль, что крепостное право было мерой поневоле необходимой. Дескать, территориальное расширение России и ее военные усилия требовали повышения отдачи тягла, перехода к мобилизационному государству, и другого выхода, кроме выжимания соков из крестьянства, не было. Хотя в допетровское время имелись и другие резервы. Читаем у Ключевского: *«Иноземные наблюдатели в XVII в. удивлялись, как много праздного люда в Московском государстве. Эта праздная или непроизводительно занятая масса почти всю тяжесть своего содержания падала на те же рабочие, тяглые классы, из которых и казна извлекала свои доходы, и в этом отношении являлась соперницей государства, перехватывая у него средства, которые могли бы идти на пополнение государственной казны»*

Петр I использовал данный резерв, «пристроив к делу» большую часть этой вольницы и значительно усилив крепостной гнет. Большинство историков сходятся в том, что крепостное право в полном смысле слова — с резким ограничением дееспособности (запрет приобретать недвижимость в городах и уездах, запрет свободно уходить на промыслы и другие запреты), с продажей людей, помещичьим произволом, телесными наказаниями и прочими мерзостями — сложилось по-настоящему на протяжении XVIII в., между Петром I и Екатериной II.

Петр I использовал данный резерв, «пристроив к делу» большую часть этой вольницы. Из правовых норм было изъято старинное юридическое понятие «вольный человек» — так в допетровское время называли людей свободных от какой-либо зависимости, от налогообложения и от государ-

ственной службы. Отныне таких людей, по крайней мере в теории, просто не осталось: каждый должен был либо служить, либо платить подушную подать. Были и другие категории нетяглого населения — слуги, кабальная зависимость которых по закону прекратилась со смертью их господ, посадские и служилые люди, занимавшиеся отхожими промыслами, переставшие крестьянствовать крестьяне, отпущенные на свободу холопы, «гулящие люди». Отход населения на заработки назывался «гулять», «ходить в гуляках», «быть гулящим». Они не платили податей ни государству, ни феодалам и жили преимущественно работой по найму. За «гулящих» часто выдавали себя беглые крестьяне. Указом Петра I от 1 июня 1722 г. гулящих следовало записывать в посады, а если они работали по найму у помещиков, распространить на них казенное тягло — т. е. связать крепостной зависимостью. Они могли избежать этой участи, лишь записавшись в солдаты.

Введя подушную подать, модернизатор Петр I росчерком пера упростил сложное общество XVII в. (а упрощение — процесс, противоположный модернизации), стер правовые грани между большинством категорий крестьянства, все стали «ревизскими душами». Петр I возложил на помещиков ответственность и за подушную подать, и за поставку рекрутов. Это сразу обострило отношения между помещиками и крепостными, и до того не идиллические. Народная память о Петре не отличается разбросом мнений: «антихрист», «подмененный», «миroeд, весь мир переел», «крестьян разорил с домами», «побрал всех в солдаты».

При Петре свободу действий утратили почти все. Под страхом сурового наказания (вплоть до вечной каторги за уклонение!) не имели права не служить дворяне, они даже не могли перемещаться по своему усмотрению внутри России. Крепостные, ненавидя Петра за резкое ухудшение своей жизни, все же достраивали свою логику так: они служат помещику, чтобы дать ему и его сыновьям возможность нести государеву службу, тоже тяжкую.

По закону землевладелец не был собственником крепостного, но практика побеждает теорию. Покупка поместья была покупкой земли вместе с крестьянами. Для заселения новых земель требовались люди. То, что теоретически можно было рассматривать как выкуп долговых прав, по сути являлось покупкой людей. При преемниках Петра людей уже всю продавали без земли.

Жизнь во все века находит защитные механизмы против дурных законов. В частности, несмотря на все новые указы о беглых крестьянах, они исполнялись откровенно плохо, особенно на окраинах государства. Проку от новых ужесточений становилось все меньше. Это вообще в русской традиции. Рассказывая о последних годах Петра I, Ключевский пишет: *«Указы строжайше предписывали разыскивать беглых, а они открыто жили целыми слободами на просторных дворах сильных господ в Москве — на Пятницкой, на Ордынке, за Арбатскими воротами... Столичный приказный, проезжий генерал, захолустный дворянин выбрасывали за окно указы грозного преобразователя».*

4. Противоречивая картина

Живая экономика расшатывала едва сложившуюся крепостную систему. В 1730 г. крепостным было повторно запрещено приобретать недвижимую собственность — значит, предыдущие запреты не соблюдались. В 1731-м их лишили права брать откупы и подряды. Вместе с тем в 1734 г. Анна Иоанновна обязала помещиков кормить крестьян в неурожайные годы, снабжать семенами для посева, посулив нарушителям суровой наказанием.

Жизнь смягчала суровость многих законов, другие по прошествии времени переставали исполняться, третьи не исполнялись с самого начала. Так, еще в 1734 г. крестьянам запретили заводить суконные фабрики, но исследователи, изучавшие работу знаменитой екатерининской Комиссии по разработке нового Уложения (1767—1770), обратили внима-

ние на то, что купцы в ней жаловались на конкуренцию со стороны крестьян. Ричард Пайпс («Россия при старом режиме». — М., 2004) не без удивления констатирует: *«Государственные и помещичьи крестьяне начали превращать свои домашние ткацкие станки в большие фабрики с сотнями рабочих...»* И далее: *«К началу XIX в. основная часть русской торговли контролировалась крестьянами»*.

18 февраля 1762 г., через 37 лет после смерти Петра I, последовал Манифест о вольности дворянства, разрешавший дворянам не служить, нежиться в своей деревне, выезжать за границу, жить и путешествовать где угодно. Многие крестьяне посчитали, что с этого момента удержание их в крепостной зависимости стало незаконным, и начали ждать следующий указ — о вольности крестьянства. Они не знали, что ждать им придется 99 лет и 1 день. Несбывшиеся ожидания крестьян прорвались во время пугачевского бунта.

Пугачев, кстати, обещал награждать примкнувших к нему *«древним крестом и молитвой, головами и бородами, вольностью и свободой и вечно казаками»*. Ничего экономического, только старая вера, только отмена бритья бород — и свобода, свобода, свобода¹.

Крестьянские выступления во множестве имели место и после восстания Пугачева, но до размаха пугачевщины им уже было далеко. Объясняется это как раз экономическими причинами — улучшением жизни сельского населения, начавшимся во второй половине XVIII в. Под впечатлением крестьянской войны власть четверть века не повышала налоги (что в условиях ползучей инфляции означало их снижение), а помещики не повышали ренту. *«Большинство русских подданных живет лучше, чем огромное большинство населения во Франции, Германии, Швеции и некоторых других странах. Это можно сказать о всех классах»*² — таков вывод

¹ Интересная подробность: два величайших бунтовщика в нашей истории, Разин и Пугачев, родились (с разницей в 112 лет) в одной и той же небольшой станице Зимовейской (ныне в Волгоградской области).

² Цит. по: Б. Н. Митронов. Социальная история России, 3-е изд. Т. 2 — СПб., 2003. С. 316.

англичанина Уильяма Тука (Took), автора вышедшего в 1799 г. двухтомного исследования о тогдашней России. Е. В. Тарле собрал целую небольшую антологию высказываний европейских современников Тука, пришедших к тем же выводам.

Но была еще одна причина. Огромное впечатление на крестьян произвело милосердие, проявленное к побежденным после подавления пугачевского бунта, двухлетней крестьянской войны, до основания потрясшей всю Россию. Суд по делу о бунте, происходивший в декабре 1774 г., приговорил к смертной казни Пугачева и еще пятерых глав-рей; 18 мятежников приговорили «к наказанию кнутом и к ссылке на каторжную работу». Остальные были... помилованы. *«Помилованные мятежники были на другой день казней приведены пред Грановитую палату. Им объявили прощение и при всем народе сняли с них оковы... В конце 1775 г. обнародовано было общее прощение и повелено все дело предать вечному забвению»* (А. С. Пушкин. «История Пугачева»). Была ли на памяти человечества более милосердная страна?

Неверующий народ истолковал бы подобное милосердие как слабость государства и приглашение к новым бунтам, но для наследников Святой Руси это было доказательством правоты государства и неправоты бунтовщиков, особым видом наказания для них.

Когда жизнь «в крепости» длилась уже не одно поколение, крепостные начинали думать, что и земля «крепка им». Отсюда крестьянская иллюзия: «Земля наша, а мы — помещиковы». Даже продажу целой деревни крестьяне понимали так, что один барин купил у другого право взыскивать с них долг в виде оброка или барщины.

Конец 1796 г. стал порой надежд для крепостных. 7 ноября, на следующий день после смерти Екатерины II, последовал указ Павла I о приведении к присяге всех сословий, в том числе помещичьих крестьян (такая присяга была упразднена для них в 1741 г.). 10 ноября 1796 г. был отменен рекрутский набор, 27 ноября крестьянам предоставлено право апелля-

ции на решения судов по их делам и право подавать жалобы на помещиков, в том числе и на имя самого государя. Интересно, что эти указы вызвали крестьянские волнения в 32 губерниях из 50: крепостные поняли эти меры как уравнивание сословий и утрату помещиками прав распоряжаться ими и заставлять их работать на себя.

Волнения не смутили Павла. 10 декабря 1796 г. была отменена обременительная для крестьян хлебная подать, 16 декабря крестьянам и мещанам прощены недоимки в подушном сборе, а 10 февраля следующего года последовал указ о запрещении продавать дворовых и крепостных без земли. Император напоминал этим: то, что крестьянин прикреплен к земле, не означает, что он — собственность помещика. Манифест 5 апреля 1797 г. запретил принуждать крестьян к работам в воскресные и праздничные по церковному календарю дни (а таких было много!). Оставшиеся шесть дней недели предписывалось делить поровну между работами крестьянина на себя и на владельца, то есть, как поясняет академик А. Н. Сахаров (директор Института российской истории), *«впервые в России законодатель-самодержец встал между помещиком и крестьянином, жестко регламентировав крепостническую эксплуатацию»*. Этот манифест, *«взятый в сочетании с другими крестьянскими узаконениями Павла I, во многом предвосхитил эволюцию антикрепостнического законодательства в царствование Александра I и Николая I вплоть до подготовки самой крестьянской реформы. М. М. Сперанский считал его “замечательным для своего времени”, полагая, что “в его смысле скрыта целая система постепенного улучшения быта крестьян”*. Современная историческая мысль признает, что именно от этого павловского манифеста берет свое начало процесс правительственного раскрепощения крестьян в России».

Меры Павла I не могли не вызвать подозрений, что он готовит полное освобождение крепостных. Бытует много версий убийства Павла в результате английского заговора, но куда вероятнее, что за этим преступлением стояло дворян-

ство, потерявшее голову от перспективы остаться без проорма.

Крестьяне довольно часто протестовали по тем или иным поводам, но всегда в уверенности, что царь на их стороне. На этом настаивает ряд исследователей, изучавших конкретные дела о крестьянских волнениях. *«Крестьяне обычно “легализировали” свои выступления прямым обращением к царю. Жалоба или прошение на имя царя зачастую составлялись в самом начале выступления, а уже в разгар борьбы появлялась возможность оттянуть неблагоприятный для крестьян исход выступления ссылкой на ожидание царского решения. Случаи благоприятного решения царя или ведомств усиливали заблуждения крестьян»*¹. Советский историк 40 лет назад обязан был употребить слово «заблуждения».

Наиболее распространенной формой протеста являлись жалобы на помещика или на управляющего. Крестьяне тратили большие средства на посылку ходоков, ведение судебных дел. Под давлением крестьянского недовольства Комитет министров 24 декабря 1821 г. постановил, что в случае основательности жалоб крепостных имение должно браться под опеку, а дворовые отпускаться на оброк.

5. Не рассосется ли само?

Павел не был первым, кто думал о раскрепощении, его мать не раз озвучивала ту же мысль, чем также пугала дворянство. Одной из причин, почему Екатерина II так и не решилась на конкретные шаги, был пример родственной ей Германии. *«Ничто не принадлежит вам, душа принадлежит Богу, а ваши тела, имущество и все, что вы имеете, является моим»*, — гласил помещичий устав, определявший повинности крестьян германского княжества Шлезвиг-Гольштейн, откуда

¹ Борис Литвак. О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. В сб.: «История и психология». Под ред. Б. Ф. Поршнева. М., 1971.

происходили ее мать и покойный муж. Устав не средневековый, а 1740 г. — времени, когда она была уже отроковицей. Не менее впечатляющим был пример ее современника Фридриха Великого, который не делал послаблений прусским крепостным (хотя и бесплатно выделял им семена желательных культур).

Внуки Екатерины, императоры Александр I и Николай I, тоже тянули с реформой, ожидая, как повернут события в Пруссии, с ее гораздо более старым (с XIII в.) крепостничеством, и в других германских государствах, где освобождение крестьян началось между 1807 (Вестфалия) и 1831 (Ганновер) годами, но, по словам Франца Меринга, «растянулось на два поколения».

В 1816—1819 гг. Александр I даже пошел на эксперимент, освободив крестьян без земли в прибалтийских губерниях, и результат был сочтен отрицательным: большинство крестьян стали батраками. Слухи о том, что стоит лишь перейти в «русскую веру», как сразу получишь надел земли во внутренней России, побудили 75 тыс. латышских и эстонских батрацких семей перейти в православие. Это потрясло Петербург: хоть православная вера и крепче лютеранской, рассудили там, но, если в корневой России освободить крестьян без земли, не начнут ли миллионы русских безземельных батраков проситься в какую-то иную веру? В верхах было составлено более дюжины проектов отмены крепостного права, но на решительный шаг власть не отваживалась.

В 1811 г. министр финансов Д. А. Гурьев в записке Государственному совету отмечал, что число оброчных крестьян (конечно, не только помещичьих), занимающихся промыслами и торговлей, равно численности купцов и мещан, вместе взятых. *«Они занимаются всякого рода торгами во всем государстве, вступают под именем и по кредиту купцов или по доверенности дворян в частные и казенные подряды, поставки и откупа, содержат заводы и фабрики, трактиры, постоянные дворы и торговые бани, имеют речные суда, производят*

*рукоделия и ремесла наемными людьми»*¹. Это особенно интересно в свете того, что указ, разрешающий всем крестьянам заводить собственные фабрики и мануфактуры, последовал лишь в декабре 1818 г.

К 1820-м гг. *«торгующие крестьяне, по великому количеству своему, овладели совершенно многими частями городских промыслов и торговли, коими прежде занимались купечество и посадские»*². Купцы-оптовики постепенно оказались в экономической зависимости от крестьян, которые почти полностью овладели розничной сетью. В случае покупки торгового свидетельства крестьянин мог заниматься и внешней торговлей, и это положение не осталось на бумаге.

Французское посольство в Петербурге докладывало своему МИДу: *«Должно с сожалением смотреть на близкое разорение части русской аристократии, тогда как некоторые крепостные, так же как и купцы, которые прежде были крепостными, обогащаются чудовищным образом»*³.

В набросках «Мысли на дороге» («Путешествие из Москвы в Петербург») Пушкин описывает разговор со своим дорожным попутчиком-англичанином (дотошные пушкинисты выяснили, что звали этого человека Колвилл Франклэнд и что он жил в России в 1830—1831 гг.). *«Подле меня в карете сидел англичанин, человек лет 36. Я обратился к нему с вопросом: что может быть несчастнее русского крестьянина?»* Тот ответил: *«Английский крестьянин»* — и стал перечислять плюсы положения русского крестьянина по сравнению с английским: *«Во всей России помещик, наложив оброк, оставляет на произвол своему крестьянину доставать оный, как и где он хочет. Крестьянин промышляет чем вздумает и уходит иногда за 2000 верст вырабатывать себе деньги... Я не знаю во всей Европе народа, которому*

¹ Цит. по: П. Г. Рындзюнский. Городское гражданство дореформенной России. — М., 1958. С. 74 и 76.

² Там же. С. 88.

³ Цит. по: Е. В. Тарле. Запад и Россия. — Пг., 1918. С. 125.

было бы дано более простору действовать...» Разговор продолжается: «Что поразило вас более всего в русском крестьянине? — Его опрятность, смышленность и свобода. Ваш крестьянин каждую субботу ходит в баню; умывается каждое утро, сверх того несколько раз в день моет себе руки. О его смышленности говорить нечего. Взгляните на него: что может быть свободнее его обращения! Есть ли и тень рабского унижения в его поступи и речи? Вы не были в Англии? — Не удалось. — Так вы не видали оттенков подлости, отличающих у нас один класс от другого. Вы не видали раболепного *maintien* [поведения] Нижней каморы [палаты] перед Верхней; джентльменства перед аристократией; купечества перед джентльменством; бедности перед богатством; повиновения перед властью... А нравы наши, а продажные голоса...»¹.

Впечатленный наблюдениями иностранца, Пушкин развивает тему уже от себя: «В России нет человека, который бы не имел своего собственного жилища. Нищий, уходя скитаться по миру, оставляет свою избу. Этого нет в чужих краях...»

6. Это малоизученное крепостное право

Несмотря на исполинский объем трудов историков-аграрников, о реальном крепостном укладе мы знаем достаточно мало. В этом убеждает простой факт. На момент воцарения Павла I доля крепостных в населении страны составляла 54 % (данные 5-й «ревизии» 1796 г.), а ко времени отмены крепостного права, т. е. всего шесть с половиной десятилетий

¹ Франклэнд, описавший свое путешествие в Россию (*Colville Frankland. Narrative of visit to the courts of Russia and Sweden, in the years 1830 and 1831. — London, 1832*), достаточно схожим образом излагает свою беседу с Пушкиным на темы, связанные с русским крестьянством. Таким образом, подозревать Пушкина в том, что он выдумал англичанина и разговоры с ним, невозможно.

спустя, она опустилась до 29 % и ниже¹. Такое падение их доли в населении говорит о том, что миллионы (!) крестьян вышли за это время из крепостной зависимости. Каким образом они выходили («увольнялись в иные сословия») и кто были эти люди? Оттянувшие солдатскую лямку и вышедшие в отставку? Но таких за 150 лет набралось всего 2 млн 330 тыс., в среднем по 15 тыс. человек за год. Освободившиеся по закону о «вольных хлебопашцах»? Это всего 1,5 % от числа крепостных². Выкупившиеся у своих помещиков? Нам внушали, что такие случаи были крайне редки, но так ли это? Прадед Чехова по материнской линии, Герасим Морозов, выкупился с семьей из «крепости» в 1817 г., а дед по отцовской, Егор Чехов, опять-таки с семьей (за 875 руб.), — в 1841 г. Предок по одной линии может быть исключением, но предки по обеим линиям — уже тенденция.

А может быть существовали еще более действенные механизмы естественного изживания крепостничества? Какие? Есть ли, например, статистика по вольноотпущенным? Мне ее, к сожалению, найти не удалось. А вопрос интересный: пополнение мещанского сословия за счет вольноотпущенных шло постоянно.

Естественное изживание крепостничества, социальный процесс величайшей важности, обходили вниманием как до-революционные либеральные историки обличительного направления (а других почти и не было), так и идеологически стреноженные советские. Историки этих двух типов выискивали малейшие упоминания о произволе крепостников, сознательно пропуская остальное. Нельзя сказать, что феномен сокращения доли помещичьих крестьян оставлен сов-

¹ Согласно 10-й ревизии 1857 г., доля помещичьих и дворовых крепостных составляла в сумме 29 % населения страны (В. И. Семевский. Крестьяне различных наименований в XVIII и первой половине XIX в. Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 25. — М., б. г. [1914], 2-я паг., стб. 58). Динамика снижения этой доли за 60 лет позволяет предположить, что к 1861 г. она уменьшилась до 28 %, если не стала еще ниже.

² Энциклопедия «Отечественная история». — М., 2000. Т 3. С. 140 и 137.

сем без внимания, просто непонятные цифры списывались главным образом на падение рождаемости среди крепостных и их более высокую смертность по причине невыносимого помещичьего гнета. Но на примере отдельных уездов и целых губерний видно, что различия в рождаемости и смертности невелики, порой взаимно уравниваются, так что доказательный баланс, выражаясь бухгалтерским языком, свести невозможно. Нельзя доказать недоказуемое.

Советские учебники всегда были написаны так, чтобы создавалось впечатление: крепостные крестьяне составляли 90 % (или больше) населения в такой крестьянской стране, как Россия, хотя прямо это, естественно, не утверждалось. Из учебников нельзя было понять, что почти половину российского крестьянства составляли «государственные» крестьяне. Наделы им предоставляло государство, они платили подушную подать, но на них не висели никакие ссуды и проценты.

Советская наука утверждала, что это были «почти крепостные», что неверно. Они неспроста именовались «свободными сельскими обывателями», мы видим у них формы земельной собственности. И не только. Еще в 1762 г. (22 января) Сенат принял решение, согласно которому государственные крестьяне, подобно дворянам, имеют право нанимать вместо себя рекрута. Это было признанием (далеко не единственным) превосходства социального статуса государственных крестьян по сравнению с помещичьими крепостными. Александра Ефименко (1848—1918), изучавшая государственных и удельных крестьян Севера, отмечала: несмотря на то что обрабатываемые этими крестьянами земли считались — и были — государственными, *«каждый получивший „по делу“ свой участок мог свободно его продать, заложить, дать в приданое, отдать в церковь или монастырь»*¹.

Но вернемся к крепостному праву как таковому. Оно умело амортизировать недовольство, поскольку в своем типовом виде было патриархальным и мягким по своим формам. Вся-

¹ А. Я. Ефименко. Крестьянское землевладение на Крайнем Севере. — Архангельск, 1913. С. 195.

кая за длительное время сложившаяся социальная конструкция так или иначе внутренне уравновешенна. Крестьяне и помещики *«были включены в сакральное единство исповедующих одну религию»* (А. А. Грякалов). Крестьяне враждующих помещиков, как показано у Пушкина в «Дубровском», тоже начинают враждовать, не испытывая особой классовой солидарности.

Вероятно, большинство крестьян не ставили под сомнение заведенный порядок — с помещиком, церковью, «миром», соседним лесом и рекой, сменой времен года и звездами на небе. Они жили так, как их отцы и деды.

Петр Дмитриевич Боборыкин (1836—1921) в своих мемуарах *«За полвека»* пишет: *«Крепостное право было в полном разгаре на всем протяжении моих детских и юношеских лет... Дикостей крепостного произвола над крестьянами — за целых десять и более лет — я положительно не видал — и не хочу ничего приукрашивать в угоду известной тенденции»*. «Приукрасить» — означало бы, в случае Боборыкина, сочинить как минимум сцену с телесным наказанием какого-нибудь непокорного крепостного.

Крепостное село жило в целом мирно. Поместье — не город, где легко и просто вызвать полицию. Вызов полиции (исправника с инвалидной командой) в сельскую местность — дело, во-первых, исключительное, а во-вторых, долгое. Но помещики слишком своенравные и жестокие, самодуры, сластолюбцы, всегда опасались за свою жизнь. И опасались не зря. К примеру, в 1839 г. крестьянами был убит отец Достоевского, отставной врач, человек вздорный и чрезмерно вспыльчивый. Та же участь постигла в 1828 г. отца будущего историка Николая Костомарова. Крестьяне убивали помещиков не из «социального протеста», как нас уверяли в советской школе, а за отступление от неписаных, но для всех очевидных нравственных законов, причем главных поводов всегда было два: жестокое самодурство и любострастие. За полтора десятилетия (1836—1851) в России произошло 139 убийств помещиков и управляющих, примерно 9 убийств в год на огромную страну. Если к убийс-

твам добавить покушения на убийство и нанесенные ранения, то за 20 лет, между 1836 и 1855 гг., эта цифра возрастает до 267, или до 13 в год¹.

У русских поместий не было даже заборов — не говоря уже о рвах, подъемных мостах, каменных стенах с бойницами и прочих реалиях европейского феодализма. К слову, в эти западные реалии входило и позорно знаменитое «право первой ночи»². Ничего похожего на это «право» Русь — Россия не знала — это была вещь невозможная, неведомая, богопротивная, незаконная. В странах же европейского феодализма, где постыдный и унижительный обряд веками был освящен законом и обычаем, он воспринимался не как грех, а как постоянно обновляемое свидетельство покорности (или, как это выразительно звучит по-польски, «подлеглости»).

И русские помещики грешили с дворовыми девушками — читайте Лескова. Но именно грешили, понимая, что грешат, а не действуют по праву и закону. На пути греха всегда стоит страх кары небесной или кары земной. Помещичья жизнь едва ли была бы возможна, если бы подавляющее большинство господ не придерживались неписаных, но очевидных нравственных законов.

Могли ли существовать «помещичьи гаремы», о которых пишет наш славный лондонский обличитель А. И. Герцен? Не будем слишком легковверны, поразмыслим лучше над следующим примером. В 1846 г. помещик Малоярославецкого уезда Калужской губернии Хитрово был убит своими крестьянками, причем следствие установило, что женщины сделали это в ответ на его домогательства. Но вот что важно, цитирую: *«Уездный предводитель дворянства за недонесение о дурном поведении упомянутого помещика предан*

¹ Хрестоматия по истории СССР. Т. 2. Сост. С. С. Дмитриев и М. В. Нечкина. — М., 1949. С. 646—647.

² Pierre Gordon, Renee Spodheim. Sex and religion. — New York, 1949; Pierre Gordon. Le geant Gargantua. — Paris, 1998.

суду»¹. То есть за добрый нрав помещиков отвечали их собратья по сословию. Попустительствуя греху, уездный предводитель рисковал честью и даже свободой. Возможно ли в таких условиях завести «гарем»? В селе, где ничего не скроешь?

Задиристый Герцен вообще многое выдумывал, он лично сочинил часть «писем из России», отпечаток его неповторимого стиля очевиден на нескольких из них. Тема «гаремов» возбуждала его еще и потому, что сам он был большой сластолюбец, имел романы не только с женами друзей, но и с горничной, о чем честно сообщает в «Былом и думах». Талантливый журналист, блестящий писатель и самонадеянный доктринер, Александр Иванович таким способом «заострял тему». Он действовал из лучших побуждений, полагая, что любые средства хороши, лишь бы приблизить избавление Отчизны от такого зла, как дворянское землевладение. Правда, сам был дворянин и помещик и жил в Лондоне на доходы со своего российского поместья, то есть со своих крепостных. Своим «Колоколом» он бесил правительство и самого Александра II, но доходы с имения получал из России через международный банк без заминок.

7. На пути к освобождению

Неписанные законы, соблюдавшиеся помещиками (не всегда соблюдавшими писанные), включали и «пункт» о том, что крестьянам нельзя слишком досаждать — даже с разумными требованиями. Проницательный барон Гакстгаузен, «первооткрыватель» русской общины (о нем в следующей главе), объехав в 1843 г. несколько губерний и побеседовав со многими помещиками, записывает: *«Достаточно помещику распорядиться вспахать землю на дюйм глубже, чтобы услышать крестьянский ропот: "Он дурной хозяин, он нас му-*

¹ Е. А. Мороховец. Крестьянское движение. 1827—1869. Вып. 1 — М., 1931.

чает". И горе ему, если он живет в этой деревне!» Известно, что множество помещиков не только не жили в деревне, но даже не имели там дома, куда можно было хоть ненадолго приехать. Причины были самые разные, и не последней среди них была та, что они сплошь и рядом попросту побаивались крестьян. С приказчиками и старостами такие помещики общались главным образом по переписке.

Антикрепостническая агитация стала проникать в крестьянскую среду задолго до появления народников. *«Среди крестьян встречаешь путешественников, которые говорят им о их положении; сельские священники также им его разъясняют. Доктрины многих сектантов заставляют их почувствовать свое положение, и убежища этих самых сектантов (скиты раскольнические) могут быть рассматриваемы в этом отношении как якобинские клубы. Кроме того, шатающиеся по кабакам мелкие чиновники, в особенности выгнанные за дурное поведение, распространяют пагубные идеи среди крепостных, главари и подстрекатели коих находятся среди барской челяди. Среди крестьян циркулирует несколько пророчеств и предсказаний: они ждут своего освободителя... и дали ему имя Метелкина. Они говорят между собой: «Пугачев попугал господ, а Метелкин пометет их»»* (из отчета III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 1827 г. Цит. по: Мороховец Е. А. Крестьянское движение. 1827—1869. Вып. 1 — М. 1931).

Б. Н. Миронов предложил довольно убедительное объяснение низкой эффективности крепостного труда. Он считает, что крепостной крестьянин работал до удовлетворения своих небольших исконных потребностей — и не далее. *«Он видел цель жизни не в богатстве и не в славе, а в спасении души, в простом следовании традиции, в воспроизводстве сложившихся форм жизни. Он не предпринимал попыток наращивания хозяйства, как это обычно делает буржуа, стремясь к максимальной прибыли»*. Для наследников Святой Руси это очень естественное поведение.

Еще слабее была у крепостного мотивация надрываться на барщине. Известный публицист и общественный де-

ятель, автор двух самых радикальных для своего времени записок на высочайшее имя «по уничтожению крепостного состояния в России», А. И. Кошелев, сам крупный помещик, владевший десятками тысяч десятин земли, описывал работу крестьянина на барщине так: *«Придет крестьянин сколь возможно позже, осматривается и оглядывается сколь возможно чаще и дольше, а работает сколь возможно меньше — ему не дело делать, а день убить»*¹. Б. Н. Мионов констатирует, что подобные описания барщинной работы встречаются в источниках многократно, и не только в XIX, но и в XVIII веке.

Поражают невысокие цифры трудозатрат крепостных крестьян. Общая продолжительность труда взрослых барщинных (не оброчных) крестьян составляла в первой половине XIX в. около 1350 час. в год, из них половина на барщине². Оброчные крестьяне трудились, вероятно, еще меньше (помните, у Пушкина: *«Ярем он барщины старинной оброком легким заменил...»*). Даже современный служащий, и тот проводит на работе свыше 1800 час. в год. А уж о сравнении с трудом американских рабов на плантациях нечего и говорить — те трудились, как установили американские историки из Гарвардского университета Р. Рэнсом и Р. Сатч (их цитирует Б. Н. Мионов), от 3055 до 3965 час. в год.

Разбогатец, крестьянин редко демонстрировал свое богатство. Крепостной стихотворец наставлял:

Не строй порядочного дому,
Не шей хорошие одежды,
Живи как можно по-простому,
Как все у нас живут невежды³.

Крепостное право стало исторической западней, найти выход из которой оказалось исключительно трудно. Освободить крестьян без земли было страшно, еще страшнее — ос-

¹ Русское общество 40 — 50-х годов XIX в. Сост. Н. И. Цимбаев. В 2 ч. Ч. 1. Записки А. И. Кошелева. — М., 1991.

² Б. Н. Мионов. Указ. соч. Т. 1. С. 400.

³ Вести о России. Повесть в стихах крепостного крестьянина. 1830—1840. — Ярославль, 1961.

вободить с землей, это стало бы необратимым подрывом дворянской опоры трона. Авторы реформы 1861 г. готовили ее с оглядкой, как уже было сказано, на аналогичные реформы в Пруссии, Вестфалии, Мекленбурге, Бранденбурге, Померании, Силезии и Ганновере. Там реформа проводилась откровенно в пользу помещиков и имела конечной целью создание крупных латифундий. Но было сделано доброе дело и для вчерашних крепостных: в 1821 г. в ряде германских государств был проведен принудительный раздел общинного имущества, что сразу сдвинуло капиталистические отношения с мертвой точки. Благоразумно отвергнув немецкий и австрийский опыт, авторы реформы 1861 г. выплеснули с водой ребенка: они навязали общинные формы собственности даже там, где их не было.

Знаменитый публицист Михаил Меньшиков писал в 1909 г. в газете «Новое время»: *«О крепостном праве не было двух мнений сто лет назад [т. е. в 1809 г.]: почти всем, за ничтожными исключениями, крепостной быт казался естественным и единственно возможным. О крепостном праве не было двух мнений и пятьдесят лет назад [т. е. в 1859 г.]: почти всем, за немногими исключениями, крепостной быт казался противоестественным и невозможным»* (очерк «В деревне»¹). Другими словами, Россия нравственно созрела за поразительно краткий срок, за пять десятилетий XIX в. (меньше одной человеческой жизни), время Пушкина и Гоголя, и уже с момента смерти Николая I неизбежность Великой реформы ощущалась почти всеми. Но и с этого момента путь к ней занял шесть лет и один день. Опять: и один день!

В истории не раз бывало, что уничтожались абсолютно жизнеспособные институты, и травмы от таких событий могут напоминать о себе веками. Совершенно иное дело — уничтожение отжившего, особенно с ощутимым запозданием. *«Как всякий устаревший институт, крепостное право, раз уничтоженное, сразу стало казаться чем-то далеким, отошедшим вглубь истории, —* вспоминал народоволец Сергей Ястрем-

¹ М. О. Меньшиков. Выше свободы. — М., 1998. С. 142.

ский. — *Мне было странно читать Гоголя и Тургенева [в конце 1860-х!], где изображался крепостной быт: мне казалось все это дикой и далекой стариной».*

Какие-либо осязаемые шрамы крепостничества в русском, украинском, белорусском народном характере (равно как и в грузинском, латышском, румынском, польском, немецком и т. д.) доказательно не выявлены, хотя в бездоказательных утверждениях недостатка нет.

Глава шестая

Народ-коллективист?

1. Закат исторической общины

Перед нами загадка: теоретические рассуждения о всепроникающей русской общинной психологии, с одной стороны, и ее полная неуловимость в жизни — с другой. На почвеннических сайтах встречаешь такие слова: *«У русского народа особый менталитет, отмеченный отрицательным отношением к накопительству и стремлением к общинности... Общинное родовое (!) сознание нашего народа воспитано отсутствием частной собственности на землю. Русская община — ценнейшее национальное достояние, единственный в своем роде образец народного бытия...»* Общинность, соборность, коллективизм — эта триада стала священной коровой левых партий. Она, внушают нам, есть родовой признак нашей национальной души, русский способ жизни.

Авторы подобных взглядов особо налегают на общинное отношение к собственности: *«О том же [о русском неприятии собственности] свидетельствуют сохраняющаяся для русских людей привлекательность идеи самоуправляемой общины, давние традиции трудовой демократии, прежде всего в ее артельно-кооперативных формах, соборность, возрождение православной церкви, социальная концепция которой*

основана на идеях нестяжательства (в отличие, например, от протестантизма), сотрудничества, солидарности людей и др.» («Москва», № 6, 2004).

Красные и розовые публицисты часто оперируют словом «община» как народным. На самом деле это ученое слово одним из первых ввел Константин Аксаков (1817—1860). Провозгласив, что «вся Русская земля есть одна большая община», он почему-то воспользовался не привычным русскому народу словом «мір», а термином из переводных сочинений по европейской истории. Община, по Аксакову, это «нравственный союз людей», «братство», «торжество духа человеческого».

Допустим. Но почему же в таком случае русские мыслители до Аксакова и Герцена не замечали «общину» прямо у себя под боком (многие были из помещиков либо просто любили проводить лето в деревне)? «Мір» упоминает Радищев — но не в «Путешествии из Петербурга в Москву», а в набросках географического характера (Полное собрание сочинений. В 3 т. — М.—Л., 1952. Т. 3. С. 130—131). Русская общественная мысль до Белинского включительно если и замечала общину, то не придавала ей никакого значения. Несмотря на то, что это якобы высшее проявление русского духа. Мог ли мимо него, высшего, пройти Пушкин? Он знал о сельском «міре» не понаслышке, но упоминает его всего дважды: *«Подушная платится міром; барщина определена законом»* («Мысли на дороге»); *«Образ правления в Горюхине несколько раз изменялся. Оно попеременно находилось под власть старшин, выбранных міром»* («История села Горюхина»). Пушкин явно не увидел в этом явлении ничего, чем стоило бы восторгаться.

Самые непохожие авторы — от Герцена до Победоносцева — объявляли общину середины XIX в. коренным гражданским институтом, прямым продолжением древней русской общины. «Государственники» же — от Бориса Чичерина до Милюкова — утверждали, что истинная община в России давным-давно отмерла, а новая искусственно вызвана к жизни потребностями казны. И были правы.

Общинные отношения присущи всем народам; общины возникали ради взаимовыручки перед лицом сил природы, для решения общих задач и отстаивания своих прав. *«До самого образования Московского государства общины везде призывают, выбирают и меняют князей; где обстоятельства хоть сколько-нибудь благоприятствовали, там общины тотчас же приобретали политическую самостоятельность. Весь север и весь юг России были покрыты такими самостоятельными общинами. Только с усилением Московского государства общины понемногу перестают играть политическую роль... В начале XVII в., в Смутную эпоху, общины вновь обнаружили несомненные признаки жизни»*¹.

Еще какие признаки! Земские ополчения, спасшие Россию в Смуту, опирались на волости и «міры», то есть на общины, на демократическую народную инициативу. В истории человечества немного таких примеров спасения государства «снизу».

Но уже вскоре после Смуты власть начинает встраивать общины собственников в свою «вертикаль». При малочисленности бюрократии функционирование расширяющегося государства можно было наладить только с опорой на низовое самоуправление. Для простого же человека община постепенно становилась органом тягостного социального контроля и удержания на месте. И поразительно много было тех, кто не смирялся с утратой старинных прав, самочинные уходы носили массовый характер.

С ростом абсолютизма, распространением крепостных отношений и утерей политической роли общин-волостей (посадов, слобод, «погостов», станов, пятин, концов, земель) старинная община почти исчезает из русских правовых актов. Бюрократическая революция Петра I нанесла общине новый удар — не смертельный, но калечащий. Историк В. А. Александров, подробно рассмотрев эволюцию «міра» в вотчинах крупных землевладельцев Щербатовых, пришел к исключи-

¹ К. Д. Кавелин. О книге Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке». В кн.: Собрание сочинений К. Д. Кавелина. Т. 1. Рассуждения, критические статьи и заметки. — СПб., 1897.

тельной важности выводу: *«На протяжении столетия [XVIII] мірская организация, контролировавшая представителей феодальной власти, потеряла свои права и стала придатком вотчинного управления»*¹.

Так завершился земной путь исторической русской общины. Ее сменила община-придаток с ее уравнительными пределами. Конечно, в «укрошенной» общине осталось немало хорошего — но и в коммунальных квартирах, как уверяют, хорошего было тоже немало. Это все радости «от противного». Некоторые эпизоды общинной жизни, приводимые В. А. Александровым, заставляют вспомнить советские времена. В приказной избе суздальского села Лежнева крестьянин Петр Маракушев при бурмистре, выборных, сотском и земском начал вести «опасные разговоры» (на дворе стоял 1762 г. — год манифеста о вольностях дворянства, запрета пыток, уничтожения Тайной канцелярии, свержения и убийства Петра III). «Мірская» власть зафиксировала этот факт в «Книге записной» и *«этой записью предупредила П. Маракушева о предосудительности его поведения»*². Партком, да и только.

Ушедшая в глухую оборону, оуклившаяся, охранительная, община решала свои внутренние дела, руководствуясь обычаем, а ее самоуправление было поставлено на службу власти. По указу Екатерины II от 19 мая 1769 г. ответственность за подати ложилась не на каждую «душу» в отдельности, а на «мірского» старосту, избираемого этими душами. Ясно, что старосты делали все, чтобы каждый крестьянин мог сам, не полагаясь на круговую поруку, исправно платить подать, а для этого он должен был располагать достаточными «средствами производства». Отсюда и забота о равном обеспечении земель. Практика земельных «поравнений» была легитимирована законом 1797 г. и подтверждена указами 1798 и 1800 гг.

Руководство общины энергично использовало «административный ресурс» для личного обогащения. В июне 1810 г.

¹ В. А. Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). — М., 1976. С. 103.

² Там же. С. 134.

выборный управляющий ярославского села Никольского Григорий Власов получил от хозяйки имения Анны Алексеевны Орловой письмо, в котором та просила выплатить ей в счет будущего оброка почти 38 тыс. рублей. «Мирская» касса была пуста, но *«Власов по просьбе собравшегося мирского общества ссудил эти деньги»*¹. Страшную сумму! А ведь он был просто крестьянин, пять лет назад выбранный на должность.

2. Граф Киселев насаждает свою общину

Решающая заслуга в утверждении «новой» общины принадлежала министру государственных имуществ графу (и генералу) Павлу Дмитриевичу Киселеву. В 1838 г. он начал внедрять в жизнь свое «Положение об устройстве быта государственных крестьян». Уже первые слухи о затеях власти сильно встревожили тех, чей быт желал «устроить» Киселев. Как пишет историк русского частного права В. В. Леонтович, под влиянием этих слухов *«зажиточное крестьянство стало переходить в городское состояние»*. Пуще всего люди боялись *«введения общественной запашки»* (т. е. объединения всех участков в единое поле). Леонтович добавляет: *«Это явно противоречит предвзятому мнению, что „великороссам присуще врожденное стремление к коллективизму“»*².

Новшества Киселева, направленные на тотальную «общинизацию» деревни, можно рассматривать как первое, хоть и разбавленное, издание колхозов. Эти новшества встретили повсеместное сопротивление, а в Приуралье, Поволжье, губерниях Севера и на Тамбовщине вызвали настоящие бунты с участием полумиллиона крестьян, желавших управляться на своей земле без общинного диктата.

А тут как раз (в 1843 г.) изучать жизнь русских крестьян приехал ученый немец барон Франц Август фон Гакстгаузен-Аббенбург. После выхода в Германии в 1847 г. двухтомного

¹ В. А. Александров. Указ. соч. С. 150.

² В. В. Леонтович. История либерализма в России. — М., 1995. С. 159.

труда Гакстгаузена о России община сразу оказалась в центре внимания русских протосоциалистов и славянофилов, поголовно владевших немецким языком.

Будущие народники увидели в «поравнениях» настоящее царство справедливости. Равенство общинников требовало постоянной коррекции — в одной семье работников и (или) едоков становилось больше, в другой меньше. Восстановление равенства требовало увеличения или уменьшения семейных наделов, что периодически и производилось. Такое было возможно лишь при общности полей, когда семья не владеет своим участком земли: он просто закреплен за ней до следующего передела.

Герцен усмотрел в такой общине экономические формы, близкие к требованиям европейских социальных реформаторов. Он стал также уверять, что община смягчает тяготы крепостного состояния: *«Треть крестьянства принадлежит дворянам. Однако это положение, несмотря на наглый произвол дворян-помещиков, не оказывает большого влияния на общину... Если уж земля принадлежит общине, то она полностью остается в ее ведении, на тех же основаниях, что и свободная земля; помещик никогда не вмешивался в ее дела... Предоставляя человеку его долю земли, она избавляет его от всяких забот»*¹.

Энгельс, русских не жаловавший, ядовито заметил, что Герцен, сам русский помещик, впервые от Гакстгаузена узнал, что его крестьяне владеют землей сообща, а узнав, поспешил изобразить их истинными носителями социализма.

(Герцен был посмертно отмщен. Описанный Гакстгаузенем строй русской общины был перенесен немецкими учеными на отношения германской древности, и это перенесение дало пищу «общинной теории» Георга Людвига фон Маурера. В теорию, не распознав ее корней, свято уверовали верхогляды Маркс и Энгельс, не раз после этого повторившие, что современная русская община «абсолютно, до мель-

¹ А. И. Герцен. Россия // Собрание сочинений. В 30 т. Т. VI. — М., 1955. С. 201.

чайших деталей» тождественна первобытной германской¹. Таким образом, граф Киселев задним числом осчастливил своим административным творчеством еще и древних германцев.)

Упорство государственной машины сделало свое дело: в течение двух десятилетий новые правила «устройства быта» государственных крестьян были внедрены. И тогда творцы крестьянской реформы 1861 г. решили: пусть до полного выкупа земли киселевская организация сельской жизни станет обязательной для всех.

Пореформенная община не была тем, что воспевают наши публицисты из бывших доцентов научного коммунизма (от латинского *commune* — община). Они страстно хотят доказать склонность России к идеалу, дававшему имя их бывлой специальности, и создать этим себе ретроспективное алиби. За что-то наше, исконное они выдают (или принимают) поздний, навязанный, в кабинетах сочиненный институт. Достаточно прочесть раздел «Об устройстве сельских обществ и волостей и общественного их управления» из Общего положения о крестьянах 1861 г., этого подробнейшего, до мелочей расписанного плана общинной жизни², чтобы все сомнения отпали. Бюрократический генезис общины был в тот момент очевиден всем, но как-то удивительно быстро забыт. Хотя скажем и то, что Положение усилило роль такого демократического института, как сход, и когда, начиная с 1906 г., в России стали происходить демократические выборы, крестьянам не надо было объяснять, что это такое³. Сход выбирал волостного старшину, который с этого момента начинал получать жалование от казны, сельские старосты были у него в подчинении.

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XXIV. — [М.], 1931. С. 126—127.

² См.: Российское законодательство X—XX веков. В 9 т. Т. 7. М., 1989. С. 45—70.

³ Впрочем, и их предкам, включая далеких, также не надо было объяснять, что это такое. Для Руси — России всегда было характерно обилие выборных должностей (подробнее см.: В. Н. и А. В. Белоновские. Представительство и выборы в России с древнейших времен. — М., 1999).

Руководство «обществами» обычно захватывал особый тип людей, хорошо известный затем по колхозным временам. Их все очень устраивало. И государственную власть тоже все очень устраивало, причем в 1889 г. описанная конструкция была дополнительно увенчана назначаемым сверху земским участковым начальником. Все это выстраивалось ради соблюдения круговой поруки «общества», т. е. гарантий выкупных платежей за землю, податей, сборов и повинностей, взыскания недоимок.

Двухлетние наблюдения сельской жизни в таких разных губерниях, как Новгородская и Самарская, дали основание проницательному Глебу Успенскому констатировать *«почти полное **отсутствие нравственной связи** [выделено Успенским] между членами деревенской общины»* и тот факт, что *«взаимная рознь членов деревенского общества достигла почти опасных размеров»* (очерки «Из деревенского дневника», 1880). Вопреки прекраснодушным теориям народников, Успенский доказательно характеризует пореформенную общину как «канцелярскую», настаивая, что у нее «нет будущности» (очерки «Без определенных занятий», 1881).

3. Исчезновение общинного духа

Русские социалисты и славянофилы посвятили общине много красивых слов. Славянофил Юрий Самарин (кстати, один из авторов Положения 1861 г.) настаивал: *«Общинное начало составляет основу, грунт всей русской истории, прошедшей, настоящей и будущей; семена и корни всего великого, возносящегося на поверхности, глубоко зарыты в его плодотворной глубине»*.

Как же доверчивы были те студенты, для которых пафосного вздора о врожденном социализме русского крестьянина оказалось достаточно, чтобы отправиться «в народ», а потом и в бомбисты!

Поклонники общины расскажут, что она вовсе не отвергала технические и агрономические новшества, что на общин-

ное землепользование добровольно переходили и поволжские немцы, и однодворцы лесостепья, прежде общины не знавшие, вспомнят положительные пословицы и поговорки про «мир» (утаивая отрицательные, вроде такой: «Где *опчина*, там всему кончина»), приведут примеры, как «общество» защищало своих, заботилось, выручало. Расскажут про самоуправление, собственный суд. И все это будет правдой. Точно так же, как будут правдой проникновенные слова про колхозы — таких слов тоже при желании можно набрать много томов. Но это будет не всей правдой.

«Для сильных, предприимчивых, способных, даровитых людей общинное владение слишком тесно и узко, — писал вскоре после реформы 1861 г. К. Д. Кавелин, — но для слабых, посредственных, непредприимчивых, довольствующихся немногим и для неудачников... [это] якорь спасения». Вторые боялись остаться вне общины и, будучи в большинстве, успешно препятствовали выходу из общины первых.

«Мир» запрещал работать в церковные праздники, нарушителей штрафовали, разбивали орудия труда, могли поколотить. Нельзя было по своему усмотрению решить: буду сеять (к примеру) ячмень вместо ржи — на своих полосах! Нельзя было начать сев, покос и жатву раньше других. Без письменного разрешения «общества» нельзя было прикупить земли, поступить в учебное заведение, изменить место жительства, перейти в другое сословие, получить паспорт чтобы заняться отхожим промыслом. Осуждались новшества в устройстве и внешнем виде дома, в одежде. Если дата рождения ребенка говорила о том, что он был зачат во время поста (особенно во время Великого поста), родителей могли подвергнуть самому суровому бойкоту. Строгой была «цензура нравов». По наблюдениям Глеба Успенского, взаимное недоверие и противостояние слабых членов «общества» состоятельным часто не позволяло *«осуществиться выгодному для всех делу»*.

Все хорошее, что можно сказать про общину, не отменяет того факта, что, оказавшись встроенной во «властную вертикаль», она начала медленно, но необратимо вырождаться. История пореформенной общины — это история обречен-

ности ее попыток сопротивляться времени, хотя некоторые современные историки и пытаются нас уверить, будто «*в России роль крестьянской общины вплоть до конца XIX в. постепенно возрастала*»¹. Это примерно то же, как если бы нас стали уверять в непрерывно возрастающей, вплоть до конца советской власти, роли «социалистического соревнования» в народном хозяйстве страны.

С началом столыпинских реформ индивидуализация крестьянского хозяйства пошла безостановочно. Указ от 9 ноября 1906 г. наконец узаконил выход из общины без ее на то согласия. На 31 декабря 1915 г. к землеустроительным комиссиям обратилось с ходатайством о землеустройстве на своей земле 6,17 млн дворов, т. е. 45 % общего числа крестьянских дворов Европейской России. За исторически кратчайший срок! Это оценка, которую русский крестьянин, якобы «чуждый собственничеству», выставил общине.

На начало Первой мировой войны общая площадь земли в частной собственности крестьян-единоличников только в Европейской России, без прибалтийских губерний, достигла 16,6 млн десятин (18,1 млн га) земли. Этот крестьянский надел еще не успел сравняться с общинным (17,06 млн десятин)², но соотношение вот-вот должно было смениться на обратное. В отличие от красных народолюбцев наших дней, тогдашние крестьяне-собственники не считали, что покупка земли и владение ею — страшное зло. Наоборот, покупка земли была их самой большой мечтой. Из общины уходили преимущественно сильные крестьяне, озлобляя против себя тех, кто оставался.

В годы смуты, последовавшей за февральским и большевистским переворотами, от буйства воспрявшей общины сильно пострадали не только помещичьи гнезда, но и хозяйства успевших отделиться от нее крестьян. Уравнительные механизмы общины сгодились при дележе помещичьей земли и усадебного имущества. Кроме того, в центральных губер-

¹ С. В. Лурье. Как погибала русская община. В сб.: «Крестьянство и индустриальная цивилизация». — М., 1993.

² Энциклопедия «Отечественная история». — М., 2000. Т 3. С. 126.

ниях общинники увлекались безвозбранной порубкой лесов, в малороссийских — разграблением винокуренных заводов. В случае же возврата помещиков и старых порядков, рассуждали крестьяне, «мир не засудишь, виноватых не сыщут».

Общинная солидарность сыграла свою роль в годы Гражданской войны 1918—1921 гг., которую можно трактовать и как крестьянскую революцию. Эта революция уничтожила помещичье земледелие, уничтожила лучшие единоличные хозяйства, но не осуществила и не могла осуществить свою главную мечту: освободиться от «большого помещика» — государства. Большевицкое государство не замедлило явиться с реквизициями, спровоцировав множество крестьянских восстаний. Количество только сибирских повстанцев превысило 200 тыс. человек. В тамбовском («антоновском») восстании участвовало около 60 тыс. крестьян.

Тем не менее главным победителем в Гражданской войне стало, хоть и ненадолго, общинное крестьянство. По советскому Земельному кодексу декабря 1922 г. почти все сельскохозяйственные земли переходили в трудовое уравнительное пользование крестьян с предоставлением свободы выбора его форм — общинного, хуторского или коллективного. В руках общин оказалось значительно больше земли, чем до революции. Но радость была недолгой — потеряв фискальную привязку к власти, «киселевская» община стала рассыпаться, словно утратив повод к существованию. Кое-где общины стали кооперативами и товариществами по совместной обработке земли, но это был закат.

Заключительный всплеск общинной солидарности отмечен в 1930 г. Речь идет о сопротивлении крестьян коллективизации. Наиболее сильным был крестьянский отпор в Центральном Черноземье, на Украине и в Южной России, куда были даже брошены части Красной армии. Только в январе и феврале 1930 г. произошло свыше сорока настоящих восстаний. *«Программа восстаний была удивительно похожа на выдвигавшуюся в 1918—1921 гг.: возврат реквизированного имущества; роспуск комсомола, который крестьяне единодушно считали организацией шпионов и провокаторов; ува-*

жение религиозных чувств и обычаев; свободные выборы сельских Советов; прекращение реквизиций; свобода торговли. Повсюду звучало четкое “нет” возврату крепостного права, как во многом справедливо воспринимало коллективизацию крестьянство»¹.

Но, как мы знаем, большевики победили крестьян, и в ходе коллективизации община исчезла — окончательно и бесследно. И эта бесследность позволяет утверждать, что в действительности русская община закончила свой исторический путь задолго до великой крестьянской трагедии 1929—1932 гг. Ее искусственная жизнь продлялась то властью, то исключительными обстоятельствами, то тем и другим вместе. В XX в. она окончательно перестала быть органическим русским институтом. Это видно из того, что другие институты, уничтоженные советской властью, возрождаются с закатом этой власти. Никаких признаков второго (вернее, третьего) пришествия общины не видно, так что все разговоры о нашей «вековечной общинности» — пустой вздор.

Полное забвение общины — очень существенная часть эволюции русского этноса. А ведь община — это гражданское общество в своем идеальном первообразе, то самое гражданское общество, о котором у нас не вздыхает только ленивый. Но чего нет, того нет, и из этого надо исходить, нравится нам это или не очень.

Что же до «соборности», ее мы обсуждать не будем, поскольку никому не известно, что это такое.

¹ Аграрная Россия: история, проблемы, перспективы. — Пенза, 2007. С. 267.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

СВОИМИ ПУТЯМИ

Глава седьмая

Где было вольготнее

1. Качество жизни и демографическая статистика

По каким критериям оценивать «качество жизни» наших предков? Способны ли (и вправе ли) мы вообще выносить какие-то суждения о былых веках? Ведь нам трудно даже мысленно принять быт без электричества, телефона и самолетов. А ведь был куда более суровый фактор. В какую бы страну и эпоху ни перенесла нас машина времени, современный человек везде чувствовал бы себя как в аду из-за тяжелого социального контроля. Как же в таком случае нам понять радости простолюдина архаичного общества? А ведь они несомненны, эти радости. По словам географа Николая Леопольдовича Корженевского, архаичный Афганистан, каким он его застал в 1911 г., был страной неправдоподобно бедной и полностью счастливой. Счастье человека не в богатстве. Среди богатых больше самоубийств: от пресыщения ли, от особой ли «скуки богатых» — здесь не место разбирать. Человек счастлив, когда его жизнь осмысленна: тогда он не ведает зависти, главной отравительницы счастья. Мы забываем, насколько осмысленной была патриархальная сельская жизнь. Начало конца этой осмысленности кладет разделение труда.

В наши дни качество жизни стран и регионов социологи вычисляют, оценивая такие показатели, как доступность образования, стоимость медицинского обслуживания, уровень преступности, обеспеченность транспортом, чистота питьевой воды, разнообразие сервиса, социальная защищенность людей, комфортность климата и ряд других. Для прошлых времен критерии будут поневоле проще: страдал ли человек от холода зимой, часто ли болел, досыта ли ел, каков был уровень его гигиены, много ли имел досуга и чем заполнял, какие радости жизни были ему доступны и существовало ли спасение в случаях невыносимости бытия.

Объективнее всего судить о качестве жизни народа на протяжении длительных отрезков исторического времени — не высших слоев, а именно народа — позволяет демографическая статистика. Поскольку речь идет о временах, когда во всех без исключения странах подавляющее большинство населения составляли крестьяне, женщины рожали столько детей, сколько Бог пошлет, а ограничителями роста были (помимо голода, эпидемий и войн) младенческая смертность, непосильный труд, пьянство, неразвитая гигиена, стрессы, общая тяжесть жизни, эта цифра говорит о многом. Дожившие до работоспособного возраста дети были единственным видом социальной защиты родителей и младших членов семьи. Чем благополучнее была жизнь в той или иной стране, тем больше детей в ней доживали до брачного возраста и тем выше был прирост населения. Если сегодня быстрый рост населения отличает самые неблагополучные страны, тогда все обстояло наоборот.

Как уже упоминалось выше, на территории нынешней Западной Европы во времена римского императора Августа жило примерно 26 млн человек, и это число удвоилось лишь к концу XV в., т. е. за 1500 лет. Для следующего удвоения Европе потребовалось уже всего двести лет, это произошло к концу XVII в. В России за те же два века население выросло с 2 млн до 13—14 млн, т. е. в шесть или семь раз. Правда, не только за счет естественного прироста. По оценке историка М. Г. Худякова¹ (возможно, завышенной), присоединение обширного — гораз-

¹ М. Г. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. — М., 1991.

до больше, чем современный Татарстан, — Казанского ханства увеличило число жителей зарождавшейся империи на два с лишним миллиона человек. Завоевание малолюдных Астраханского и Сибирского ханств на картину почти не повлияло, чего нельзя сказать о тех примерно 700 тыс. человек во главе с Богданом Хмельницким, которые стали подданными России в 1654 г. Эта цифра надежна, так как присяга русскому царю была принесена «всем русским народом Малой Руси», а точнее — поголовно всеми главами семейств, казаками и неказаками; всего присягнуло 127 тыс. мужчин. Что и дает, вместе с домоладцами, 700 тыс. душ. Если же говорить о населении России в границах конца XV в. (т. е. без Казанского ханства и Малороссии), оно выросло за эти двести лет минимум вчетверо, примерно до 9 млн человек.

Между 1500 и 1796 г. число только великороссов выросло в 4 раза, тогда как французов — лишь на 80 %, а итальянцев — на 64 %¹. Замечательно высокие в течение нескольких веков подряд показатели России говорят о более высоком, на фоне остальной Европы, благополучии ее народа.

(Так будет не всегда. За сто лет между, 1780 и 1880 гг., население России продолжало расти быстрее, чем в Австрии, Франции, Италии и Испании, но медленнее, чем в Англии — плоды промышленной революции в этой стране способствовали росту рождаемости, а главное, снижению смертности².)

Нет никаких объективных признаков того, чтобы европейский простолудин позднего Средневековья — начала Нового времени, сельский или городской, был счастливее своего русского современника. Напротив, все говорит о том, что верна как раз обратная точка зрения.

В Европе, где дрова продавались на вес, а меха были доступны немногим, простые люди гораздо больше страдали от

¹ Демографический энциклопедический словарь. М., 1985; В. М. Кабузан. Народы России в XVIII веке. — М., 1990.

² А вот за следующие 15 лет, к 1895 г., Англия сбавила темп, во Франции же прирост и вовсе стал стремиться к нулю. Наступали новые времена урбанизированных обществ с нормально низкой рождаемостью — но еще пока не для России.

холода зимой, чем в России, где зимние морозы куда суровее, зато были дешевы меха и дрова.

Если сравнивать питание простых людей прошлого в разных странах, то придется признать: на протяжении многих веков стол русского крестьянина был обильнее, чем в большинстве мест Европы по причине невероятного биологического богатства России, чьи леса кишели дичью, а реки и озера — рыбой. Проезжая по стране, иностранцы постоянно видели лесное зверье, перебегавшее дорогу, в связи с чем она им представлялась им «огромным зверинцем»¹. Охота в России, в отличие от западноевропейских стран, не была привилегией высших классов, ей предавались и самые простые люди². В Тамбовском крае в конце XVI в. земля продавалась «с сычем, с орловым и ястребцовым гнездом, и со пнем, и с лежачей колодою, и с стоячим деревом, и с бортною делию, и со пчелами старыми и молодыми, и с луги, и с озера, и с малыми текучими речками, и с липяги, и с дубровами, и с рыбною и бобровою ловлею, и со всяким становым зверем, с лосем, с козою и свиньею, и с болотом клюковым»³. Этот завораживающий текст принадлежит не Тургеневу или Аксакову XVI в., это отрывок из вполне юридического документа — писцовой книги. 420 лет назад люди воспринимали изобилие своей страны как должное.

Не подлежит сомнению и такой интегральный способ оценки прошлого — не знаю, приходил ли он кому-либо в голову раньше. Тот факт, что китайская кухня признала съедобным практически все, вплоть до личинок насекомых, говорит очень ясно: в этой стране голодали много и подолгу. То же относится и к кухне французской. Только солидный опыт голодных лет мог заставить найти что-то привлекательное в лягушках, улитках, в протухших яйцах, подгнившем мясе, сырной плесени. В русской кухне нет ничего похожего. В голод едали, как и везде, всякое, но не настолько долго (самый суровый и

¹ Якоб Рейтенфельс. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме III о Московии. — М, 1906. С. 188.

² Н. И. Костомаров. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. — М., 1993. С. 194.

³ См.: Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Т. 42, [1935], стб. 265.

долгий в нашей досоветской истории голод был в 1601—1603 годах), чтобы свыкнуться. Икру осетров — черную икру! — в России никто не считал за нечто съедобное. У нас ее веками, до середины XVII в., скармливали свиньям, пока европейские гости не открыли нам глаза.

2. Гигиенический фактор

Русь — Россия пережила немало моровых поветрий, но в целом страдала от них меньше, чем Европа, где из-за постоянной перенаселенности и ужасной гигиены случались подлинно демографические катастрофы — такие, как эпидемия чумы XIV в., получившая название «черная смерть». Историки констатируют, что, явившись из Китая и Индии и обойдя всю Западную и Центральную Европу до самых отдаленных мест, она остановилась *«где-то в Польше»*. Не «где-то», а на границе Великого княжества Литовского (чье население состояло на 90 % из русских, в связи с чем его называют еще Литовской Русью), т. е. на границе распространения бани.

Баня — важнейший без преувеличения фактор русской истории. Знаете, как Лжедмитрия уличили в том, что он не русский, а стало быть, самозванец? Очень просто: он не ходил в баню. Для русских это была первейшая примета «немца», «латинянина», «ляха», «влаха», «фрязина» и т. д. Примета, увы, вполне основательная. Баня, унаследованная было Европой от Древнего Рима, по крайней мере дважды в ней умирала. Нам даже трудно себе такое представить, но регресс — не такое уж диво в человеческой истории. Первый раз баня в Европе исчезла на время «темных веков» (так иногда называют период между V и XII вв.). Крестоносцы, ворвавшиеся на Ближний Восток, поразили арабов своей дикостью и грязью: *«Франки дики. Прославляя своего бога Иисуса, пьют без меры, падают, где пьют и едят, дозволяя псам лизать их уста, изрыгающие брань и съеденную пищу»*.

Тем не менее именно франки (крестоносцы; в арабском и некоторых других языках Востока «фаранг» — до сих пор на-

звание европейца), оценив бани Востока, вернули в XIII в. этот институт в Европу. Бани стали постепенно вновь распространяться в ней, особенно в Германии. Однако уже ко времени Реформации усилиями церковных и светских властей бани в Европе были вновь искоренены как очаги разврата и заразы, а также из-за нехватки воды в городах. И такое отношение сохранилось надолго.

Среди изобретений средневековой Европы нельзя не упомянуть балдахин. Почему в домах богатых людей появились балдахины? Это был способ защиты от клопов и прочих «симпатичных» насекомых, падавших с потолка. Антисанитария сильно содействовала их размножению. Помогали балдахины мало, ибо клопы чудно устраивались в складках. В другом конце мира — то же самое. *«Блохи — препротивные существа. Скачут под платьем так, что кажется, оно ходит ходуном»*, — пишет знатная японка XI в.¹

Дамы при дворе Людовика-Солнце (современника Алексея Михайловича и Петра I) непрерывно почесывались не только из-за клопов и блох. Будучи пышны телом, они не всюду могли дотянуться, в связи с чем были придуманы длинные чесалки. Их можно видеть в музеях, они из слоновой кости, часто дивной работы. В большом ходу были хитроумные блохоловки, тоже нередко высокохудожественные. Однако — нет худа без добра — всему этому ужасу (замечательно описанному, в частности, на первых страницах романа Патрика Зюскинда «Парфюмер») мы обязаны появлением духов. Это действительно очень важное европейское изобретение.

Правда, около этого времени у богатых людей в Европе уже появляются ваннные комнаты. Злодей по имени Жан-Поль Марат (он же «Друг народа») был зарезан в ванне. Но бани в полном смысле слова вернулись в Европу только в XIX в. Толчок к их возрождению здесь дали те походные бани, с которыми русское войско вошло в Париж в 1814 г., но нельзя сказать, чтобы это возрождение шло быстро. Скажем, в Берлине первая «русская» баня открылась еще в 1818 г.² но лишь много лет

¹ Сэй-Сёнагон. Записки у изголовья. — М., 1975. С. 51.

² И. А. Богданов. Три века петербургской бани. — СПб., 2000. С. 22.

спустя, в 1889 г., дело дошло до учреждения Немецкого общества народных бань, выразившего свою цель в таком девизе: *«Каждому немцу баня каждую неделю»*, но путь к этой цели был долгим. Набоков вспоминает в «Других берегах», что его спасением и в Англии, и в Германии, и во Франции в 20-е и 30-е гг. была складная резиновая ванна, которую он повсюду возил с собой. Обязательные ваннные комнаты в жилищах Западной Европы — это в значительной мере достижение уже послевоенного времени.

Зато обратив взор к собственному Отечеству, мы заметим, что наша баня старше даже нашей исторической памяти: сколько Русь помнит себя, столько она помнит и свою баню. Вполне правдоподобными выглядят упоминания о банях Киевской Руси, начиная со времен княгини Ольги (которая велит приготовить баню древлянским послам), т. е. с X в., и далее, до гибели Киевской Руси в XIII в. Кстати, тот факт, что жители Малороссии не знали бани, подкрепляет уверенность тех, кто считает их пришлым населением, выходцами с Карпат, постепенно заселившими обезлюдевшие после ордынского погрома земли Киевской Руси. Прочитав уже знакомого нам Д. К. Зеленина: *«Баня характерна для севернорусских; южнорусские и белорусы моются не в банях, а в печах; украинцы же вообще не особенно склонны к мытью»* (Д. К. Зеленин. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 283). Излишне добавлять, что выводы классика отечественной этнографии основаны на исследованиях почти столетней давности. Культурная революция XX в. в СССР уравнила практически все и всех.

В Европе, даже в период «малого банного ренессанса» XIII—XVI вв. простой народ оставался немывтым, и это обошлось континенту очень дорого. Упомянутая выше «черная смерть» собирала свою страшную жатву шесть лет, между 1347 и 1353 гг. Из-за нее Англии и Франции пришлось даже прервать Столетнюю войну (которую они с бульдожьим упорством вели между собой даже не 100, а 116 лет). Франция потеряла от чумы треть населения, Англия и Италия — до половины, примерно столь же тяжкими были потери других стран.

Отголоски «черной смерти» проникли тогда и в русские города, особенно в посещаемые иностранцами (в первую очередь Псков и Новгород), но размах бедствия среди наших предков — а также среди финнов, еще одного «банного» народа, — был несопоставим с тем, что пережили тогда их западные соседи. Тридцать четыре года спустя, в 1386 г., чума выкосила пограничный Смоленск, но даже самые тяжкие чумные моры нашей истории, особенно в 1603, 1655 и 1770 гг., не стали причиной ощутимого демографического урона для страны. Шведский дипломат Петрей Эрлезунда отмечал в своем труде о Московском государстве, что «моровая язва» чаще появляется на его границах, чем во внутренних областях. По свидетельству английского врача Сэмюэля Коллинса, прожившего в России девять лет, когда в 1655 г. в Смоленске появилась «моровая язва», *«все были изумлены, тем более что никто не помнил ничего подобного»*¹. Проказа на Руси также была редкостью.

Причина все та же — баня. Подытоживая два века этнографических наблюдений в России, Д. К. Зеленин констатировал, что из всех восточных славян *«самой большой и даже болезненной чистоплотностью»* [речь идет не только о телесной чистоте, но и о чистоте жилища. — А. Г.] *отличаются севернорусские*² — т. е. обладатели окающего говора (в отличие от акающих «южнорусских»). Если качество жизни коррелирует чистоплотности, напрашивается вывод, что выше всего оно у нас исстари было в автохтонных великорусских краях, постепенно снижаясь к югу, в места более позднего русского заселения.

Москва (она, кстати, выросла на стыке расселения севернорусской и южнорусской народностей), как и другие города России, была большой деревней, но это значит, напоминает Ключевский, что, как и положено в русской деревне, *«при каждом доме был обширный двор (с баней) и сад»*, и ее жители не знали недостатка в воде, ибо во дворах имелись колодцы. Много ли мог употреблять воды простой люд в городах Европы, где общественные колодцы до появления в XIX в. во-

¹ С. Коллинс. Нынешнее состояние России, изложенное в письме к другу, живущему в Лондоне. — М., 1846.

² Д. К. Зеленин. Указ. соч. С. 280.

допровода были лишь на некоторых площадях (вдобавок из этих колодцев вечно вылавливали трупы кошек и крыс)?

Вот свидетельства из записок иностранцев, сделанных в царствования Федора Иоанновича, Бориса Годунова и Алексея Михайловича, о русских: *«Они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств»* (Джилль Флетчер. О государстве Русском, около 1589); *«Многие из русских доживают до 80, 100, 120 лет и только в старости знакомы с болезнями»* (Якоб Маржерет. Состояние Российской державы... с 1590-го по сентябрь 1606 г.); *«Многие [русские] доживают до глубокой старости, не испытав никогда и никакой болезни. Там можно видеть сохранивших всю силу семидесятилетних стариков, с такой крепостью в мускулистых руках, что выносят работу вовсе не под силу нашим молодым людям»* (Августин Мейерберг. Путешествие в Московию, около 1662).

3. Когда на Руси было жить хорошо

Любопытны свидетельства путешественников, касающиеся доступности съестного в допетровской России. *«Изобилие в хлебе и мясе так велико здесь, что говядину продают не на вес, а по глазомеру»* (венецианец Иосафат Барбаро; был в Москве в 1479 г.); *«В этой стране нет бедняков, потому что съестные припасы столь дешевы, что люди выходят на дорогу отыскивать, кому бы их отдать»* (секретарь посольства персидского шаха в Испанию, перешедший там в католичество и принявший имя дон Хуан Персидский; был в России в 1599—1600 гг.).

Изобилие презирует мелочность. Там, где говядину продавали по глазомеру, едва ли могла возникнуть потребность в особо точных весах. Там, где все дешево, легче прожить, а оттого меньше воров и меньше замков. Замки вплоть до петровских времен были редкостью, и не из-за недостатка мастеров. Павел Алеппский, сын антиохийского патриарха, посетивший в 1655 г. «железный ряд» на московском рынке, восхищается *«железными вещами и принадлежностями... превосходной работы»*. Но в замках москвитяне, как видно,

особо не нуждались. А вот в лондонском музее Виктории и Альберта замкам XIV—XVIII в. отведено несколько залов — нужный был предмет.

Пишущим о скудости российской природы стоит иногда заглядывать в труды историков. С. М. Соловьев сообщает в одиннадцатом томе своей «Истории», какую провизию доставляли в 70-х гг. XVII в. в Ферапонтов монастырь бывшему патриарху Никону, к тому времени лишенному не только патриаршего достоинства, но и епископского сана. От монастырей в окрестностях Белого озера (главным образом из Кириллова монастыря) поступало ежегодно: *«15 ведер вина церковного, 10 ведер романи, 10 ведер рейнского, 20 пудов патоки на мед, 30 пудов меду-сырцу, 20 ведер малины на мед, 10 ведер вишен на мед, 30 ведер уксусу; 50 осетров, 20 белуг, 400 тошей междукостных, 70 стерлядей свежих, 150 щук, 200 язей, 50 лещей, 1000 окуней, 1000 карасей, 30 пудов икры, 30 пучков вязиги, 2000 кочней капусты, 20 ведер огурцов, 20 ведер рыжиков, 50 ведер масла конопляного, 50 ведер масла орехового, 50 ведер сметаны, 10 тысяч яиц, 30 пудов сыру, 300 лимонов, полпуда сахару головного, пуд пшена сорочинского, 10 фунтов перцу, 10 фунтов имбирю, 5 четвертей луку, 10 четвертей чесноку, 10 четвертей грибов, 10 четвертей репы, 5 четвертей свеклы, 500 редек, 3 четверти хрену, 100 пудов соли, 80 четвертей муки ржаной, 20 четвертей муки пшеничной, 50 четвертей овса, 30 четвертей муки овсяной, 30 четвертей ячменя, 50 четвертей солоду ржаного, 30 — ячного, 10 — овсяного, 15 четвертей крупы гречневой, 50 четвертей овсяной, 3 четверти проса, 12 четвертей гороху, 5 четвертей семени конопляного, 20 четвертей толочка; да работникам — 40 стягов говядины или 150 полотьев ветчины»*. Никон был строг и требовал, например, от кирилловских монахов привозить ему живых осетров «мерою в два аршина с четью» (160 см).

Отрывок из Соловьева приведен здесь не ради характеристики жизни опального Никона, его спутников и «работников» в ссылке, а как иллюстрация производительной мощи северной (между Вологдой и Онежским озером) земли, где располагался монастырь-поставщик. Только вообразите: 30 пудов

(полтонны!) икры, сто пудов (1,6 тонны) соли, 30 пудов меда, то ли 17, то ли 25 тонн¹ муки, 50 ведер орехового (из лещины) и столько же конопляного масла! Мало того, монастырское хозяйство было товарным, иначе оно не смогло бы закупать для ссыльного соль, заграничные вина, имбирь, перец, «сорочинское пшено», т. е. рис. (Лимоны, те явно выращивались в своих теплицах.) Еще больше впечатляют 50 живых осетров в человеческий рост и 20 белуг (рядовая белуга весит 100 кг; не диво и 200-килограммовая; где-то зарегистрирована белуга-рекордсмен весом в две тонны).

И два века спустя, как видно из очерка ныне забытого писателя Алексея Потехина (1829—1908) «Лов красной рыбы в Саратовской губернии», плодovitость природы не убывала. *«Всякой другой рыбы, кроме красной, ловец гнушается, не дорожит даже сомом, рассчитывая на избыток осетров, белуг и севрюг»,* — пишет он².

¹ Четверть могла быть как мерой веса (равнялась 12 пудам), так и мерой объема сыпучих тел («московская четверть» имела объем, вмещавший 8 пудов ржи).

² Потехина-очеркиста отличала черта, крайне важная в связи с еще одной темой данной книги. Аполлон Григорьев хвалил его за *«совершенное отсутствие претензий и насмешливого тона, с которым обыкновенно смотрят наши современные писатели на русский провинциальный быт... Рассказ его дышит веселостью и отличается отсутствием злых выходок [т. е. очернительства]»*. Потехин, вполне в пушкинской традиции, смотрел на русский мир без угрюмства, не беря сразу на веру причитания каждого хитрого простолюдина. Вот Потехин затевает разговор с «ловцом» о рыбном деле. Тот начинает привычно: *«Ваше превосходительство, помилосердуйте: ничего не имеем, совсем с голоду умираем. Хлеб не родится, земля не годная; в Волге рыба по нынешним годам не ловится, промыслов никаких нет, — совсем погибает»*. В. Селезнев замечательно комментирует эту сцену: *«Мужик, претолочно умеющий играть с любым начальством: правдоподобно изобразить самоуничтожение и ловко врать о своем горе-горьком, о великих бедах земли и воды русской. Сколько жизней и бумаги ушло на литературные перепевы народными печальниками сих наигранных фольклорных причитаний!»* (Волга, 1998, №11—12). Но вот мужик уверился, что перед ним не начальник, после чего, пишет Потехин, *«сделался и вовсе приятелем... До глухой ночи просидел я с этим мужиком и узнал от него то, что не узнал бы никакими другими путями»*.

Возвращаясь к теме крестьянства, можно сказать следующее. Конечно же крестьянское прошлое легким не было нигде, но в большинстве стран, давно завершивших процесс раскрестьянивания, оно воспринимается сегодня в приукрашенном, этнографически-театрализованном виде, чему помогает и невольный перенос нынешнего благополучия в прошлое. У нас же в прошлое переносится, наоборот, советское и постсоветское неблагополучие. Служи нам точкой отсчета хотя бы предреволюционный российский уровень, картина гляделась бы иначе¹. Мало того, кажется, только у нас крестьянское прошлое до такой степени окарикатурено, в том числе и наукой (правда, есть отрадные исключения, и среди них мощный труд Марины Громыко «Мир русской деревни». — М., 1991).

Царящие (все еще) представления о русском крестьянстве былых времен неузнаваемо искажены политическими манипуляциями. Марксисты небезуспешно вдалбливали мысль о том, что русский крестьянин был нищ всегда, на протяжении всей истории России без перерывов. Так ли это? Вот каков был, по разысканиям Ключевского, в 1630 г. (после разрухи Смутного времени!) типичный малоземельный крестьянский двор Муромского уезда, засевавший всего-то около десятины (1,09 га) озимого поля: *«3—4 улья пчел, 2—3 лошади с жеребятами, 1—3 коровы с подтелками, 3—6 овец, 3—4 свиньи и в клетях 6—10 четвертей (1,26—2,1 куб. м. — А. Г.) всякого хлеба»*².

С неожиданной стороны освещает уровень благополучия допетровской России Юрий Крижанич, хорват и католик, проживший у нас во времена царя Алексея Михайловича 17 лет (с 1659 по 1676 г.) и увидевший значительную часть тогдашнего Русского государства — от его западных границ до Тобольска. Крижанич осуждает — что бы вы думали? — расто-

¹ Чтобы не увязнуть здесь в достаточно сложной теме, отсылаю к объемистой работе Т. К. Чугунова «Деревня на Голгофе» (Мюнхен, 1968). Анализ статистических и иных данных привел ее автора к выводу, что условия жизни колхозника образца 1967 г. были в 33 (!) раза хуже условий жизни крестьянина в 1913 г.

² В. О. Ключевский. Курс русской истории. — М., 1988. Т. 2. С. 281.

чительность русского простолюдина: *«Люди даже низшего сословия подбивают соболями целые шапки и целые шубы... а что можно выдумать нелепее того, что даже черные люди и крестьяне носят рубахи, шитые золотом и жемчугом?.. Шапки, однорядки и воротники украшают нашивками и твезами [?], шариками, завязками, шнурами из жемчуга, золота и шелка».*

Выводы Крижанича таковы: *«Следовало бы запретить простым людям употреблять шелк, золотую пряжу и дорогие алые ткани, чтобы боярское сословие отличалось от простых людей. Ибо никуда негоже, чтобы ничтожный писец ходил в одинаковом платье со знатным боярином... Такого безобразия нет нигде в Европе. Наигоршие черные люди носят шелковые платья. Их жен не отличить от первейших боярынь»* (Юрий Крижанич. Политика. — М., 1965). Любопытное «свидетельство о бедности», не так ли?

Кстати, Россия предстает в этих цитатах как страна, на триста лет опередившая свое время. Лишь XX в. пришел к тому, что «писца» почти во всем мире стало невозможно по одежде отличить от «боярина». В своем веке Крижанич подобных вольностей не видел более нигде. В России каждый одевался как желал и мог. Вне ее царил тоталитарно-сословный подход к облачению людей. Венеция и некоторые другие города-республики, читаем у Крижанича, *«имеют законы об одежде, которые определяют, сколько денег дозволено тратить людям боярского сословия на свою одежду».*

Привычка простолюдинов одеваться «не по чину» также не говорит о бедности страны. Во времена Ивана Грозного Стоглавый собор выделил это явление как некую проблему. Глава 90 «Стоглава» требует, чтобы по одежде было видно, *«кто есть коего чина»: «Ино одеяние воину, ино одеяние тысящнику, ино пятьдесятнику, и ино одеяние купцу, и ино златарю, ино железному ковачу, и ино орарю, и ино просителю, и ино женам, яко же им носить и глаголемые торлопы [нарядные платья]. Их же [торлопы] обычай имеют и причетницы носить златом и бисером и камением украшены, и сие неподобно есть — причетником тако украшати женским одеянием, ни-*

же [тем более] *воинское одеяние носить им*»¹. Вообразите-ка молодых причетников 1551 г., переодевающихся в женское платье, рядящихся воинами! Начинаешь понимать, что жизнь того времени была куда богаче оттенками, чем может решить зритель плоского, аки блин, фильма лауреата Сталинской премии С. М. Эйзенштейна.

Поскольку век с четвертью спустя Юрий Крижанич приходил в ужас от расточительности простонародья, понятно, что призывы Собора оказались тщетны.

В XIX в. никаких «твезов» у простых людей более не наблюдается: государство, начиная с Петра I, изрядно выжало соки из податных сословий.

Зато благодаря этому выжиманию соков сильно разбогатело дворянство. Вот свидетельство другого француза XIX в., и не чье-нибудь, а Стендаля, врача во французской оккупационной армии: *«В Москве было 400 или 500 дворцов, убранных с очаровательной роскошью, неведомой Парижу»* (в письме графине Дарю из Москвы 16 октября 1812 г.).

4. Страна на торговых путях

В книге «Россия при старом режиме» Р. Пайпса есть несколько забавных утверждений. Например, что Россия никогда не знала настоящих собственников (*«старая Россия не знала полной собственности ни на землю, ни на городскую недвижимость; в обоих случаях это были лишь условные владения»*²), что царизм (что бы ни означал этот термин) *«последовательно мешал сложиться крупным богатствам»*. И наконец (про допетровскую Россию): *«Страна была расположена слишком далеко от главнейших путей мировой торговли, чтобы зарабатывать драгоценные металлы коммерцией, а своего золота и серебра у нее не было, поскольку добывать их здесь стали только в XVIII веке»*.

¹ Полный текст «Стоглава» см.: «Российское законодательство X—XX веков». В 9 т. Т 2. М., 1985.

² Ричард Пайпс. Собственность и свобода. — М., 2000. С. 240.

Но послушаем свидетелей из XVII в. — за сто лет до начала добычи Россией «своего золота и серебра». Йохану Кильбургеру, посетившему Россию в 1674 г. в составе шведского посольства, совсем не показалось, что Россия «расположена слишком далеко от главнейших путей мировой торговли». Наоборот, он пришел к выводу, что никто лучше русских не приспособлен к коммерции «*в силу их к ней страсти и удобного географического нахождения*». Ему бросилось в глаза, что в Москве «*больше торговых лавочек, чем в Амстердаме или целом немецком княжестве*» (Б. Г. Курц. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1916).

В следующем столетии к тому же выводу пришел самый авторитетный географ своего времени Антон Фридрих Бюшинг (1724—1793), автор 11-томного «Землеописания», переведенного почти на все европейские языки. Он так охарактеризовал тягу русских к коммерции: «*Можно сказать, что ни один народ мира не имеет большей склонности к торговле, нежели русские*» («*Man kann wohl sagen dass kein Volk in der Welt eine grössere Neigung zum Handel habe, als die Russen*») ¹. Русских он знал хорошо, поскольку четыре года прожил в России. Француз Абель Бюржа тоже знал русских не понаслышке. В своей книге «Наблюдения путешественника в России, Финляндии, Ливонии, Курляндии и Пруссии» (*Abel Burja. Observations d'un voyageur sur la Russie, la Finlande, la Livonie, la Curlande et la Prusse.* — Maastricht, 1787) он хвалит Россию за то, что в ней не чувствуется гнет цеховой системы, как в Европе. Он особо отмечает свободу торговли, отсутствие пошлин при ввозе товаров в города.

Данные о русском серебре, которые тоже, боюсь, огорчили бы Пайпса, приводят директор Центра археологических исследований Москвы А. Г. Векслер и доктор исторических наук А. С. Мельникова (в статье «Сокровища старого Гостиного двора», *Наука и жизнь*, № 8, 1997). Для московских купцов,

¹ *Anton Friedrich Büsching. Erdbeschreibung oder Universal-Geographie.* — Kopenhagen, 1754. Т. 1. С. 713.

торговавших в Персии, пишут они, лучшим товаром были «ефимки и денги старые московские» (свидетельство 1620 г.). Западноевропейские купцы тоже активно скупали русские денги и вывозили их как чистое серебро (русские копейки 1535—1613 гг. имели 960-ю пробу), т. е. Россия была невольным экспортером серебра. Мало того, видя популярность «старых» денег, зарубежные фальшивомонетчики наладили массовое производство подделок с более низкой пробой и начали ввозить их в Россию. Здесь на подделки покупали русские товары или пытались менять их на полновесные деньги. Количество этих зарубежных «воровских» денег было довольно значительным, и некоторые из них осели в монетных кладах первой половины — середины XVII в. В 20-е гг. XVII в. дошло до того, что царь вынужден был отправлять в крупные города, связанные с внешней торговлей, распоряжения, неоднократно повторенные, запрещающие «*московским и московских городов гостем и всяким торговым людем*» использовать в расчетах с иноземцами «старые» деньги.

Знаток русских кладов, историк и нумизмат Иван Георгиевич Спасский (1904—1990) писал о «*поразительном, ни с чем не сравнимым обилии монетных кладов, оставленных по себе XVI и XVII вв.*», т. е. периодом царства Ивана Грозного и особенно Смутного времени. Потрясающая подробность: «*Археологическая комиссия отправляла на Монетный двор в сплавку поступавшее в ее рассмотрение русское монетное серебро XVI—XVII вв. без рассмотрения — так его было много, так часто попадались такого рода клады!*» Было что прятать в тревожное время в небольшой по населению (тогда) стране. Очень много было.

Даже как-то неудобно напоминать, что Россия изначально возникла на торговых путях (из варяг в греки, хазары, сарацины, персы и т. д.) как торговое государство. Мало того, это государство расширилось до Тихого океана благодаря предпринимателям, чью энергию подстегивали дешевизна и изобилие лучшей в мире пушнины. И оно оставалось торговым государством на протяжении большей части своей истории, вплоть до 1917 г., что не мешало ему быть одновременно го-

сударством военным, аристократическим, бюрократическим — каким угодно! Знаменитый советский историк, академик М. Н. Покровский, не упустивший ни единого повода показать Россию отсталой и косной, констатировал: *«Собирание Руси с самого начала Московского княжества и до Александра I двигалось совершенно определенным историческим фактором, этим фактором был торговый капитал».*

Афанасий Никитин, если кто не знает, дошел в 1469 г. до Индии (Васко да Гама еще даже не родился) потому, что не получил в Персии достаточную цену за коня. Его не менее упорные, но более удачливые, хоть и не оставившие путевых записок, коллеги торговали в Пекине, Кашгаре, Герате, Дамаске, Исфагане, Бухаре, Тебризе, Трапезунде, Шемахе, Кафе (Феодосии), Царьграде, Салониках, Ревеле, Риге, Кёнигсберге, Любеке, на острове Готланд, в Сигтуне (древней столице Швеции), Стокгольме (который они звали «Стекольный»), Копенгагене, Антверпене, Амстердаме, Генте, в шведском Або (ныне финский Турку — от русского «торг») и других городах Старого Света, имели там торговые конторы и подворья. Кое-где с банями, ибо Европа надолго отпала от такого удобства, и, разумеется, с церквями.

Если мы обратимся к ранним векам нашей истории, то и там не увидим «незатейливости» русских купцов и «зачаточного состояния» денежных отношений. Такой документ, как «Суд Ярослава-князя. Устав о всячих пошлинах и о уроцех», иначе именуемый «Пространной Правдой Русской», родился в столкновениях новгородцев с князьями, пытавшимися расширить свои полномочия и выносить произвольные решения. В той части «Правды Русской», где речь идет о наследственном праве, имущественных спорах и тому подобном, мы находим статьи (с 47-й по 55-ю), из которых видно, что купцы объединялись в товарищества на вере (организационно-правовая форма коммерческой организации на складочном капитале, существующая и сегодня), что правила взимания процентов по займу были тщательно прописаны, что банкротство купца по обстоятельствам непреодолимой силы не влекло за собой судебной ответственности: ему давалась возможность вос-

полнить утраченное и в рассрочку выплатить долг. К необычным можно отнести такую подробность: заимодавец, злоупотребивший процентами и уже получивший в форме процентов весь или почти весь долг, лишался права на возмещение самого займа. Напомню, это положения 900-летней давности.

И заодно уж о «русской изолированности» в средневековом мире: первый русский монастырь появился в Иерусалиме еще в 1169 г., а летописи баварского Регенсбурга упоминают о том, что в XII в. городские ворота, обращенные к Дунаю, назывались Русскими.

Исключительно важную роль играли ярмарки. Кто помнит у нас город Мологу? Этот город ныне, увы, на дне Рыбинского водохранилища. Молога никогда не была торговым центром первой величины. Тем не менее вплоть до Смутного времени здесь была очень значительная ярмарка, съезжались немцы, поляки, «литовцы» (т. е. западнорусские купцы), греки, итальянцы, армяне, татары, турки, персы, хорезмийцы, и при Иване III со здешних торговцев каждый год поступало в казну 180 пудов серебра. Кто найдет на карте город Стародуб, если не подсказать, что он в Брянской области? В нем вплоть до XIX в. проводились две большие ежегодные ярмарки. Товары привозились из Москвы, Риги, Петербурга, Астрахани, Кавказа, со всей Малороссии, из Европы. Стародубское купечество далеко славилось своим богатством.

5. Выдающиеся богатства

Р. Пайпс уверяет: *«Русские купцы почти никогда не ездили торговать в Европу»*. И объяснение: в Европе был *«высокоразвитый и изощренный рынок»*, а русская торговля *«тяготела к натуральному товарообмену. С точки зрения денег и кредита она оставалась до середины XIX в. на том уровне, который Западная Европа преодолела еще в позднее Средневековье. В Московской Руси и в немалой степени при императорах преобладала меновая торговля; наличные использовались главным образом в мелочной торговле»*.

Странно. Еще за двести с лишним лет до середины XIX в. Адам Олеарий (Эльшлегер), член голштинского посольства, находившегося в Москве при Михаиле Федоровиче, в 1633—1934 гг., рисует иную картину: «[Русские] торговцы хитры и падки на наживу. Внутри страны они торгуют всевозможными необходимыми в обыденной жизни товарами. Те же, которые с соизволения его царского величества путешествуют по соседним странам, как то: по Лифляндии, Швеции, Польше и Персии — торгуют большей частью соболями и другими мехами, льном, коноплею и юфтью». Олеарий был поражен некоторыми операциями московских купцов — как видно, на его «изошренной» родине до такого еще не додумались: «Они обыкновенно покупают у английских купцов, ведущих большой торг в Москве, сукно по 4 талера за локоть и перепродают тот же локоть за 3 талера, и все-таки остаются в барыше. Делается это так: они по этой цене покупают один или несколько кусков сукна [куски, или «штуки», бывали разные, но редко меньше 90 локтей и больше 175 локтей. — А. Г.] с отсрочкой расплаты на полгода или год, затем идут и продают его лавочникам за наличные деньги, которые они потом вкладывают в другие товары. Таким образом, они могут за то время, каким они располагают, обернуться своими деньгами три раза или более, с барышом».

За век до Олеария англичанин Ричард Ченслер нашел, что Москва превышает размерами Лондон с предместьями, размах же русской внутренней торговли его просто изумил. И неудивительно: примерно тогда же смоленский купец Афанасий Юдин кредитовал английских коллег на баснословную по тем временам сумму в 6200 руб. (это почти полмиллиона в золотом исчислении конца XIX в., а сколько бы это составило сегодня, трудно даже представить). Дьяк Тютин и Анфим Сильвестров (он еще возникнет на этих страницах) кредитовали литовских купцов на 1210 руб. (больше 100 тысяч золотом в деньгах конца XIX в.). Член английской компании Антон Марш задолжал Емельянову 1400 руб., Бажену — 945, Шорину — 525 руб. (см.: Д. П. Маковский. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. — Смоленск, 1960).

К идее «единого окна», которая в сегодняшней России преподносится как большая новость, в исторической России пришли три с половиной века назад. В 1667 г. (Петр I еще не появился на свет) дипломат Афанасий Ордин-Нащокин, курировавший также внешнюю торговлю, составил Новоторговый устав. Пункты 88 и 89 этого устава предусматривали (из-за *«многих волокит во всех приказах»*) создание *«одного пристойного приказа»*, где ведали бы *«купецкими людьми»*. Предусмотрено, чтобы спорные вопросы и жалобы *«на всяких чинов людей»* рассматривались *«в том же в одном приказе непременно, чтоб купецким людем, волочась по многим приказам, от промыслов своих не отбыть и чтоб всякой промысел без волокит множился»*. Кроме того, уставом учреждались особые купеческие суды, так что воеводы утрачивали право суда над торговым сословием. Попросту говоря, оно было выведено из-под слишком корыстолюбивой юрисдикции.

В число задач нового приказа входили *«защита и управа»* от воеводских налогов (разумеется, не налогов вообще, а неправомерных и произвольных) и охрана купеческих интересов *«в «порубежных городах и иных государствах»*. По словам Пайпса, русские купцы не были под защитой своего государства, находясь за границей. И опять неверно: к примеру, еще в 1494 г. за убийство двух русских купцов в ганзейском городе Ревеле русские власти закрыли склады Ганзы в Новгороде и конфисковали товары. Конфликт длился двадцать лет, включая трехлетнюю войну с Ливонским орденом. Лишь в 1514 г. отношения с Ганзой были возобновлены, притом на условии значительного расширения прав русского купечества в 73 городах Ганзы. Русская сторона добилась также (усилиями восьми посольств подряд!) отмены ограничений на ввоз серебра, цветных металлов и оружия из стран Западной Европы.

То есть солидарность купечества, власти и дипломатии была в это время уже на достаточной высоте. Она возникла не вдруг, на это ушли века. Купечество рано стало особой социальной группой, с собственным самосознанием, достаточно горделивым, судя по былинам и иным фольклорным свидетельствам. Одной из самых ранних купеческих корпораций

было «Иванское сто» (существовало в XII—XV вв.), оно объединяло новгородских купцов, ведших оптовую торговлю воском. В былинах о Садко, полном новгородских реалий, упоминается купеческая Никольшина братчина. «Устав о мостех» 60-х годов XIII вв. перечисляет десять купеческих сотен: Бобткову, Олексину, Ратиборову и т. д. — к сожалению, только по именам «сотских», а не по торговой специализации. В Южной Руси в XI—XIII вв. солидарную группу купцов, ездивших в Византию, называли «гречниками». В Москве XIV—XV вв. монополию на торговлю с Византией и итальянскими городами через Крым держала корпорация «сурожан». Крупными купеческими объединениями были «гости» (от древнерусского «гостьба» — торговля), наиболее известны «гостиная сотня» и «суконная сотня».

Купцы не только торговали, они занимались кредитно-судными операциями и предпринимательством. Как и везде в мире, для успешного ведения дел требовались талант и кругозор, отсюда разносторонность этих людей. Яркий пример — умерший в 1481 г. (год рождения неизвестен) купец и строительный подрядчик («предстатель») Василий Дмитриевич Ермолин. Он строил в Москве, в том числе в Кремле, во Владимире, в Юрьеве-Польском, в Троице-Сергиевой лавре, возглавлял артель московских зодчих, держал заведение по переписке книг. Составленная по его заказу летопись, известная у историков как Ермолинская летопись, содержит материалы, отсутствующие в других источниках. Автором ценных сведений по истории русского зодчества 60—70-х гг. XV в. в этой летописи был сам Ермолин.

У отдельных купцов предпринимательство сильно опережало торговлю. Купец и землевладелец Лука Козьмич Строганов (внук Спиридона Строганова, выходца из поморских крестьян) около 1472 г. поселился в Усольске (Соли-Вычегодской), где начал торговать солью. Его внук Аникий, в дополнение к торговле, начал добычу соли, заведя собственные варницы. Правнук Луки, Семен, уже владел обширными землями по рекам Каме и Чусовой. Праправнуки Луки, Максим и Николай, финансировали в 1581 г. поход дружины Ермака Ти-

мофеева против хана Кучума. Строгановы строили города, крепости, внедряли (с опорой на пришлых русских крестьян) рудное дело и земледелие, развивали солеваренную промышленность в районе Соли-Камской, не забывая, конечно, о торговле. Во время междоусобицы и событий Смутного времени Строгановы оказали большую денежную, продовольственную и военную помощь правительству. Только деньгами они пожертвовали около 842 тыс. руб. — трудновообразимую для того времени сумму. До появления массового товарного производства и массового потребительства ни один купец, промышленник или банкир не мог, по идее, свободно располагать такой суммой. Но, как видим, были исключения.

Возможно, Строгановы были в конце XVI — начале XVII в. самыми богатыми нетитулованными частными лицами в мире, об этом у нас уже шла речь. За помощь Отечеству в трудные годы они получили звание «именитых людей» (но еще не дворян!) и, что важнее, право лить пушки и содержать своих ратников. То есть царь разрешил им иметь частную армию. Это никак не вяжется с фантастическими утверждениями Пайпса, будто цари не терпели конкуренции со стороны частных лиц ни в чем.

Купцы Строгановы отличались широкими интересами. Это нашло свое отражение, среди прочего, в так называемой Строгановской летописи («О взятии Сибирской земли»), составленной в 1622—1623 гг. в канцелярии одной из строгановских вотчин по материалам переписки Строгановых с Ермаком.

При первых Романовых строгановские владения и предприятия все более дробились между наследниками детей Аникия, но около 1680 г. их вновь сумел объединить и «округлить» Николай Дмитриевич Строганов (1656—1715). Он стал крупнейшим солепромышленником России, поставлявшим около 3 млн пудов соли в год (60 % годовой добычи в стране). Он принимал участие в финансировании Северной войны 1700—1721 гг., снарядил на свои деньги два военных фрегата. В память об этом его сыновья Александр, Николай и Сер-

гей получили в 1722 г. дворянство и баронский титул. В 1798 г. Павел I возвел Александра Сергеевича Строганова (11-е колено Строгановых, считая от Спиридона) в графское достоинство, но нагнать своих предков-купцов по богатству графам Строгановым, похоже, было не дано.

6. Купечество и государство

Строгановы, конечно, выдающийся случай. Но были и другие купцы, приближавшиеся к ним по богатству. Так, ярославский «гость» Михаил Гурьев только в строительство каменного города, названного в его честь, на реке Яик (Урал) вложил между 1645 и 1661 гг. около 300 тыс. рублей. Купец Григорий Леонтьевич Никитников не раз кредитовал (при Михаиле Федоровиче) государственную казну, когда у той не хватало средств на жалование войску и иные нужды, всегда требуя возврата денег в срок. Царя это злило, но что было делать? Приходилось смиряться: нужда могла возникнуть снова. Интересно, что Никитников заполучил в 1639 г. по просроченной закладной соляные промыслы аж одного из Строгановых (Ивана) в Новом Усолье.

И тут опять трудно не вспомнить плачевного Пайпса, умудрившегося написать в «России при старом режиме» следующее: *«В XVI и тем более в XVII веке монархия устранила угрозу конкуренции со стороны частных лиц. Царь стал единоличным собственником всех отраслей промышленности и шахт (как де-юре, так и де-факто), монополистом во всех областях коммерции»*. Оставим без комментариев.

Крупные богатства порождали на Руси, как и везде в мире, особую суверенность их обладателей. Да и могло ли быть иначе, если они, случалось, бывали спасителями царей и великих князей? В главе VI своего монументального труда «Боярская дума Древней Руси» В. О. Ключевский приводит рассказ (под 1371 г.) нижегородской летописи о «на́большем» нижегородском госте Тарасе Петрове, который выкупил в Орде множество пленников, «всяких чинов людей», и у своего

великого князя купил вотчины на реке Сундовике за Кудьмой. Вскоре Тарас Петров превращается в Тарасия Петровича, приобретает фамилию Новосильцев, становится боярином и казначеем великого князя. И никак не скажешь, что незаслуженно: *«...местнические грамоты рассказывают, что он два раза выкупил из плена своего великого князя Дмитрия Константиновича и один раз — великую княгиню»*.

Какими же огромными деньжищами надо было располагать, чтобы дважды (дважды!) выкупить великого князя из Орды, где с расценками (когда речь шла о персонах такого уровня) не стеснялись? Кажется, никто не изучал летописи удельных княжеств с целью выявления крупных богатств, а жаль.

Если уже в XVI в. богатство некоторых российских купцов было совершенно баснословным, то в следующем веке (сошлюсь на авторитет доктора исторических А. П. Богданова, одного из лучших знатоков допетровской России) два-три десятка русских семейств были богаты на уровне главных богачей Европы — таких, как князь Медичи. В XVII в. французский путешественник писал о князе Василии Васильевиче Голицыне, что его кафтан, усыпанный бриллиантами, стоит полка мушкетеров.

Чтобы не углубляться в исторический обзор крупных богатств, появлению которых «царизм», согласно Пайпсу, *«последовательно не давал сложиться»*, отсылаю читателя к книге Е. П. Карновича, недавно переизданной («Замечательные богатства частных лиц в России. Экономико-историческое исследование», М., 2000). Впервые она вышла в 1874 г. — т. е. в пору, когда еще никому не могло прийти в голову, будто в России нет и не может быть настоящей частной собственности. Это не приходило в голову и веренице русских писателей на протяжении всего XIX в. — от Фаддея Булгарина с его «Иваном Выжигиным» (через Гоголя, Островского, Писемского, Лескова) до Дмитрия Мамина-Сибиряка с его «Приваловскими миллионами».

Купцы были прирожденными патриотами. Все помнят одного из спасителей России в Смутное время, купца Кузьму Минина, владельца мясной лавки в Нижнем Новгороде. Выбранный в 1611 г. земским старостой, он начал сбор ратных людей «на очищение государству», стал одним из руководи-

телей войска народного ополчения, управлял сбором пожертвований, заведовал казной ополчения, вместе с князем Пожарским возглавил в апреле 1612 г. в Ярославле земское правительство — Совет всея Земли.

Несколько раньше купцы Дружина и Гурий Назарьевы приняли выдающееся участие в организации сопротивления москвичей отрядам Петра Сапеги и тушинцев Лжедмитрия II. Купеческое сословие без колебаний жертвовало огромные суммы всякий раз, когда Отечество было в опасности. Или когда было убеждено в том, что так угодно Богу.

Принятое Земским собором 1653 г. решение удовлетворить просьбу гетмана Хмельницкого о принятии его «со всем войском козацким и со всем русским народом Малой Руси» «под высокую царскую руку» стало возможным благодаря голосам купечества: без их денег предприятие было бы обречено. Дело в том, что положительный ответ означал неизбежную войну с Польшей и Крымом, но торговые люди, как один, вызвались жертвовать на это деньги.

Решение купечества, это стоит подчеркнуть, было решением свободных людей. В деньгах на войну за Азов они перед этим, по сути, отказали. Мы к этому еще вернемся. О самостоятельности купеческого сословия говорит и тот факт, что московское купечество отказалось связать себя круговой порукой с провинциальным купечеством, как того требовал царский указ 1681 г.¹

Крайне любопытно мировоззрение купечества допетровской Руси, с достаточной полнотой раскрытое Сильвестром, священником кремлевского Благовещенского собора и духовником юного царя Ивана IV. Сделавший до своего священства завидную купеческую карьеру, сам выходец из среды зажиточных новгородских ремесленников и купцов, Сильвестр изнутри знал жизнь городских сословий, и в первую очередь купечества. Среди прочего, Сильвестр, вместе с Алексеем Адашевым, провел в 1549—1560 гг. ряд важнейших реформ в системе управления государством, местного само-

¹ В. В. Еремян. Муниципальная история России. — М., 2003. С. 328.

управления и суда. Сильвестром написан знаменитый Домострой — вполне светская книга, свод житейской и нравственной мудрости своего времени. В. Б. Кобрин характеризует Домострой как *«произведение, освящающее именем Бога быт, торговлю, наживу»*. Такие характеристики всегда считались классическими для идеологов протестантской морали.

В послесловии к Домострою Сильвестр приводит письмо к своему сыну Анфиму. Отрывки из письма заслуживают цитирования: *«Милое мое чадо дорогое! Послушай наставление отца... Божественному Писанию [тебя] научившего, и всякому закону христианскому, и заботам добрым, во всяких торгующих и во всех товарах... На суде не бывал ни с кем, ни в истцах, ни в ответчиках... Если же сам у кого что купливал, так ему от меня любезное обхождение, без волокиты платеж, и никогда мимо меня не продаст, и худого товару не даст, и за все меньше возьмет. Кому же что продавал, все честно, а не в обман; кому не понравится мой товар, я назад возьму, а деньги отдам... добрые люди во всем мне верили, и здешние, и иноземцы — никому и ни в чем не солгано, не обмануто, не просрочено... Ни в пути, ни в пиру, ни в торговле сам никогда браниться не начинай... берегись несправедного богатства и твори добрые дела... сам о себе, и о домочадцах своих, и о жене дашь ответ в день Страшного суда... Благочестивый государь велел послужить тебе в своей царской казне у таможенных дел... служи верою и правдою без всякой хитрости и без всякого лукавства в любом государственном деле... и волокита бы людям ни в чем не была, всякого обслужи с любовью и без брани... душевредной служба твоя не была бы государю ни в чем, сам же сыт будь царским жалованьем, и все хозяйское у тебя было б всегда на счету и на заметке, в записи и приход и расход»*.

7. Досуги, увеселения, трапезы

Важной приметой русской жизни издавна было обилие праздников, церковных и народных. Конечно, праздновали память

далеко не всех святых и событий Нового Завета, иначе не осталось бы ни одного рабочего дня. Крестьянам и отчасти фабричным немало досуга добавляли народные праздники вроде Ивана Купалы, Семика, Красной горки, Русальего дня, Веснянки, родительского дня, хотя официально это были церковные (чаще второстепенные) праздники, которые назывались, естественно, иначе. Наконец, в любой местности праздновалась память особо чтимых местных святых и блаженных. Сколько это добавляло дней, сказать трудно, но так или иначе досуг у простых людей (мать семейства не в счет; ее работа не кончалась никогда — дети, скотина, уборка, готовка, стирка) было много больше, чем у связанных службой «непростых». Общее число нерабочих дней в году у крестьян достигло в канун отмены крепостного права трудно укладывающейся в голове цифры — 230 дней, а в 1902 г. — пишу прописью! — двухсот пятидесяти восьмью дней, что составляло 71 % рабочего года¹.

Уложение 1649 г. предусматривало право приказных служащих на выходные дни, т. е. на оплаченное свободное время: в воскресенье, а также в Рождество Христово, в Богоявление, на Пасху в приказах предписывалось не сидеть и никакой работы не делать. А жалование идет. Это было неслыханное новшество: государство ввело денежный эквивалент времени. Патриарх Никон протестует: Пасха — свободный день не потому, что государство платит, а потому, что Христос воскрес, — столкнулись две логики.

Описания народной русской жизни переполнены свидетельствами о праздниках и увеселениях. Среди переизданных в недавние годы стоит упомянуть увесистую «Народную Русь» А. А. Коринфского (М., 1995), впервые вышедшую в 1901 г.

Любовь к досугу и увеселениям на Руси четко выражена на протяжении всей ее письменной истории. Описание того, как развлекались жители Пскова пятьсот с лишним лет назад, в 1505 г., кажется до странности знакомым сегодняшнему читателю: *«Весь город поднимался; мужчины, женщины, молодые и старые, наряжались и собирались на игрище... начина-*

¹ Б. Н. Миронов. Указ. соч. Т. 2. С. 308.

лось, по выражению современника, ногам скакание, хребтам вихляние... происходило много соблазнительного по поводу сближения молодых людей обоих полов»¹. Церковь старалась умерить веселый нрав народа и в киевские, и во владимиросуздалские, и в московские времена. В петербургский период у нее уже не было прежней силы. В 1743 г. Синод обращается в Сенат с ходатайством о запрете «скачек, ристаний, плясок, кулачного боя и других бесчинств», но получает ответ: «Подобные общие забавы... служат для народного полирования, а не для какого безобразия».

Эта черта русской жизни мало менялась с веками, поэтому описания XVIII в. приложимы и к гораздо более ранним временам. «Склонность к веселостям народа здешней губернии, — сказано в «Топографическом описании Владимирской губернии» за 1784 г., — весьма видна из того, что они не только в торжествуемые ими праздники при пляске и пении с своими родственниками и друзьями по целой неделе и более (sic! — А. Г.) гуляют, но и в воскресные летние дни». Другое описание, другая губерния, Тульская: «Поселяне сей губернии нрава веселого и в обхождении своем любят шутки. Пение и пляски любимое ими препровождение времени».

Народные игры (помните некрасовское: «в игре ее конный не словит...»?) и развлечения часто отличала замысловатость, приготовления к ним требовали времени. В Костромской губернии «в больших вотчинах в сыропустное воскресенье собирается съезд из нескольких сот (! — А. Г.) лошадей» со всадниками, ряженными в соломенные кафтаны и колпаки². Весьма сложной (наездник прорывался к снежной крепости через препятствия), требовавшей долгой подготовки была изображенная Суриковым забава «взятие снежного городка».

Нынче выходит много халтурных переводных энциклопедий. В одной (или даже не в одной) из них можно прочесть,

¹ Н. И. Костомаров. Указ. соч. С. 203—204.

² См: «Очерки русской культуры XVIII века», ч. 4. — М., 1990. С. 289, 351, 352 и др.

что мороженое впервые появилось в христианских странах благодаря Марко Поло, вывезшему в XIII в. его секрет из Китая. Если это и так, секрет был на следующие четыре века Европой забыт. Но задолго до Марко Поло, в Киевской Руси, замороженное и наструганное сладкое молоко подавали к столу не только зимой, но и летом. На Русском Севере оно исстари было обычным крестьянским лакомством. Уже в петербургские времена многих иностранных путешественников потрясало то, что русские пьют летом замороженные соки и даже чай со льдом. *«Русские использовали огромное количество льда в домашнем хозяйстве... Так как все, даже крестьяне, имели собственные погреба, русские не могли себе представить, как можно содержать хозяйство без ледника»*¹.

Мало кому известна следующая подробность. В средневековой Европе кушанья подавались на стол все сразу — каждое из них могло быть обильным, но число их никогда не было велико. В России драматургия трапезы состояла в нескольких «переменах» блюд. Позже этот обычай переняли в Европе, редуцировав до деления на первое, второе и третье. Описывая схожую эволюцию в странах Востока, немецкий автор А. Мец напоминает: *«...так в XVIII в. французская манера одновременной подачи всех кушаний сменилась распространенной ныне во всей Европе русской манерой»*².

8. Сравним быт горожан

Общая нестесненность российской жизни избавила нас от узких улочек, ставших «уютными» — да и то лишь с точки зрения туристов — только после полной реконструкции ради привлечения последних. Жизнь в русских городах не толкала и к разработке разных типов междуэтажных лестниц внутри узкого жилища, которое необходимо было втиснуть между двумя соседними. Блоки и другие устройства для втаскива-

¹ *Suzanne Massie. The Land of the Firebird. The Beauty of Old Russia. — N. Y., 1980, с. 249. Есть русский перевод.*

² *Адам Мец. Мусульманский Ренессанс. — М., 1973. С. 316.*

ния тяжелых предметов через окна также не могли появиться на Руси — не было нужды в подобных устройствах.

Изобретательность решает только те задачи, которые ставит жизнь. Там, где дома из дерева, чаще пожары. Именно поэтому на Руси появились сборно-разборные деревянные дома с пронумерованными деталями. Такие дома появились в России очень давно. Дипломат Адольф Лизек видел (в 1675 г.) в продаже разборную колокольню. Продавались даже мосты и башни!¹ Адам Олеарий описал их в 1630-е гг., но существовали они исстари. Позже, в XVIII в. (в 1778 г.), английский путешественник Уильям Кокс увидел это так: *«Покупатель, являясь на рынок, объявляет, сколько хочет иметь комнат, присматривается к лесу и платит деньги... Не стоит большого труда перевезти дом и собрать в одну неделю»* (W. Coxe «Travels in Poland, Russia, Sweden, and Denmark». London, 1784).

Русские путешественники, попав в Европу, удивлялись: как это можно жить в каменных домах? Они находили это крайне нездоровым. (Миллионы людей во всем мире продолжают находить это по сей день.) Когда же каменные постройки, тем не менее, начали распространяться и в России, стены внутри комнат стали обшивать тесом, подкладывая под него мох².

Об условиях жизни простых людей в тесных и скученных европейских городах страшно даже думать. Историк Юджин Вебер, изучивший эволюцию городского хозяйства Парижа и Лондона, описывает, как выглядели узкие улицы Парижа в течение всего Нового времени (Средние века едва ли были веселей): *«Дома стояли меж зловонных болот. У порогов гнили отбросы, здания утопали в них все глубже и глубже... С XVI в. Париж стоял на выгребных ямах, они источали миазмы и зловоние»*³. На страницы исторических сказок вроде «Трех мушкетеров» все это, естественно, не попало. И очень хорошо, что не попало — это испортило бы нам удовольствие от

¹ В. О. Ключевский. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1991. С. 176.

² Там же. С. 169 и 189.

³ Eugene Veber. From Ordure to Order. The New Republic, July 1, 1991; русский перевод: Интеллектуальный форум, № 1, 2000.

чтения, а скорее всего, просто исключило бы саму возможность появления подобной литературы.

Профессия мусорщика, продолжает Вебер, появилась лишь в конце XVIII в. *«Бытовой мусор вперемешку с требухой, испражнениями и падалью сваливали в тянувшиеся вдоль улицы сточные канавы. Туда же выбрасывали трупы недоношенных младенцев. Еще в конце XIX (девятнадцатого! — А. Г.) века префекты издавали циркуляр за циркуляром, предписывавшие обязательное захоронение мертвого плода. Трупы младенцев выбрасывали в канавы, реки, оставляли в общественных уборных, а после 1900 г. (!) — в коридорах метро, ибо за самые дешевые похороны надо было отдать пятидневную зарплату. Сточные канавы напоминали овраги, во время ливней по ним с ревом неслись грязевые потоки, и вплоть до XIX в. бедняки промышляли тем, что помогали своим богатым согражданам одолевать эти препятствия, переводя их за небольшую плату по самодельным мосткам. Из канав помои стекали в Сену»*. Нестерпимое зловоние в районе Лувра побудило королей переселиться в Тюильри, но и там вонь была ненамного меньше.

«Судебные архивы 40-х годов XIX в. (девятнадцатого! — А. Г.) содержат немало дел, — продолжает Вебер, — о привлечении к ответственности домовладельцев и слуг за опорожнение ночных горшков из окон верхних этажей. В этом же десятилетии появились первые общественные уборные, но мужчины и некоторые женщины продолжали мочиться, а то и испражняться у порогов домов, возле столбов, церквей, статуй и даже у витрин магазинов. Содержимое выгребных ям просачивалось в землю, заражая воду в колодцах, а воздух дымился от гнилых испарений».

Париж не был исключением. Такой была городская жизнь во всех странах, которые у нас ныне ласково зовут «цивилизованными», подразумевая, что такими они были всегда. Как подчеркивает Вебер, *«Англию антисанитария терзала веками»*, причем люди сжились с ней. Вебер приводит поговорку жителей Йоркшира, которая в вольном переводе звучит так: *«Где грязь, там и карась»*. Верхушка общества страдала от

антисанитарии не меньше, чем простой народ. Жители королевского Виндзорского замка постоянно болели «гнилостными лихорадками», ставшими причиной преждевременной смерти очень многих (включая принца Альберта, мужа королевы Виктории). В середине XIX в. «под Виндзорским замком обнаружили 53 переполненные выгребные ямы»¹. Летом 1848 г. в Лондоне случилась «великая вонь», попавшая в историческую летопись английской столицы. Кто мог, бежал из города, остальные завешивали окна мокрой парусиной.

Список городских ужасов этим не исчерпывался. Еще одна цитата из Вебера: «С 1781 г. Монфокон на северо-востоке Парижа был единственной городской свалкой. Прежде там стояли виселицы, и трупы преступников разлагались вместе сдохлым зверьем среди вздымавшихся все выше гор мусора». К этому добавлялась «вонь гниющих туш, которые привозили со скотобоен. К 1840 г. (!) здесь образовался громадный пятиметровый пласт из жирных белых червей, которых продавали рыбакам... Процесс естественного гниения превратил Монфокон в огромный смердящий пруд. Большая часть этого месива просачивалась в землю, оттуда — в колодцы северной части Парижа, ветер же разносил зловоние по всему городу».

Наверное, можно не продолжать. Совершенно очевидно, что при всех возможных (и законных) оговорках качество жизни простых людей Руси — России, по крайней мере до Промышленной революции, было выше, чем в странах Запада. Больше было и возможностей вырваться, пусть и с опасностью для себя, из тисков социального контроля. Наличие такого рода отдушин обусловило постепенное заселение «украинных» земель вокруг ядра Русского государства. А вот, например, для английского народа, доведенного до крайности «огораживаниями» и «кровавыми законами», подобная возможность впервые открылась лишь в XVII в., с началом заселения колоний.

¹ Справедливость требует заметить, что Лондон был похож на Париж лишь в своем центре. За пределами городского ядра он, как и Москва, представлял собой «большую деревню» (правда, без бань во дворах).

Жители исторической России оставались в своей массе счастливыми и уверенными в себе безотносительно к тому, что сегодня именуют «объективными показателями». Генерал Патрик Гордон, проведший на русской службе 38 лет (с 1661 по 1699 г.), в своем «Дневнике» находил русских надменными («insolent»), высокомерными («overweening») и «*ценящими себя выше всех народов*». Дословно того же мнения был австрийский посол барон Августин Мейерберг, называющий русских «*высокомерными от природы*» и ставящими себя «*в любых смыслах превыше всех на земле*». Рискну предположить, что за высокомерие иностранцы принимали твердую уверенность своих собеседников в правильности православного мироустройства.

От века к веку этот настрой менялся мало. Он продолжал преобладать даже в XIX в. Хотя его поколебала неудача России в Крымской войне, тем не менее, когда Этнографическое бюро Императорского Русского Географического общества занялось в 1899 г. изучением вопроса о патриотизме простого народа (это был, по сути, социологический опрос), преобладающий тон ответов был обобщен так: «*В народе существует глубокое убеждение в непобедимости России*»¹.

¹ М. М. Громыко. Мир русской деревни. — М., 1991. С. 229.

Глава восьмая

Русское политическое творчество

1. Очень Большое Преувеличение

Мы привыкли преувеличивать возраст либеральных и демократических ценностей, ставших во второй половине XX в., а точнее, к его концу более или менее общепринятыми. Западноевропейцы охотно поощряют и даже культивируют подобные заблуждения. У собирателей в ходу глагол «застарить», то есть с помощью особых приемов добиться того, чтобы картина, рисунок, статуэтка, ковер казались более древними, чем они есть. Но застаривают не только предметы, застаривают политические понятия — причем из тех же соображений: чтобы задрать цену, играя на благоговении перед древностью. Именно по этой методике нас неустанно стращают сугубой древностью западноевропейских демократий. От нас ждут, что мы сочтем их восходящими без всяких разрывов если не к каменному веку, то уж как минимум ко временам эллинских полисов (а это застаривание на два с лишним тысячелетия). Нынешние западные демократии хотят, чтобы мы признали их строителями Акрополя лишь на том основании, что они раньше нас сфотографировались на его фоне.

Особенно хорошо смотрятся в этой роли новые члены Евросоюза. «Мы — люди Европы, люди западной цивилизации, —

говорят финские, латвийские, словацкие, румынские и т. п. нотабли, сглатывая горделивый ком в горле, — у нас, знаете ли, совершенно другой, чем у вас, менталитет, другие традиции». Скоро к ним по праву присоединятся их албанские, боснийские, турецкие, молдавские, а то даже и косовские коллеги.

Не хочу быть неверно понятым. Румыны, албанцы, финны, латыши, турки, грузины и т. д. в ходе своей истории несомненно создавали собственные демократические институты и веками жили при них. Потребность в народоправстве — в природе людей, и это избавляет все нации без исключения от обязанности непременно виснуть на подоле умозрительной западной демократии. То же относится и к либерализму. Английский профессор Пол Сибрайт и его ученики вполне доказательно утверждают, что либерализм есть общее духовное наследие практически всех народов и культур, существующих сегодня на свете.

Тем не менее Запад ждет от нас, что мы сделаем примерно такой завистливый вывод: у них, у благословенных «людей Европы», всегда были многопартийные демократии, выверенные идеологии, осмысленное политическое планирование. По контрасту с этими счастливыми, придумавшими кабинки для тайного голосования едва ли не одновременно с плугом, есть совсем другие народы, не дозревшие до такого чуда даже сегодня. Посему эти вторые должны есть глазами первых и поступать, как те им внушают. Именно в этом скрытый посыл большинства из бесчисленных (но написанных под копирку) статей о России, переводами которых нас ежедневно балуют сайты «ИноСМИ. Ру» и «ИноПресса. Ру».

Но хронология демократии совсем не такова. Современный английский историк и политолог Доминик Ливен напоминает: *«В 1830-е годы в Британии начали появляться первые полудемократические институты, приобретало влияние общественное мнение»*¹. Георгий Дерлугьян, профессор Северо-Западного университета в Чикаго, убедительно обосновывает вывод (*Известия*, 18.01.2006), способный сразить

¹ Цит. по: М. Леонтьев. Большая игра. — М.—СПб., 2008. С. 61.

многих российских либералов: *«Американская демократия начинает(!) становиться полноценной только в 1960-е(!) годы»*. Важно при этом понимать, что созревание 1960-х было следствием всего предшествующего развития США — конституции 1776 г., Гражданской войны 1860-х гг., усиления законодательной ветви власти, борьбы профсоюзов, прессы. Это был Путь. Каждому народу дорог свой путь, плоды которого не свалились с неба, а добыты в борьбе.

Кто-то сильно удивится, особенно по поводу Англии: как же так, парламент и партии существуют в этой стране с незапамятных времен! Ему будет интересно узнать, что первый в мировой истории закон, легализовавший политические партии («Reform Act»), появился в Англии одновременно с железными дорогами, в 1832 г. Благодаря этому закону было формализовано существование двух верхушечных мировоззрений — «вигов» и «тори», — впервые обозначившихся в конце XVII в. и с тех пор соперничавших. «Тори» были приверженцами абсолютной монархии, их идеалом было «непротивление народа божественному праву королей»; «виги» же выражали интересы растущей торговли. Формализация, которую предписал «Reform Act», заставила партии присвоить себе официальные названия. «Виги» оформились в Либеральную партию, «тори» — в Консервативную, начали складываться местные отделения партий. Либеральная партия стала первой в мире постоянно действующей партией, причем произошло это лишь в 70-е годы XIX в.

Реформа 1874 г. впервые ввела в Англии тайное голосование, прежде депутатов выбирали открыто. Но английский парламент даже до реформ XIX в. был действительно передовым для своего времени! Его эволюция очень извилиста и неоднозначна, однако по итогам веков оказалась настолько успешной¹, что уже в конце XIX в. вестминстерская система была признана образцом для подражания. В континентальной Европе партии нового типа, близкого к современному, нача-

¹ Сколько-нибудь удовлетворительная история становления английского парламентаризма в популярном изложении мне не встретилась, в связи с чем я сам сделал такое изложение (по целому ряду источников) в своей книге «Традиции свободы и собственности в России» (М., 2007; см. с. 113—117, 149—151, 175—176 и 201—211).

ли формироваться после волны революций 1848 г. на основе возникших в революционную пору клубов и кружков.

Между 1840 г. и Первой мировой войной, т. е. на протяжении примерно 70 лет, парламентские системы и политические партии оформились и были постепенно узаконены почти во всех христианских странах, включая Россию. Но не будем забегать вперед.

2. Поиск модели

Партии существуют столько, сколько существуют коллективные интересы. В организации с членскими взносами и членскими билетами они превратились исторически вчера, да и то не все. Но всегда существовали люди, считающие правильным «то» и неправильным «это», приверженцы тех или иных умонастроений (т. е. идеологий), группы сторонников той или иной власти или политики, клики того или иного лидера. А это и есть партии — так, как это слово понималось минимум до начала XX в.

Академик С. Ф. Платонов, один из крупнейших русских историков, видит у нас вполне отчетливые партии уже 900 лет назад. Согласно его описанию, Новгород XII в. делился *«не на случайные толпы враждебных лиц, а на определенные организации или корпорации, из которых слагался город в целом или его отдельные концы»*... Отдельное лицо, даже значительное, *«поглощено той средой, к которой принадлежит, тем общественным союзом, который определяет положение его в городе. Ссорятся не лица, а союзы, и на вече идут не лица, а союзы; голосуют там не лица, а союзы»*. Новгородское вече *«не слагается из отдельных лиц, а представляет собою сумму организаций, составляющих политическую общину»*¹.

¹ С. Ф. Платонов. Вече в Великом Новгороде. Конспект лекции, прочитанной 23 апреля 1915 г. в Новгороде. Новгород, 1916 (цит. по: А. В. Петров. Социально-политическая борьба в Новгороде в середине и второй половине XII в. // Генезис и развитие феодализма в России. — Л., 1988. С. 40).

Другой пример из русской истории, чуть более близкий, XV—XVI вв. При Иване III началась борьба партии «нестяжателей», руководимой сперва Нилом Сорским (в миру Николай Майков), после его смерти — Вассианом Патрикеевым, а позже — духовником царя Сильвестром, против партии «иосифлян» во главе с Иосифом Волоцким (в миру Иван Санин) и его последователями. Победили в этой борьбе, длившейся не менее 70 лет (начиная с 1489 г.), иосифляне. Сперва они блокировались с удельно-княжеской оппозицией и выступали против царской власти, чьей целью было присвоение (по научному — секуляризация) церковных земель. Они не дали царям (великим князьям) Ивану III, Василию III, Ивану IV Грозному провести «нестяжательские» решения на соборах 1503, 1531 и 1551 (Стоглавом) годов. При этом, умело используя стремление московских государей соблюсти видимость нейтралитета по отношению к борьбе двух партий, иосифляне сумели не рассориться с властью. Более того, предложив ей помощь в борьбе со светскими феодалами, иосифляне добились ее поддержки и уступок.

Понятно, что нестяжатели были идейно ближе власти, но им мешала собственная принципиальность. Так, Вассиан Патрикеев, воспротивившись разводу и второму браку Василия III, тем самым упустил политическую выгоду для своей партии. Сильвестр в 1547 г., во время пожара Москвы, произнес обличительную («кусательную») речь против молодого Ивана IV, будущего Ивана Грозного, обвинив того в буйстве и иных грехах. Правда, вслед за этим он был, против ожидания, приближен к царю, однако не воспользовался случаем: после поражения нестяжателей (и царя!) на Стоглавом соборе сблизился с боярской оппозицией, а в 1560 г. удалился от двора.

Итак, трем царям подряд не удастся провести на соборах угодные им решения, постоянно налицо княжеская оппозиция Кремлю, не дремлет и Дума (именуемая в современной литературе Боярской), важнейший орган управления страной, история которого не прерывалась с X в. до Петра I, соперничали идеолог дворянства Иван Пересветов и боярства — Андрей Курбский. Могла ли политическая борьба такого накала проис-

ходить без партий, пусть неформализованных? А где они были формализованы в былые века? Может быть, партии Тюдоров и Стюартов выдавали членские билеты и имели партийные организации? Или шведские «колпаки» и «шляпы»?

Разнообразие политических и социальных воззрений — это разное видение будущего. Для русской публицистики XV—XVI вв. характерны и геополитические проекты (Филофей с его «Третьим Римом»), и конкурирующие предложения о развитии страны.

Автор одного из таких предложений — Ермолай Прегрешный, священник церкви Спаса на Бору, выдающийся писатель своего времени, автор трактатов «Книга о Троице», «Зрячая пасхалия», а главное — «Повести о Петре и Февронии» (*«новых чудотворец Муромских»*), истории любви князя и крестьянки. В своем трактате «Правительница» Ермолай Прегрешный предложил большую программу преобразований в экономике, податной системе, военной службе, особенно настаивая на свободе беспошлинной торговли. Стремясь облегчить положение крестьян, он убеждал оградить их от произвола землемеров и сборщиков, призывал заменить денежные подати натуральными (в размере пятой части производимого), освободить крестьян от выполнения ямской повинности, переложив ее на города. Его заботила экономическая база помещного дворянства, в котором он видел важную опору государства. Выражая интересы этого сословия, Ермолай Прегрешный предлагал выделять землю (трактат содержит целое руководство по измерению земли) дворянам-«воинникам», причем размер надела зависел бы от военного чина. То есть дворяне должны были стать ратными служащими государства, кормящимися от землевладения. Они должны были жить в городах для быстрой мобилизации в случае государственной нужды. Этот план осуществлен не был.

Ермолая Прегрешного отличало то, что он стремился победить зло ненасильственными способами, путем постепенных преобразований. Совсем не таков его современник Иван Пересветов. Много лет он провел в качестве наемника, служа то венгерскому королю Яну Заполе, то Фердинанду I Габсбургу.

Из Европы он привез убеждение в том, что самый идеальный строй — военная монархия. 8 сентября 1549 г. он подает царю свои трактаты. В них он рассуждает, среди прочего, о причинах падения Греческого царства (на языке современных историков — Византии) и главную из них видит в возвышение «вельмож». *«Исполнившие казны свои великим богатством... почали о том мыслить, как бы царя [т. е. василевса] укротити от воинства, а самим бы со упокоем пожити»*. Царь же *«велможам своим волю дал и сердце им веселил... а земля и царство плакало и в бедах купалось»*. Рабство стало массовым явлением, а *«в котором царстве люди порабощены, в том царстве люди и не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боитца, а чти [чести] себе не добывает...»*. Переходя к русской действительности, Пересветов пишет об отсутствии «правды», т. е. справедливого закона. Отстаивая, как и Ермолай Прегрешный, интересы дворянства, Пересветов уповает не на реформы, а на царя, грозного и мудрого: *«Не мочно царю без грозы быти; как конь под царем без узды, тако и царство без грозы»*. Пересветов повествует о «турецком царе» и на его примере доказывает, что без сильного войска невозможно ввести правду в государстве. Известно, к какому из двух советов склонился Иван Грозный. И что характерно, советчиком был человек с европейским опытом.

3. Партии и политическое саморазвитие

Присутствие партий, отстаивающих те или иные интересы длительного действия, несомненно на любом отрезке российской истории. Деятельность этих партий определяла развитие страны, но, как и национальная история России вообще, партийная история России пока не написана. Переступить давно заданные рамки отечественные исследователи пока не решились.

Автор «Истории России с древнейших времен» С. М. Соловьев констатирует, что к моменту прихода к власти Петра I русское общество было уже длительное время расколото

между тремя партиями: партией старообрядцев, партией западников-реформаторов («Софьиной партией») и старомосковской партией. Последняя, во главе с патриархом Иоакимом, стремилась законсервировать официальное православие и московскую, к этому времени уже вполне имперскую, традицию, надежно отгородиться от любых внешних влияний.

В. Л. Махнач ясно видит четвертую партию, партию этатистов, т. е. проводников идеи бюрократического государства во главе с Нарышкиными. *«Видимо, изначально они не были западниками, но стали ими в силу этатистского мышления, в силу того, что именно Запад предлагал образцы бюрократического правления»*, совершенно несвойственные России, утверждает историк. Несвойственные, и потому еще более соблазнительные. Тирания Петра (его мать Наталья была урожденная Нарышкина) не была классической тиранией, продолжает Махнач, *«ибо исходила не из эгоистической тиранической воли, а из примата государства»*.

Носители политических идей всегда ищут и находят сторонников, склоняют общество к тому или иному образу действий. Особенно легко активность партий прослеживается в России с 30-х гг. позапрошлого века — времени, когда общественная мысль начинает адекватно отражаться в литературе и журналах. Начиная с этой поры русские писатели и публицисты не дают нам ни малейшего повода усомниться в существовании в России нескольких партий — либеральной, консервативно-этатистской, монархической, сословно-элитарной, клерикальной и нигилистов.

Вызывающе осязаемо присутствие либералов. Иван Аксаков негодовал: *«Целый сонм газет и журналов с самодовольной осанкой возглашает: „Мы — либеральная печать“*». Чернышевский не упускал случая посмеяться в своих статьях над русскими либералами и печатно заявить, что ни он, ни вся «крайняя партия» не имеют с ними ничего общего. «Крайняя партия» Чернышевского — это те, кого советские историки стали величать «революционными демократами».

Либеральной в целом была и такая мощная общественная сила как земское движение, зародившееся в середине 1860-х гг. «Земцев» также постоянно называли партией.

Двумя выраженными партиями были, кроме того, западники и славянофилы. Славянофилы сами себя так не называли, они предпочитали название «Московская партия». Эта партия уже на излете своей популярности фактически залучила в свои ряды даже императора Александра III, в чем не оставляют сомнений ни его политические взгляды, ни художественные вкусы.

Характерен заголовок статьи знаменитого журналиста М. Н. Каткова из «Русского вестника» (№ 7, 1862) «К какой мы принадлежим партии?», характерен и такой отрывок из нее: *«Вывите с корнем монархическое начало... уничтожьте естественный аристократический элемент в обществе, и место его не останется пусто, оно будет занято бюрократами, демагогами, олигархией самого дурного свойства»*. Что-то слышится родное.

Что до России, уже в первой Государственной думе, избранной в феврале 1906 г., было представлено семь партий. Особой политической «отсталости» они не ощущали, так как по сравнению с подавляющим большинством политических партий мира, существовавших в то время, были моложе не на века, а на десятилетия или годы. А то и были их ровесниками. Уже в июне 1906 г. делегация российской Думы участвовала в работе Социалистической конференции Межпарламентского союза в Лондоне. Не наблюдалось у русских партий и страха перед «царизмом». Думцы, не защищенные тогда парламентской неприкосновенностью, вели себя смело, даже если и глупо (самый яркий пример — чудовищное по безответственности «Выборгское воззвание»).

Общее число партий в Российской империи к концу 1917 г. превышало три сотни. После большевистского переворота отдельные из них продержались на птичьих правах до середины 20-х гг. (наиболее известный пример — левые эсеры) и даже дольше (про самых ручных из анархистов, кажется, просто забыли до 1930-х гг., но потом вспомнили)¹, большинство

¹ Адресная книга Москвы 1924 г. содержит как ни в чем не бывало адреса и телефоны таких партий и организаций, как партия социалистов-революционеров (т. е. левых эсеров), анархистов-синдикалистов, этических анархистов, еврейской социал-демократической партии

скрылось в подполье, многие действовали в эмиграции. После вынужденного по известным причинам перерыва партии в России обильно возникают вновь начиная с конца 80-х.

Что же до устойчивой партийной системы, интересное мнение по этому поводу высказал некоторое время назад тогдашний представитель президента в Совете Федерации Александр Котенков (*Газета*, № 148, 21 августа 2006 г.). Такая система, сказал он, *«сложится в России через несколько избирательных циклов, лет через шестнадцать, не раньше. Когда останется 10—12 реально действующих партий»*. Столь долгое время требуется для того, *«чтобы все устаканилось, чтобы партии набрали силу и в центре, и в регионах»*. Совет Федерации, по мнению А. А. Котенкова, станет выборным, как и Дума, но едва ли раньше, чем произойдет созревание партий. *«Помню, как разрабатывался закон о реформе местного самоуправления (МСУ). Я был одним из разработчиков пакета законопроектов. Когда Борис Ельцин спросил меня, сколько надо времени, чтобы реформировать МСУ, я ответил: тридцать пять лет. Почему? Нужно изменить сознание людей. Должно уйти то поколение, которое считает, что государство — это власть. И прийти то, которое считает, что государство — это прежде всего человек, а органы власти — обслуживающий механизм»*. Ход мысли очень убедителен, но сроки, надеюсь, завышены. Достаточно вспомнить, как стремительно все менялось в России на протяжении двух последних десятилетий.

«Поалей-цион». До 1929 г. активно выпускало профильную литературу анархистское издательство «Голос труда». Роман Редлих (1911—2005) в своей книге «Предатель» описывает существовавший еще в 1931 г. (но, похоже, доживавший последние дни) Анархистский клуб — где-то рядом с Пречистенским (ныне Гоголевским) бульваром в Москве. В начале 30-х еще действовала Секция анархистов при музее П. А. Кропоткина по адресу: Кропоткинский переулок, 26 (ныне в бывшем музейном здании посольство Палестины). Организации христианских анархистов и толстовцев были окончательно ликвидированы органами ОГПУ — НКВД около 1935 г.

Глава девятая

Оклеветанное царство

1. Права человека в допетровской Руси

Московская (в самом широком смысле слова) Русь уже триста лет остается изрядно оклеветанной, преодолевается эта инерция с огромным трудом. Обнадёживает одно: стоит серьезному исследователю углубиться в конкретный вопрос, тут же выясняются подробности, разгоняющие мрак.

Так, долгое время подразумевалось, что женщины на Руси были бесправны со времен гостомысловых. Но когда Н. Л. Пушкирева изучила проблему по-настоящему основательно (в книге «Женщины Древней Руси» — М., 1989), выяснилось совсем другое. Исследовательница на огромном материале показала объем прав женщин X—XVI вв. на владение и распоряжение имуществом, на приобретение и реализацию земельной собственности, на возможность отстаивать свои интересы в суде. Жена могла быть опекуной, *«что было немислимо в те же времена на Западе»* (с. 107). Она причислялась к первому ряду наследников, причем переживший жену супруг оказывался в худшем положении, чем она, — он мог только управлять ее имуществом, но не владеть им. Жена сама, в отличие от мужа, выбирала, кому передать свое наследство. Даже незаконная жена могла претендовать на наследство. Исследовав законы о

земельной собственности, Пушкарёва впервые показала, что женщина на Руси могла осуществлять практически любые сделки даже без участия мужа. За ущерб женщине законы обязывали наказывать виновного более сурово, чем за аналогичные преступления в отношении мужчины. Цитата: *«Мнение о приращенности женщины по сравнению с социальным статусом мужчины — не более чем миф, появившийся в эпоху становления капитализма»* (с. 211).

В число политических прав и свобод в самом современном понимании входит право на подачу обращений (петиций). В допетровские времена важным источником участия общества в развитии страны были челобитные. Царь был доступен, поскольку ходил к службе в Успенский собор Кремля пешком, а так как Кремль был открыт, теоретически любой мог подать царю челобитную. Это был обычай, известный с первых великих князей Московских. Особенно много желающих подать челобитную набиралось в праздники. При большом стечении народа редко кому удавалось передать ее лично в руки, но беды в том не было. Адам Олеарий описывает, как при приближении царя (Михаила Федоровича) люди в толпе поднимали челобитные над головой. Их собирал чиновник и уносил в Челобитный приказ. В случае надобности челобитчиков дополнительно расспрашивали и по их челобитным и «расспросным речам» составляли доклад боярам. Далее челобитная получала либо «указ», дававший ей ход, либо «отказ», составлявший ее без последствий. В первом случае челобитная становилась «подписной» и отправлялась в тот или иной приказ, где делом занимались по существу, она была, если пользоваться современным жаргоном, «на контроле». Челобитные по делам, превышавшим компетенцию приказов, минуя бояр, передавались прямо царю. Сохранилось немало челобитных с царскими резолюциями.

В. О. Ключевский показал исключительно важное значение «подписных челобитных». В них *«выражались нужды отдельных лиц и целых обществ, указывались недостатки суда и управления»*, они влияли на развитие московского законодательства. *«Это была наиболее обычная, так сказать,*

ежедневная форма участия общества в устройении общественного порядка [выделено мной. — А. Г.]. В памятниках XVII в. есть многочисленные следы коллективных челобитных, поданных служилыми людьми московских чинов, дворянами разных уездов и другими классами с заявлением своих местных или сословных нужд, с указанием на какой-либо пробел в законодательстве. Эти челобитные подавались обычным порядком, как и другие частные просьбы, докладывались и подписывались думными дьяками, вызывали “выписи” и доклады из приказов, обсуждались в Думе и, таким образом, подавали повод к очень важным узаконениям».

Повседневное участие общества в совершенствовании общественного устройства — как раз и есть то определение, которое в современной политологии дается «гражданскому обществу».

Не забудем, правда, что в царствование Михаила Федоровича (1613—1645) население всей России составляло от силы 4—5 млн человек, меньше половины жителей сегодняшней Москвы. Такая малолюдность, конечно, упрощала обратную связь власти с населением и вообще делала ее возможной. Челобитные подавали, естественно, не только москвичи, их доставляли и из самых дальних концов государства.

В своей книге «Народная монархия» поразительный автор Иван Солоневич, кажется, первым привлек внимание к тому факту, что русский Судебник 1550 г. содержит положения, на век с лишним опередившие то, что считается главной вехой на европейском пути к правам человека. Пересказываю доводы Солоневича из 4-й главы его книги. Русским интеллигентам, пишет он, тыкали в нос английский Habeas corpus act, забывая упомянуть, что в России подобный акт был введен на 129 лет раньше английского: по Судебнику 1550 г. власти не имели права арестовать человека, не предъявив его представителям местного самоуправления — старосте и целовальнику, иначе последние по требованию родственников могли освободить арестованного и взыскать с представителя администрации соответствующую пеню «за бесчестье».

Солоневич приводит далее слова В. О. Ключевского, который «напоминает о старинном праве управляемых жаловаться высшему начальству на незаконные действия подчиненных управителей»: «...по окончании кормления обыватели, потерпевшие от произвола управителей, могли обычным гражданским порядком жаловаться на действия кормленщика», причем «обвиняемый правитель... являлся простым гражданским ответчиком, обязанным вознаградить своих бывших подвластных за причиненные им обиды... при этом кормленщик платил и судебные пени и протори... Истцы могли даже вызвать своего бывшего управителя на поединок...»

Читаем у Ключевского далее: «Съезд с должности кормленщика, не умевшего ладить с управляемыми, был сигналом к вчинению запутанных исков о переборах и других обидах. Московские судьи не мирволили своей правительственной братии...» То есть, бюрократической солидарности в те времена в Москве не существовало. И сидевшим «на кормлении» воеводам лучше уж было «уметь ладить» с населением: иначе суды, пени, штрафы, а не то и поединок, «поле», т. е. дуэль, способ в те времена общепринятый.

Исключая последний «способ», описан вполне правовой, юридически грамотный образ действий. Приятно удивившись, спросим у себя: есть ли в копилке нашей памяти что-либо, относящееся к допетровскому суду? Забавная сказка «Шемякин суд»? Убеждение, что судопроизводство было примитивным и несправедливым, что в судах сидели сплошные мздоимцы? А собственно, где доказательства? Примитивным оно точно не было — половина нашего юридического словаря оттуда: «очная ставка», «вчинить иск», «ничтожная сделка», «допрос», «истец», «свидетель», «улика», «с поличным», «с повинной», «розыск», «обыск», «понятой» и т. д.

2. Суд, и не Шемякин

Тот, кто брал и давал взятки, лжесвидетельствовал, подделывал улики, рисковал в те времена куда больше, чем се-

годня. За неправомерные приговоры и злоупотребление властью судебных ждали строгие уголовные наказания. За намеренное извращение протокола дьяку грозила тюрьма, подьячего за то же ждала «торговая казнь» (наказание кнутом).

Подкинутая улика называлась «подмет», подлог актов — «подписка». Виновным в особо тяжких фальсификациях подьячим отсекали пальцы, *«чтобы впредь к письму были непотребны»*, но иногда оставляли в должности. Так и работали — без пальца или даже двух.

Начиная с XV в. для страховки от возможного судебного произвола жители стали посылать в суды своих выборных (сотских, старост, целовальников). Эти люди становились как бы понятыми на суде, чтобы судящимся «не творилось неправды». Тем самым публичность судопроизводства приближалась к совершенству, а возможность злоупотреблений резко падала.

Статья 97 Судебника 1550 г. ввела положение о том, что закон обратной силы не имеет — этот принцип еще не стал очевидным даже четыре с лишним века спустя, в начале заката СССР, хотя это время принято считать почти травоядным (дело Рокотова, Файбишенко и Яковлева 1961 г.).

Понятию судебной защиты чести и достоинства в Московской Руси посвящена монография Нэнси Коллман¹, исследовавшей вопрос на основе анализа законодательных актов и судебных дел об оскорблении чести. Изучено свыше шестисот дел, что обеспечило надежность выводов. Работа Коллман охватывает время от Ивана Грозного до Петра I — между 1560 г. и началом XVIII в. Около трети изученных Коллман случаев составили дела, где истцами выступали крестьяне, холопы, посадские и даже гулящие люди, причем далеко не всегда (примерно в 55 % случаев) равные судились с равными. В 148 случаях иск о возмещении за «бесчестье» вчинял человек с более высоким статусом, зато в 120 случаях удов-

¹ Kollmann N. S. By Honor Bound: State and Society in Early Modern Russia. Ithaca & London, 1999.

летворения требовало нижестоящее лицо. Разрыв, как видим, не так уж велик. Н. Коллман убедительно показывает, что система защиты чести охватывала все население Русского государства, эта система была именно средством охраны личного достоинства, а не орудием социального контроля или угнетения, как утверждали советские историки. Закон регулировал не только отношения частных лиц. Как бесчестный поступок, позорящий должностное лицо, рассматривалось злоупотребление служебным положением! Человек, пострадавший от произвола воеводы или дьяка, имел право требовать возмещения вреда.

«Бесчестье» возмещалось в денежной форме: *«Торговым людем и посадцким людем и всем середним бесчестиа пять рублев, а женам их вдвое бесчестиа против их бесчестиа; а боярскому человеку доброму бесчестиа пять рублев, опричь тиунов и доivotчиков, а жене его вдвое; а тиуну боярскому или доivotчику и праведчику бесчестна против их доходу, а женам их вдвое; а крестиянину пашенному и непашенному бесчестиа рубль, а жене его бесчестиа два рубля; а боярскому человеку молотчему или черному городцкому человеку молодчему рубль бесчестиа, а женам их бесчестиа вдвое».*

Появившееся век спустя Уложение 1649 г. довольно тщательно регламентирует судебный процесс, чтобы *«всем людем Московского государства, от большаго до меньшаго чину»* можно было доказательно отстаивать свою правоту, а суд вершился бы, *«не стыдяся лица сильных»*. Неправедный (*«по посулам, или по дружбе, или по недружбе»*) суд сурово карался, равно как и любая фальсификация (включая *«чернение, меж строк приписки и скребление»*) документов судебного дела. Множество статей защищали от бесчестия, клеветы и *«непригожих слов»*, притом иск мог вчинить и крестьянин, и даже *«гулящий человек»*.

Уложение 1649 г. обеспечивало и вовсе уникальную вещь, а именно право каждого обратиться прямо к царю через голову всех промежуточных инстанций. Надо было лишь при свидетелях выкрикнуть: *«Великое государево дело»* (в следующем веке — *«Слово и дело»*). Такого человека надлежало

«бережно» доставить в Москву, он сразу становился лицом, защищенным от того, кого он изобличал, будь то хоть сам воєвода.

Был и более простой, притом довольно надежный способ, известный с первых великих князей Московских: подать челобитную монарху лично; у нас шла об этом речь. Устойчивость этой практики говорит о том, что по крайней мере часть прошений удовлетворялась.

(Эта традиция — правда, с перерывами — просуществовала до 1881 г., а именно до убийства Александра II. Прошения подавались либо лично в руки, либо опускались, при Павле I, в особый ящик Зимнего дворца. Императоры Александр I, Николай I и Александр II гуляли по Дворцовой набережной во всем известное время, чем пользовались просители, которым никто в этом не мешал. Но и после 1881 г. Александр III и Николай II принимали прошения во время своих путешествий по стране, иногда в церкви.)

В ходе преобразований правительственных ведомств после Смутного времени в 1619 г. появился приказ (т. е. министерство) с красноречивым названием «Приказ, что на сильных быют челом», наряду с Печатным, Полотняничным, Велюкороссийским, Малороссийским, Казачьим, Большого прихода, Аптекарским и так далее.

В Уложении 1649 г. сформулирован принцип «Жена за мужа и дети за отца не отвечают». Он содержался еще в ограничительной записи царя Василия Шуйского 1606 г.: *«Отец виноват, и над сыном ничего не сделать; а будет сын виноват, отец того не ведает, и отцу никакого дурна не сделать»*.

В Уложении обособляются деяния умышленные, неосторожные и случайные, предусмотрена необходимая оборона. Малолетство и явно болезненные психические (бесные) состояния устранили наказание даже при убийстве. Слуги, действовавшие по научению господ, наказывались легче, чем действовавшие самостоятельно.

Не надо думать, что высокий пост гарантировал победу в суде. В 1656 г. патриарх и царь заложили Воскресенский монастырь на реке Истре к западу от Москвы. Замысел со-

стоял в том, чтобы создать уменьшенное подобие Святого града Иерусалима и Святой земли Палестины, с холмами Елеон и Фавор, с Иософатовой долиной, ручьем Кедрон, Тивериадским озером, местностями Галилея и Вифания. Именно с Вифанией вышла незадача. Авторитет царя и церкви позволили относительно легко решить вопросы выкупа почти всех необходимых земель. А вот Вифанию патриарх был вынужден расположить в менее удобном месте — заупрямился землевладелец Роман Боборыкин. Причем этим дело не кончилось: в 1660 г., едва положение патриарха пошатнулось, Боборыкин вчинил жалобу, что патриарх таки отхватил клин его земли. Тяжба тянулась до 1663 г., о ней узнал царь. Он дважды просил, чтобы Никон «сделался» (заключил сделку примирения) с Боборыкиным, но строптивый Никон отвечал отказом. Если бы в тогдашней России царили нравы, обычно ей приписываемые, Никон (вплоть до 1667 г. формально второе лицо в государстве) прихлопнул бы соперника как комара. Однако дело кончилось в пользу Боборыкина: спорная земля была отмежевана судом по его «сказке» (показаниям). Заодно сопоставьте приведенную историю с фантазиями Р. Пайпса (в книге «Россия при старом режиме») о том, будто все земельные владения Русского государства уже в XV и XVI вв. *«перешли в полную собственность царя»*.

Еще один случайно попавшийся пример. Около 1660 г. у купца и предпринимателя Сергея Поганкина возник конфликт с псковским воеводой князем Хованским. Поганкин был обвинен в контрабанде (провозе товаров, минуя псковскую таможену) и сокрытии доходов от налогообложения. Несмотря на огромную социальную разницу сторон, дело решилось в пользу купца.

У сторон в суде был большой набор процессуальных прав. Очень важным было право дать отвод судье или подьячему (секретарю суда), если имелись на то основания. Стороны были обязаны до конца участвовать в судебном разбирательстве, после окончания которого подписывали судебный список, т. е. протокол заседания.

3. Дума Московской Руси как творец «величественного порядка»

Вече, известный большинству европейских народов демократический институт, ни у одного из них не был единственным органом коллективного принятия решений. В любом государственном образовании имелаась верхушка, располагавшая множеством рычагов для отстаивания своих групповых интересов. Им было проще заставить уважать себя. Попробовал бы князь (конунг, герцог, король и т. д.) не прислушаться к мнению знатных вассалов, своей дружины, имущественной верхушки, духовенства! Это было бы опасно. Отсюда появление законосовещательных советов. В Средние века подобными советами обзавелись, видимо, большинство больших и малых монархов — по крайней мере, в Европе. Императоры Священной Римской (фактически Германской) империи созывали совет («таг») по своему усмотрению и в разных городах, но в XII в., при императоре Лотаре, созыв совета стал более или менее регулярным. В Чехии XIII в. король учреждает сейм для совещаний с крупными феодалами. Английский парламент, до появления в XIV в. Палаты общин, был советом королевских вассалов-баронов, прелатов и представителей городов. Русская Дума состояла из «княжьих мужей», духовенства и «старцев градских».

Ранние русские князья все важные решения принимали не иначе, как после совета с дружиной. Князь Святослав, может быть, и принял бы христианство, но дружина такое решение отвергла. Наоборот, обращение в новую веру Владимира состоялось после одобрения боярами. Уже в первые века русской истории появляется такое понятие, как Дума. Тот или иной князь решается на что-то важное не иначе, как *«сдумав с мужами»*. Иногда Дума действовала как суд. Когда Рогнеда, жена Владимира Красное Солнышко, попыталась заколоть спящего мужа, князь созвал бояр и возложил решение на них. (Между прочим, бояре посоветовали Владимиру проявить милосердие, и он их послушался.)

Идея Думы хорошо согласуется с представлениями средневековой Руси о власти. Историки уже давно выяснили, что от начала нашей письменности и до конца XVI в. (т. е. до общеевропейской победы абсолютизма) нет ни одного русского политического текста, в котором царская власть бы понималась бы как абсолютная, ничем не ограниченная. Единственное исключение — доктрина второго десятилетия (1564—1584) царствования Ивана IV Грозного, хотя и с этим царем не все так просто. Для отечественных мыслителей на протяжении почти шести веков «советное» начало было необходимой составляющей верховной власти. Дума была неременным органом при князе, великом князе, царе, она утверждала авторитет их власти, направляла их деятельность, сдерживала царское «самоволие».

Дума присутствует в «Поучении» Владимира Мономаха, написанном около 1117 г.: *«Я хвалю Бога, когда сажусь думать с дружиною»*. Для Мономаха «садиться думать с дружиною» — постоянное, привычное, обязательное занятие. В «Сказании о князьях Владимирских» Владимир Мономах произносит такие слова: *«Съвет ищу от вас, моя полаты, князей и бояр, и воевод, и всего над вами христолюбиваго воинства»*. Мономах просит совета у своей Палаты!

Вполне современное слово «думцы» впервые появляется уже в конце XII в. (или начале XIII в.) в «Слове» и в «Молении» Даниила Заточника — правда, об этом мало кто знает: древнерусский текст читают редко, а в переводе это понятие передано — совершенно напрасно — словом «советчики». Этот литературный памятник пользовался большой любовью, до наших дней дошло множество списков-версий, причем в некоторых Даниил в числе «думцев» великого князя желает видеть деятельных людей, выдвинувшихся не в силу происхождения, а благодаря службе.

В отдельных княжествах (Муромо-Рязанском, Черниговском) сила Боярской думы была настолько велика, что в них не смогла сложиться сильная великокняжеская власть. Первые бояре были вольными дружинниками князя. Позже бояре превратились в состоятельных людей, землевладельцев, не-

сших службу у того или иного удельного князя по вольному уговору с ним и занимавших на этой службе высокие должности. Они составляли его обычный совет, с которым он «думает об устроении земли». То есть составляли Думу.

Независимость боярских суждений при обмене мнениями в Думе у князя обеспечивалась достаточно просто: недовольный князем боярин всегда мог «отъехать» от него к другому князю, это не считалось ни изменой, ни постыдным поступком; если отъехавший к другому князю боярин владел землей в княжестве первого, он оставался ее хозяином. Но княжеств делалось все меньше, в централизованном Русском государстве отъезжать стало не к кому. Однако, как показал историк А. Л. Янов (не путать с В. Л. Яниным), утратив такую возможность, бояре обрели другую — выход на политическую арену, они превратились в правительственный класс: в XV в. боярство становится высшим служилым чином.

Обладатель такого чина, имея порой и другие обязанности, обязан был заседать в Думе, становился постоянным «думником», или «думцем». Вторым «думным» чином было окольничество. Окольничьи — это тоже были бояре, но не из особо знатных родов. Кроме того, Дума не могла обходиться без думных дьяков и подьячих.

Приведу оценку, данную Думе В. О. Ключевским: *«С X и до XVIII в. Боярская дума стояла во главе древнерусской администрации, была маховым колесом, приводившим в движение весь правительственный механизм; она же большею частью и создавала этот механизм, законодательствовала, регулировала все отношения, давала ответы на вопросы, обращенные к правительству. В период наиболее напряженной своей деятельности, с половины XV и до конца XVII в., это учреждение было творцом сложного и во многих отношениях величественного государственного порядка, установившегося на огромном пространстве Московской Руси, того порядка, который только и сделал возможными смелые внешние и внутренние предприятия Петра, дал необходимые для того средства, людей и самые идеи; даже идеи Петра, по крайней мере основные, наиболее плодотворные его идеи, выросли из московского госу-*

дарственного порядка и достались Петру по наследству от предшественников вместе с выдержанным, удивительно дисциплинированным политическим обществом, руками и средствами которого пользовался преобразователь».

К этой тщательно выверенной характеристике трудно что-либо прибавить. Единственное уточнение: современники не употребляли выражение «Боярская дума», редко говорили и просто Дума, а чаще выражались описательно: «и бояре, и окольничие, и думные люди», тогда как книжники называли Думу Синклитом или Палатой. Иногда, в переписке с Литвой, Дума называла себя Радой.

Советские историки старались принизить роль Думы, изображая ее как совещательное собрание при царе, имевшее очень ограниченное влияние. Это утверждение не согласуется с установленными фактами. Дума была правительственным учреждением — ее члены не только давали «экспертные заключения», как бы мы сказали сегодня, но и сами возглавляли «пути» — что-то вроде отраслевых управлений. Появление в XVI в. системы «приказов», т. е. министерств, не принизило роль Думы. Крупные приказы возглавили думные бояре и окольничьи, более мелкие — думные дворяне.

В нарушение принципа разделения властей (тогда, впрочем, еще не провозглашенного), Дума и «законодательствовала», и отправляла правительственные функции, приводя «в движение весь правительственный механизм». Роль Думы резко возрастала при малолетстве великих князей, а позже — царей.

Дума, собиравшаяся по понедельникам, средам и пятницам, не была «ручным» органом. Думцы не просто оглашали свои соображения, но и отстаивали их. Подробные стенограммы в те времена еще не велись, но известно, что ее заседания проходили в прениях, достигавших порой большого накала. «Встречи», т. е. возражения царю, были обычным явлением. Об Иване III рассказывали, что он любил и даже поощрял «встречу». Из слов Ивана Грозного в письме Курбскому видно, что «встречи» в Думе его деда доходили до «*поносных и укоризненных словес*» государю.

4. Большая самостоятельность

Вообще представления о том, что бояре только и делали, что отбивали царям поклоны, пришли из дурной литературы. Даже при таком опасном самодуре, как Петр I, они умели отстаивать свою точку зрения. На обеде у Лефорта иностранным послам удалось увидеть конец одного совещания царя с боярами. Царь явился на обед с боярами прямо с заседания и за столом продолжал прерванное обсуждение дел. По горячности и упрямству, с какими бояре отстаивали перед царем свои мнения, иностранцы сочли это совещание скорее громкой ссорой. Иоганн Корб, секретарь австрийского посольства, из дневника которого почерпнут этот эпизод, находил подобную горячность в разговоре с монархом «в высшей степени неуместной».

Умели они отстаивать свою точку зрения и при Иване Грозном. Лучший знаток русского XVI в. Р. Г. Скрынников, говоря о принимаемых Думой решениях, не зря употребляет выражения: царю «удалось добиться» от Думы, царю «удалось провести» через Думу¹.

Статья 98 Судебника 1550 г. налагала юридический запрет на принятие царем новых законов без согласия Думы. Она устанавливала, что *«дела государевы новые, в сем Судебнике не писанные»*, должны вершиться *«с государева доклада и со всех бояр приговора»*, и только тогда они получали силу закона. Боярский приговор стал санкцией, без получения которой новый закон не мог прибавляться к Судебнику.

Неудивительно поэтому, что думские решения завершаются не только формулой: *«Великий государь говорил, а бояре приговорили»*. Они порой завершаются совсем иначе: *«Великий государь говорил, а бояре не приговорили»*².

Бывало, что царь устранился от решения, отдавая его на откуп Думе. Так, в 1510 г. Василий III предоставил Думе решить политическую судьбу Пскова: *«...творити, как себе судумали»* (т. е. поступить по своему усмотрению). Арест псков-

¹ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. — Л., 1966.

² Д. С. Лихачев. Раздумья о России. — СПб., 2001. С. 39.

ских властей, таким образом, лежит на совести московских бояр, это следствие их «думного приговора».

Дума сама ведала порядком рассмотрения вопросов. В конце 1552 г. Иван IV, уезжая из Москвы, наказал думцам «промыслить о казанском строении», а потом «сидеть о кормлениях», т. е. о замене кормлений¹ денежными выплатами. Поскольку Думу гораздо больше волновал вопрос о кормлениях, им они и занялись, а «казанское строение поотложили», за что на них жалуется летописец.

В 1573 г., во время войны с Швецией, царь написал боярам из Новгорода «о свейском деле поговорити, как с свейским королем вперед быти». Дума «приговорила» вступить с шведским королем в переговоры, приостановив военные действия.

Звание думного человека не было наследственным по закону: в думные чины жаловали, этим Дума отличалась от английской Палаты лордов, членство в которой просто переходило от отца к сыну. Иногда царь собирал не всю Думу, а только тех ее членов, которым он доверял как себе. Это делалось для предварительной подготовки важных решений, особенно в вопросах спорных и щекотливых, способных вызвать «крик и шум велик и речи многие во боярех». Могла быть и другая причина: например, обсуждение дел царской семьи или дворцовых. Иногда же Ближняя дума — в некоторых документах ее именуют именно так — созывалась вместо Большой ради соблюдения тайны, во избежание нежелательных утечек (думское делопроизводство, поясняет Ключевский, соединенное с некоторыми формальностями, сообщало делу известную гласность). Кстати, присягая царю, бояре, окольные и все думные люди обязывались «государские думы и боярского приговору до государева указу никому не проносить и не сказывать».

Когда в 1553 г. царь Иван, тогда еще не прославивший Грозным, опасно заболел, он поспешил составить духовное завещание и привести бояр к присяге новорожденному царевичу. Но сначала в Думу были вызваны лишь некоторые бояре. На

¹ Кормлениями на Руси называли систему содержания должностных лиц (наместников, глав волостей) за счет местного населения, к XVI в. уже сильно устаревшую.

примере этого случая Ключевский показывает, как действовала Ближняя дума: *«После заседания, полного шумных пререканий, большинство приглашенных присягнуло. Эту думу летописец ясно отличает от Думы всех бояр, рассказывая, что на другой день царь призвал всех бояр и пригласил их к присяге. К началу тогдашнего 1553 г. по думскому списку значилось 47 бояр и окольничих, не считая думных дворян и других членов Думы. На совет же „ближних людей“ накануне приглашены были до 10 бояр, 1 окольничий, 1 думный дьяк и 2 думных дворянина... Склонить их в желаемую сторону значило обеспечить мирный успех дела, провести вопрос в Думе без шума»*. Обратите внимание: провести без шума. Не ясно ли, что «мирный успех» был гарантирован далеко не всегда, а «шум» был обычным делом¹.

У Пушкина было замечательное ощущение русской истории. Профессиональный историк может повторить множество пушкинских суждений и характеристик, ничуть их не редактируя. Примечательны слова, вложенные поэтом в уста Бориса Годунова из одноименной трагедии. Умирающий царь напоминает сыну: *«Ты с малых лет сидел со мною в Думе, / Ты знаешь ход державного правленья»* — и требует от него *«с твердостью сносить боярский ропот»*.

По всем уцелевшим свидетельствам, бояре в большинстве своем были горделивы и заносчивы, ладить и договариваться с ними было нелегко.

5. Незаменимость Думы

Деление Думы на «чины» (бояре, окольничие, думные дворяне и думные дьяки) сохранялось до конца ее существования. В первый чин, наиболее важный и престижный, назнача-

¹ Интересная подробность: один из отказавшихся присягнуть, окольничий Федор Адашев, объявил больному царю, что не хочет повиноваться Романовым, которые будут управлять за малолетством Дмитрия; то, что Романовы через 60 лет станут правящей династией, никому тогда не приходило в голову.

лись лица из представителей самых знатных родов — Рюриковичей и Гедиминовичей (Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Куракины и др.), а также старых московских боярских родов (Салтыковы, Шереметевы, Романовы, Морозовы, Шеины и др.), — их невозможно было обойти. Подсчитано, что все они были выходцами из менее чем шестидесяти наиболее древних и знатных фамилий. В XVII в. немалое число людей вошло в состав Думы благодаря родству с царями по женской линии: Стрешневы — при царе Михаиле, Милославские и Нарышкины — при его сыне и внуках. Но конечно же большую роль играли личные и деловые качества — так возвысились Алексей Адашев и Иван Висковатов при молодом Иване Грозном, Артамон Матвеев и Афанасий Ордин-Нащокин при царе Алексее Михайловиче. В конце 70-х гг. XVII в. в составе Думы было уже 97 человек, из них 42 боярина, 27 окольничих, 19 думных дворян и 9 думных дьяков. Аристократический характер Думы постепенно размывался — в Думу попадало все большее количество дворян и дьяков.

Собираясь в обычном составе, Дума слушала доклады по различным вопросам государственного управления и давала на них резолюции. Подготовка оснований для резолюции лежала на докладчике или поручалась тому приказу, который мог дать нужные справки.

Случайно уцелела «шпаргалка» царя Алексея Михайловича, показывающая, как он готовился к заседаниям Думы. Это список вопросов, предлагаемых на обсуждение бояр, и наброски того, что будет предлагать он сам. Готовясь к заседанию, царь явно навел некоторые справки, записал цифры, пометил, какие еще вопросы надо будет выяснить в таком-то приказе: там об этом осведомлены, сделают выписку, и по ней, поговорив с боярами, можно будет прийти к решению; по каким-то вопросам у царя не сложилось мнение, и он не берется предугадать, что решат бояре; по другим он в колебаниях и уступит, если станут возражать. Он даже старается угадать возражения и заготовить ответы. К примеру, шведское посольство хочет послать в Швецию гонца за новыми инструкциями. *«Позволить не будет худа»*, — записывает

Алексей Михайлович. Но ведь гонец сообщит шведам московские вести? *«Они давно все ведают и кроме сего гонца»*. По другим вопросам, как видно из записки, царь уже имеет твердое мнение, за которое он будет упорно бороться в Думе, если встретит сопротивление.

Часто при первом чтении возникала необходимость навести дополнительные справки, и тогда Дума приказывала доложить дело вторично. При втором чтении, случалось, возникали сомнения, верно ли думные дьяки изложили первое чтение. Крупный впоследствии дипломат (он четверть века, в 1570—1594 гг., возглавлял Посольский приказ), Андрей Щелкалов в молодые годы служил думным дьяком и был знаменит привычкой менять смысл указов по своему вкусу и разумению, за что не раз бывал наказан.

Дума XVI—XVII вв. унаследовала от времен удельных князей любовь к созданию всякого рода, как мы бы сказали сегодня, временных комиссий: «ответных» — для переговоров с иноземными послами, по местническим спорам (сложные разбирательства о том, кто знатнее), по земельным тяжбам, по делам управления на время отъезда царя из Москвы, «уложенных» — им поручалось составление проектов Уложений.

Дума выносила судебные решения и административные постановления, на которые нижестоящие власти не решилась бы по недостатку полномочий, по отсутствию или несовершенству закона. Дума проверяла и исправляла действия подчиненных властей, толковала и редактировала закон, заменяла или отменяла его, формулировала новый закон, регулировала отношения, решала всякого рода «небывалые» дела, показывая, как надобно впредь решать их, — ее судебный или административный приговор становился обязывающим прецедентом. То есть она во многом действовала как сегодняшней Верховный суд Российской Федерации (или как Правительствующий сенат Российской империи — до 1917 г.).

Важнейшие вопросы: о прекращении войны со Швецией, о преобразовании земского управления, о Казанском царстве и так далее — вполне могли решаться — и решались — в Думе в отсутствие государя. Как ни удивительно звучит, но

думские правила не требовали, чтобы «приговоры» Думы представлялись на утверждение царю. Царь отнюдь не председательствовал в Думе каждый день, большинство дел Дума решала окончательно и без него, докладывая лишь о том, что требовало «именного указа». Ключевский специально исследует этот вопрос в главе XXIV своего монументального труда. *«Было только два рода боярских приговоров, которые всегда или часто представлялись на утверждение государю, — пишет он. — Это приговоры Думы о местнических спорах (о том, кто знатнее. — А. Г.) и о наказании за тяжкие вины. Государь пересматривал такие приговоры, и пересмотр второго рода дел обыкновенно сопровождался помилованием виновного или смягчением его наказания. По ходатайству духовенства государь смягчал и собственные приговоры о преступниках».*

Дума была органической и необходимой частью Русского государства. Без нее страна не могла бы обходиться. Даже в 1565—1572 гг., когда Россия оказалась разделена на опричнину (управляемую Иваном Грозным и опричной Думой) и земщину (управлявшуюся, в качестве правительства, «обычной» Думой), для принятия решений по наиболее важным вопросам опричные и земские думцы собирались вместе.

Историк А. Л. Янов напоминает еще об одном важном обстоятельстве: *«в начале XVII в., когда конституционной монархией в Европе и не пахло», Дума приняла (4 февраля 1610 г.) «вполне цельный основной закон конституционной монархии, устанавливающий как устройство верховной власти, так и основные права подданных», так называемую «конституцию Салтыкова».*

Речь идет о Договоре об условиях избрания королевича Владислава русским царем. Договор предусматривал, сошлемся уже на Ключевского, *«не только сохранение древних прав и вольностей московского народа [sic!], но и прибавку новых... Права, ограждающие личную свободу каждого от произвола власти, здесь разработаны гораздо разностороннее, чем в [крестоцеловальной] записи царя Василия Шуйского: все судятся по закону, никто не наказывается без суда; каждо-*

му из народа московского для науки вольно ездить в другие государства христианские; вера есть дар Божий, и ни совращать силой, ни притеснять за веру не годится; государь делит свою власть с Земским собором и Боярской думой»¹. Земскому собору отводился «учредительный авторитет» и «законодательный почин», боярской Думе — «законодательная власть»: вместе с ней государь занимается текущим законодательством, издает законы. *«Без согласия Думы государь не вводит новых податей и вообще никаких перемен в налогах».*

«Конституция Салтыкова» (про Михаила Глебовича Салтыкова можно сказать, что он был одним из руководителей реформистско-либеральной партии своего времени, имевшей множество сторонников) после разгрома «тушинцев» стала восприниматься как навязанная извне, что скомпрометировало ее и не дало воплотить в жизнь, но, как подчеркивает А. Л. Янов, она *«явилась не на пустом месте, а отразила уходящую вглубь веков русскую либеральную традицию».*

6. Думу растаскивают на части

Нередко можно прочесть, что Дума была упразднена Петром I в 1711 г. Это неверно. Указа об упразднении Думы не было, Дума перестала существовать потому, что была расщеплена и растащена на другие учреждения. История предсмертных метаморфоз Думы поучительна, она ясно показывает, насколько любому государству необходима исполняемая конституция, Основной закон. Без него ни один государственный институт, даже самый древний и почтенный, не гарантирован от произвольного с собой обращения.

Начав заниматься государственными делами, Петр почти постоянно находится вне Москвы. После начала в 1700 г. Северной войны из Москвы выбывает и все больше думных людей — командовать полками, управлять областями, смотреть за постройкой кораблей. С 1703 г. власть и вовсе раздваива-

¹ В. О. Ключевский. Сочинения. В 9 т. — М., 1988. Т. 3. С. 42.

ется: теперь Дума — боярское московское правительство, а в Петербурге возникает новая столица со своими центральными учреждениями, носящими необычные имена. По списку 1705 г. из 59 бояр, окольных и прочих думных чинов в Москве находилось всего 28; Дума руководит из Москвы внутренним управлением, между тем как царь ведет дела войны и внешней политики. *«Из учреждения законодательного, — пишет В. О. Ключевский, — Дума все более превращается в учреждение распорядительное»*, т. е. выполняющее волю Петра, первого истинного самодержца.

В сентябре 1708 г. на заседании Думы под председательством царевича Алексея присутствует всего-навсего 14 членов Думы, но зато большинство из них — главы разных приказов. Именно поэтому в письмах Петра и в актах того времени они именуются министрами, а Дума — «конзилией» (советом министров). Находясь в походах, Петр сам настаивал, чтобы управители отдельных ведомств обо всем писали прямо в конзилию, прибавляя (в 1707 г.): *«А мне из Польши ничего делать невозможно, токмо к ним же посылать, и из того, кроме медления, ничего не будет»*. В письме из Вильны Петр предписывает князю Федору Ромодановскому, главе Думы, объявить *«всем министрам, которые в конзилию съезжаются, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали, и каждый бы министр своею рукой подписывал, и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет»*.

Сенат также учреждался (в 1711 г.) *«для всегдашних в сих войнах отлучек»* государя, но учреждался уже в Петербурге. Думу, как было сказано, постепенно «растасили» на части другие учреждения. Вдобавок, Петр I перестал *«сказывать боярство»*, то есть пополнять список бояр, и естественная убыль членов Думы постепенно привела самый древний русский институт, Думу, вместе с боярством к исчезновению.

Можно ли, вслед за А. Л. Яновым, автором ряда работ по русской истории XIV—XVII вв., назвать Думу «парламентом Московского государства»? Данная мысль достаточно подробно развивается этим автором не раз, поэтому процитирую место, где она выражена наиболее сжато: *«Дмитрий Дон-*

ской говорил перед смертью своим боярам: „Я родился перед вами, при вас вырос, с вами княжил, воевал вместе с вами на многие страны и низложил поганых“. Он завещал своим сыновьям: „Слушайтесь бояр, без их воли ничего не делайте“. Долгий путь отделяет этот завет от статьи 98 Судебника 1550 г., налагавшей юридический запрет на принятие государем законов без согласия бояр. Почти два века потребовались вольным княжеским дружинникам, чтобы его пройти, но они справились с этим успешно. Они заставили власть считаться со своей аристократической организацией, превратив Боярскую думу во вполне европейский парламент Московского государства»¹.

Не хочется спорить с историком, но и встать на его точку зрения трудно. О каком «вполне европейском парламенте» образца 1550 г. может идти речь, где был такой? Само это словосочетание рисует образ усеянной добродетельными парламентами, купающейся в правах человека Европы, до уровня которой неожиданно (и ненадолго) дотянулась Россия. Такая картинка скорее вводит в заблуждение.

В тюдоровской Англии королевская власть сама издавала указы (ордонансы) и возражений не терпела. Правда, к 1550 г. главного тирана, Генриха VIII, уже три года как не было в живых, на троне сидел подросток Эдуард VI (мы его помним по «Принцу и нищему»), но террор против католиков не ослаб, головы энергично летели с плеч. Даже «отказ от заблуждений» не спасал горемык: их принимали в лоно англиканской церкви, после чего вели на плаху, предположительно счастливыми. За короткое время были обезглавлены и два регента при малолетнем короле — правда, не за католицизм: одного, дядю юного короля, казнили за то, что он убил любимого пса своего племянника, другого — непонятно за что, но формально «за государственную измену». В 1549 г. специально созданный парламент принял Акт о единообразии (вероисповедном). Зато когда в 1553 г. трон заняла королева Мария

¹ А. Л. Янов. Европа в политической традиции России // П. Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. — М., 2000.

Кровавая, посыпались головы протестантов (не путать с бесчисленными казнями через повешение на основании Статута против бродяг и нищих — эти казни не были связаны с религиозными увлечениями монархов и совершались своим чередом, во вполне фоновом режиме, без особых усиления и спадов); 283 человека, включая архиепископа Кентерберийского, сожгли — видимо, для разнообразия. Заодно новая королева умертвила свою 16-летнюю (побежденную!) соперницу в борьбе за престол, да не одну, а с юным мужем. В общем, Марии тоже было не до парламента.

Погрузившись в анналы европейской истории, можно отыскать около 1550 г. (в одной из итальянских или северо-германских городских республик, в голландских Соединенных провинциях, в ландтаге какого-нибудь немецкого княжества, а особенно — в сеймах Чехии и Польши) элементы будущего великого явления, именуемого европейским парламентом. Но лишь элементы. Чтобы такое явление возникло, всей Европе, и прежде всего Англии — ее авангарду в делах демократического представительства, — предстоял без малого трехсотлетний путь. Не только к XVI в., но в равной степени к XVII и XVIII вв. словосочетание «вполне европейский парламент» просто неприложимо.

Глава десятая

Не было парламента или слова «парламент»?

1. Избранная рада учреждает созыв соборов

Отказываясь видеть в Думе парламент, мы вместе с тем не должны забывать, что в допетровской Руси имелся сословный и при этом выборный представительный орган, имелись низовые выборные демократические учреждения. Речь о Земских соборах и о земском управлении.

Установить дату начала русской традиции сословных соборов (совещаний) не представляется возможным. Князья удельной Руси время от времени собирались на «снемы» (съезды) для коллегиального решения общих дел, привлекая представителей сословий. В 1096 г. Святополк II, князь Киевский, и Владимир Мономах, князь Переяславский, пишут Олегу Гориславичу, князю Черниговскому: *«Приезжай в Киев урядиться о Русской земле перед епископами, игуменами, мужами [боярами либо дружинниками] отцов наших и людьми городскими»*.

На известный съезд в Любече в 1097 г., созданный с целью прекратить распри в Русской земле перед лицом половецкой угрозы, князья прибыли не только с дружинниками, но и с

«людьми от земель». К сожалению, подробностей по этому поводу у немногословных летописцев нет.

Под 1211 г. в летописи упомянут собор во Владимире на Клязьме: *«Князь великий Всеволод созва всех бояр своих с городов и с волостей, и епископа Иоанна, и игумены, и попы, и купцы, и дворяне, и вси люди»*. Вероятно, от «попов, купцов, дворян и всех людей» в совещании участвовали делегированные представители — предположить что-то иное сложно. Многие уверены, что историю Земских соборов надо отсчитывать от этого всесословного совещания у Всеволода Большое Гнездо. Особенно историков интригуют «вси люди» и то, что купцы названы раньше дворян. (Правда, для начала XIII в. слово «дворянин» было новое и могло означать не совсем то, что позже.)

Съезды более ограниченного состава собирались и во времена Орды. Известны съезды удельных князей 1223, 1296, 1304, 1340, 1360 (был созван в Костроме по вопросу борьбы с ушкуйниками — речными пиратами), 1380 гг.; летописи упоминают и другие съезды, но слишком немногословно, чтобы судить о них. Все это были совещания в рамках средневековой федерации княжеств. Их сменили совещания, созываемые правителями Русского централизованного государства. К примеру, чтобы определиться с политикой по отношению к Новгороду, Иван III послал в 1471 г. *«по вся епископы земли своея, и по князи и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воя свои»*. Это был уже прообраз представительного органа. Благодаря участию духовенства, провинциальной знати и «воев» (служилых людей) данное совещание было много представительнее Думы, состоявшей из московских бояр и окольничих. Правда, решение ими было принято позорное: *«мыслившие... не мало»*, они постановили идти войной на Новгород.

Есть авторы, считающие, что споры о дате, от которой следует отсчитывать историю Земских соборов, вообще беспредметны: Дума, сколько она существует, во всех чрезвычайных случаях усиливалась выборными от земств и превращалась в собор.

Показательно, что в русской общественной мысли тема общерусского вселенского совета возникает вслед за упраз-

днением в конце XV — начале XVI в. вечевого управления в Новгороде, Вятке и Пскове. Можно предположить даже прямую связь между этими событиями. Дело в том, что из вечевых городов было переселено на московские земли множество «неблагонадежных». Части высланных, двум с лишним сотням наиболее знатных и влиятельных семей новгородцев и псковичей, определили жить в Москве. Поселившись компактно, новгородцы перенесли сюда название родной улицы Лубяницы, отсюда московская Лубянка. Церковь, построенная в 1514—1518 гг. итальянцем Алевизом Новым на углу Большой Лубянки и Кузнецкого моста, называлась Храм Введения Пресвятой Богородицы во Псковичах (уничтожена в 1924 г.). Кроме названий, эти люди не могли не перенести в Москву свое мировосприятие и даже особенности своего языка.

Да, именно языка. Поразительно озарение Вильгельма Кюхельбекера (в «Лекции о русском языке») на эту тему: *«Русский московский язык является языком новгородских республиканцев. Александр Невский, победоносный, любимый, счастливый, когда он был вождем Великого города, а затем, удрученный неудачами и унижениями на троне своего отца, перенес на свою родину это славянское наречие, более мощное и мужественное, чем славянское наречие Киева, которым пользовались доселе в Великом княжестве и от которого ныне происходит малоросский язык, более мягкий и более мелодичный, но также и менее богатый и менее чистый, чем язык Великороссии. Таким образом, древний славянский язык превратился в русский в свободной стране, в городе торговом, богатом, демократическом, любимом, грозном для своих соседей. Этот язык усвоил свои смелые формы, инверсии, силу — качества, которые никогда бы не могли развиваться в порабощенной стране. И никогда этот язык не терял и не потеряет память о свободе, о верховной власти народа, говорящего на нем».*

Публицистов-современников Василия III и Ивана IV вдруг начинает заботить проблема смягчения монаршего «презельства» (высокомерного своенравия). Они уповают при этом не только на силу закона (царь *«ходит в законах и правдах»*), что

вполне в русской традиции, но и на созыв совета сословий. Они убеждены, что боярская монополия на власть не к добру, им хочется, чтобы вселенский совет был постоянным собранием, «погодно» обновляемым, а не созывался только в особых случаях. При всем своем несходстве, они подготовили идейное обоснование реформаторской политики Избранной рады.

Избранная рада во главе с членом Думы Алексеем Адашевым сложилась около 1547 г. вокруг молодого царя Ивана IV (будущего Ивана Грозного) и фактически управляла Россией почти 13 лет. Адашев, выходец из бедного и незнатного костромского дворянства, неспроста был начальником Челобитного приказа и государственного архива: он уже поэтому отлично знал нужды и настроения страны. Что сделала Рада? Очень многое.

Рада обеспечила проведение в 1549 г. первого из не подлежащих сомнению Земских соборов. Рада дала толчок традиции созыва соборов. Рада предоставила власть в городах выборным (из служилых людей) городовым приказчикам, а в волостях — выборным губным (из дворян) и земским (из крестьян и посадских людей) старостам. Рада упорядочила систему приказов и ввела наказания за взяточничество (Челобитному приказу были приданы функции контрольного управления).

Стремясь ограничить чрезмерное влияние церкви, Рада выдвинула на Стоглавом соборе программу секуляризации, т. е. передачи государству части церковных земель, однако вето митрополита Макария не позволило ей добиться желаемого решения, хотя она все же сумела ввести запрет на покупку земель монастырями без царского разрешения.

Рада учредила стрелецкое войско, получавшее жалованье, оружие и обмундирование от государства, и провела в 1556 г. через Думу Уложение о службе. Рада положила начало книгопечатанию в России, заводила новые «книжные училища» в Москве и «по всем градом». Их устройство было доверено *«священникам и дьяконам и дьякам избранным»*, которые обязывались открывать училища в своих домах. Рада поощ-

ряла распространение вольнонаемного труда, запретила отдавать должников в холопы, возложила на феодала ответственность за крестьян.

Рада опиралась в своей политике на Думу и Земские соборы, на чиновников и служилое сословие, она стремились ограничить могущество церкви, особенно ее земельные владения, но всегда шла на разумный компромисс с высшим духовенством.

Но как ни велики заслуги Рады в совершенствовании самых разных сфер жизни и устройства России XVI в., главными ее заслугами остаются две: учреждение выборного сословного представительства в форме Земских соборов и учреждение выборного земского представительства.

2. «Совет всенародных человек»

Собственно, выражение «Земские соборы» появилось лишь у историков XIX в. В документах своего времени их называют то «Всею Землею», то «Советом всея Земли», то «Общим всея Руси градов людским советом», то, наконец, просто «Собором». Курбский говорит про «Совет всенародных человек». На появление традиции земских соборов, без сомнения, повлияли церковные соборы, издавна собиравшиеся на Руси. Не зря в Земских соборах был обязан принимать участие Освященный собор (высшее духовенство и настоятели наиболее авторитетных монастырей). Обязательным было участие и Думы.

Академик Л. В. Черепнин в своей книге «Земские соборы русского государства в XVI — XVII вв.» перечисляет в хронологическом порядке 57 соборов, из них 11 соборов в XVI в. и 46 соборов — в XVII в. Но и сам Черепнин, и такие видные историки, как М. Н. Тихомиров, Н. И. Павленко, С. О. Шмидт, допускают, что соборов могло быть и больше и что в ходе изучения архивов возможны новые открытия. Иногда ставят под вопрос собор 1682 г., провозгласивший царями-соправителями несовершеннолетних братьев Ивана и Петра Алек-

сеевичей и регентство «правительницы» Софьи. Собор 1683 г. по вопросу о «вечном мире» с Польшей нередко называют последним Земским собором. О соборе 1698 г., окончательно устранившем Софью, сообщает лишь один автор, да и тот иностранец, Иоганн Корб, секретарь австрийского посольства (в своем «Дневнике путешествия в Москву»), но с подробностями, которые иностранец придумать не мог.

Первый достоверный собор открылся 27 февраля 1549 г. В нем приняли участие, наряду с Думой и Освященным собором, воеводы, «дети боярские» (мелкие феодалы на военной службе у князей, бояр, церкви) и «большие» дворяне (очевидно, московские). Его называли Собором примирения. Мысль собрать такой собор принадлежала, видимо, Сильвестру, одному из самых просвещенных и мудрых людей своего времени, автору Домостроя. Восстания, пожары, политические распри, последовавшие за венчанием Ивана IV на царство, навели Сильвестра на идею такого собора: Избранная рада вынуждена были изыскивать меры по прекращению распри между боярскими группировками, старалась привести могущественных соперников к компромиссу.

Царь на Соборе каялся и просил у бояр, дворян и черных людей прощения за те обиды, которые он им успел нанести (никто тогда не знал, что главные обиды впереди). Собор 1549 г. знаменовал собой создание центрального сословно-представительного учреждения, превращение Русского государства в сословно-представительную монархию. Важнейшие государственные решения отныне начинают приниматься с санкции не только бояр, но и других набирающих силу сословий, в первую очередь дворянства. Боярам, т. е. феодальной аристократии, предстояло поступиться рядом привилегий в пользу служилого класса, а какие-то привилегии просто утратить. Достаточно сказать, что было решено «давать суд», если человек обратился с челобитной на бояр, казначеев и дворецких (обладателей дворцовых чинов). Другой формой защиты людей невысокого звания стала неподсуд-

ность, кроме как по крупным уголовным делам, «детей боярских» суду наместников.

Церковно-земский собор, работавший в январе — мае 1551 г., принял Стоглав — исключительно важный документ из ста, для ровного счета, глав (на самом деле из ста одной). Каждая глава «Стоглава» — это царский вопрос и соборный ответ. Вот названия некоторых глав: «О наказании чад своих», «О втором браке и троеженцах», «О пьянственном питии», «О стриженнии брад», «О живописцех и о честных иконах», «О искуплении (выкупе) пленных» и т. д. Это очень любопытное чтение для современного читателя.

Земский собор 1566 г. был созван правительством с целью совещания с «Землей» по поводу войны с Польшей за Ливонию и полоцкие земли. Члены собора подавали свои мнения по группам. Группы были следующие: Освященный собор, Дума, две дворянские, две помещичьи, чиновническая, купеческая. Было на удивление много купцов: на 374 «гласных» их оказалось 75 человек. Сохранилась соборная грамота — подробная запись «деяний» собора. Видно, что все группы владеют темой, входят в международные, политические, географические и стратегические подробности. Член Думы Висковатов (иностранцы называют его канцлером), не согласившись с прочими думными людьми, подал «особое мнение», а смоленская гильдия внесла дополнительное замечание к согласованному мнению купечества. Но в целом все сходятся в том, что польским послам следует отказать. Собор заявил, что если не воевать, то государству будет «теснота» от Польши.

Решение и впрямь было трудное: шла затяжная война за выход к Балтике (за 150 лет до Петра I). Несколькими годами ранее русская сторона, взяв Нарву, упустила возможность остановиться на достигнутом (Адашев призывал царя именно к этому). С тех пор изнурительная война шла с переменным успехом, и за победу никто не поручился бы. Участники собора ясно это видят, но предложение закончить войну после стольких жертв по сути вничью они отвергают.

Не надо думать, что «Земля» высказалась за продолжение войны из желания угодить царю, он принял бы любое решение Собора. Ответ «продолжать войну» был ответом свободных людей. Некоторым из них предстояло погибнуть на этой войне (она, кстати, длилась еще 15 лет), и они не могли это не понимать.

В сходном случае три четверти века спустя собор 1642 г. рассудил иначе. Он был созван для ответа на вопрос: *«Азов от казаков принимать ли? И войну с Турцией и Крымом начинать ли?»* Группам выборных было предложено «крепко помыслить» и дать мотивированный письменный ответ («сказку»). Однако в «сказках» больше говорилось о засилье зарождающейся бюрократии — приказных чиновников. Купцы ясно дали понять царю, что будет разумнее, если в пользу государства раскошелятся (а требовалось, по смете, 221 тыс. руб.) привилегированные сословия, *«за которыми твое государство жалованье, вотчины многие и поместья есть»*. Царь понял намек и отказался от мысли начинать войну. Казаки были вынуждены прервать пятилетнее Азовское сидение и, проклиная купчин, вернуться на Дон.

О том, насколько государственная власть нуждалась в соборах «всей Земли», говорит тот факт, что в первые десять лет правления Михаила Федоровича Романова соборы заседали почти непрерывно. Это легко понять. Царя в 1613 г. выбрали, по словам В. О. Ключевского, *«не способнейшего, а удобнейшего»*. Михаил не имел никакого собственного плана по выводу страны из тяжелого состояния, порожденного Смутой. И хотя он опирался на мнение Думы и патриарха, ему обязательно нужен был голос «Земли».

Можно ли предположить, что в Смутное время и в царствование Михаила Федоровича Земские соборы имели шанс превратиться в постоянно действующие? Видимо, да — настолько регулярно они созывались. Участник нескольких соборов, московский судья (или стряпчий) Никита Михайлович Беклемишев подавал проект превращения Земского собора в постоянное собрание, избираемое на год, но не нашел поддержки.

3. Поразительные альтернативы 1610—1613 гг.

Интересен взгляд свидетеля событий Смутного времени, дьяка приказа Большого прихода Ивана Тимофеева (ок. 1555—1631). В своем обширном «Временнике», начатом в 1608 г. в занятом шведами Новгороде и законченном около 1630 г., он объясняет наступление Смуты непочтением к *«древних царей уставным законом»*. По мнению Н. М. Золотухиной, воззрения Тимофеева являются кульминацией идей сословного представительства своего времени. Она суммирует их следующим образом: автор «Временника» желает видеть в стране монархию, ограниченную «всеобщим единомысленным собранием»; обязательным органом в предполагаемой структуре верховной власти должен быть «Совет всех городов», который утверждает власть монарха и обеспечивает участие во власти людей «всей Земли». *«Тимофеев говорит о “всенародном множестве”, “народном голосовании”, “вселюдском соборе” и т. п., утверждая право широкого сословного представительства с участием сословных группировок класса феодалов, а также посадских людей и черносошных крестьян, он обосновывает уже сложившиеся порядки* [т. е. практику созыва Земских соборов], *которые являлись собой расцвет сословного представительства в России»*¹.

Справедливости ради заметим, что идея постоянно работающего представительного органа не победила в это время еще нигде в мире. Современником царя Михаила был английский король Яков I, который не созывал парламент по семь лет. Он даже писал, что хочет упразднить его вовсе. У его преемника Карла I период беспарламентского правления длился еще дольше, 11 лет, и многим тогда казалось, что этот орган уже не воскреснет.

Самые четкие формулировки, как известно, в энциклопедиях. Именно там можно прочесть, что Карл I *«распустил пар-*

¹ Н. М. Золотухина. Концепция сословно-представительной монархии в русской средневековой политической теории. // Правоведение. № 1, 1988.

ламенты» 1625 г., 1629 г., 1640 г. Множественное число здесь не случайно. Речь не о «парламенте» как о непрерывном явлении, а о «парламентах», которые можно созывать, а можно и не созывать. Короче говоря, родина современного парламентаризма не могла бы служить образцом для России первой половины XVII в.

Более того, если сравнить три десятилетия в России и Англии между 1610 и 1642¹ гг., увидев их глазами современников, вне схем позднейших учебников истории (от которых нам так трудно отвлечься), то 29 соборов, созданных за этот период в Москве и под Москвой, отражают более напряженную парламентскую деятельность в России по сравнению с Англией. Русские парламенты (употребим и мы множественное число) были двухпалатными. Дума, как и Палата лордов, была невыборной аристократической палатой, а Ответная палата (собственно «Собор Земли» или «Общий всея Руси градов людской совет») — палатой сословно-представительной, выборной.

Полномочия и функции соборов были вполне парламентские. На первом месте стояли вопросы налогообложения (о сборе пятинных, даточных, запросных и т. д. денег) и законотворчество. Соборы принимают важнейшие законодательные документы в истории России XVI—XVII вв.: Судебник 1550 г., «Приговор» Собора первого ополчения 1611 г., Соборное уложение 1649 г., «Соборное деяние» об упразднении местничества 1682 г. и другие основополагающие акты.

Следующей по значению функцией Земских соборов было избрание царя. Первым выборным царем стал Федор Иоаннович. Вслед за ним в этом списке Борис Годунов, Василий Шуйский, Михаил Романов. В 1682 г. были выбраны царями-соправителями малолетние Иван и Петр, сыновья царя Алексея Михайловича.

Земские соборы могли отрешить царя от власти, в 1610 г. это испытал на себе царь Василий Шуйский. Во время безцарствия именно собор брал на себя полноту верховной влас-

¹ 1642-й — год начала гражданской войны в Англии.

ти в стране. После Смутного времени соборы занимались «устроением» государства.

Земские соборы имели право законодательной инициативы, решали вопросы церковного устройства, внутреннего управления, торговли и промышленности. Во время безцарствия именно собор несколько раз брал на себя полноту верховной власти в стране. После Смутного времени соборы занимались «устроением» государства.

По способу созыва земские соборы делились на (1) созванные царем; (2) созванные царем по инициативе населения; (3) созванные сословиями или по инициативе сословий в отсутствие царя; (4) избирательные на царство. Роль сословий то усиливалась, то слабела. На Земском соборе 1566 г., решавшем вопрос о войне с Польшей, сложилось целых пять сословных курий: духовная, боярская, чиновническая, дворянская, купеческая. Вообще соборы о войнах с Польшей (актуальная тема на протяжении нескольких веков!) обычно входили в число Всесословных. Таковы были собор 1621 г. (казаки участвовали в нем в качестве отдельного сословия) и собор 1653 г.

Совершенно особое место в истории соборов занимает Земский собор Первого ополчения 1611 г. и его «Приговор». Это ополчение сложилось для противостояния польским войскам, вошедшим в сентябре 1610 г. в Москву. Пригласило их туда «Временное в государстве правительство» во главе с князем Федором Мстиславским. Формировать ополчение начал воевода Прокопий Ляпунов в Рязани. К марту 1611 г. ополчение, необыкновенно пестрое по составу, было в Коломне. Это еще не народное ополчение Минина и Пожарского. Не меньше, чем справедливое устройство страны, людей Ляпунова волнуют земельные пожалования и дележ собственности предателей, сторонников Лжедмитрия I и Лжедмитрия II, «нетчиков» (не явившихся по призыву) и дезертиров.

На подступах к Москве был проведен Земский собор. Вводная часть его решения, принятого 30 июня 1611 г., гласила: *«Московского государства разных земель царевичи, и бояре, и окольные, и чашники, и стольники, и дворяне,*

и стряпчие, и жильцы, и приказные люди, и князи, и мурзы, и дворяне из городов, и дети боярские всех городов, и атаманы, и казаки, и всякие служилые люди, и дворовые, которые состоят за Дом пресвятыя Богородицы и за Православную Христианскую Веру против разорителей Веры Христианские, польских и литовских людей, под Москвою».

Как видим, состав собора необычен. С одной стороны, в нем участвуют представители феодальной знати народов России («разных земель царевичи... и князи, и мурзы»), а также атаманы и казаки, с другой — отсутствуют купцы, посадские люди, духовенство. Преобладали мелкие служилые люди.

Хотя вопрос о земельных пожалованиях и был основным, в решениях собора есть важные демократические веяния. Это выборность должностных лиц, избираемость Поместного приказа, ограничение законодательных и судебных полномочий боярства, введение «суда равных». Предусматривалось, что вместо приказных людей (т. е. чиновников) налоги будут собирать выборные целовальники, что любой приговор к смертной казни должен утверждаться Земским собором.

Но самое главное в «приговоре» собора — это его 24-я статья. «Земля», т. е. Земский собор, выбирает правительство (употреблено именно это слово) из бояр, оно подотчетно «Земле», и если его деятельность окажется неудовлетворительной, *«нам всею Землею вольно бояр и воевод переменити, и в то место избрати иных... хто будет более к земскому делу пригодится».* «Собору Земли», таким образом, предстояло стать регулярно собираемым или даже постоянно действующим органом, без этого никакая подотчетность невозможна. Всем городам отправлен был призыв прислать *«изо всяких людей человека по два и с ними совет свой отписать».*

Речь шла о переменах даже более глубоких, чем сулила «конституция Салтыкова» — по сути, о новом государственном устройстве. Составители капитального 9-томного сборника документов «Российское законодательство X—XX веков», характеризуя акт 30 июня 1611 г., подчеркивают: *«Здесь налицо республиканская форма правления, причем, поскольку*

ку главную роль играет не феодальная аристократия, а масса служилого населения, можно говорить о зарождении феодальной демократической республики».

4. Пятнадцать кандидатов на должность царя

Данная политическая альтернатива оставалась для России открытой на протяжении следующих 20 месяцев — до избрания царя Михаила Романова на Земском соборе 1613 г. Вероятно, по зрелом размышлении, люди XVII в. сочли ее рискованной, а потому не воплотили в жизнь. Но показательно, что идея была не просто выдвинута, но и какое-то время поддерживалась большинством.

Н. В. Соколов в серии статей «Родословие русской свободы» на сайте <http://www.ej.ru> напоминает об оставшемся в тени аспекте событий 1612—1613 гг. *«Важнейшим требованием второго ополчения была защита собственности. Первое ополчение в немалой степени потерпело неудачу из-за наличия в его составе значительного числа “вольных казаков”, отстаивавших “социалистический” идеал в его самой доступной форме»,* т. е. не видевших причин не отнять и не поделить боярское добро. Но *«земские люди, зарабатывавшие копейку упорными трудами, гарантии частной собственности ценили и понимали».* А еще лучше они понимали, что на боярах «вольные казаки», дай им волю, не остановятся. Поэтому расстерзания бояр «Земля» не допустила. В отношении же *«поместных раздач эпохи Смуты (по беспорядочности — аналог недавней российской приватизации) ради прекращения распрей постановлен был “нулевой” вариант, законными признавались все пожалованные служилым людям земли, от ка-кого бы самозванца ни исходило это пожалование».*

Настоящим торжеством сословного представительства стали всесословные выборы царя Михаила Федоровича Романова на Земском соборе 1613 г. В нем, по подсчетам С. Ф. Платонова, участвовало не менее 700 человек. Избрание царя заняло 46 дней. Собор, по сути, был коллегией вы-

борщиков, рассматривалось до 15 кандидатур. В их число входили как участники освободительной войны князь Дмитрий Пожарский, Дмитрий Трубецкой, рязанец князь Петр Пронский, так и их вчерашние неприятели — боярин Федор Шереметев, князь Василий Голицын (находившийся в польском плену), Иван и Дмитрий Черкасские, а также принц Карл Филипп (брат шведского короля Густава Адольфа), польский королевич Владислав, едва не ставший русским царем еще в 1610 г., и даже «царевич Иван Дмитриевич», малолетний сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек. С самого начала было много сторонников юного «Миши Романова». *«Нам с ним будет повадно»*, — объяснял Федор Шереметев, понявший незначительность собственных шансов.

Приемы предвыборной борьбы не меняются с веками. Поскольку казаки, во множестве остававшиеся в Москве дожидаться избрания царя, представляли собой идеальную «группу давления», некоторые из претендентов старались завоевать их благосклонность. Как сообщает насмешливый (хотя, увы, безымянный) современник-москвич, *«князь же Дмитрий Тимофиевич Трубецкой учрежаше столы честныя и пиры многая на казаков и в полтора месяца... по вся дни, чествуя, кормя и поя честно и моля их, чтоб быти ему на Росии [описание того времени] царем и от них бы казаков похвален [поддержан представителями казаков на соборе] же был. Казаки же, честь от него приимающе, ядяще и пиюще и хваляще его лестию, а прочь от него отходяще в свои полки и браняще его и смеющеся его безумию такову»*¹.

Какие-то усилия предпринимал и Дмитрий Пожарский. Дворянин Ларион Сумин в 1635 г. в пылу ссоры сказал, что *«Дмитрий Пожарский воцарялся, и стало ему в двадцать тысяч [рублей]»*². Хотя Д. Т. Трубецкой и Д. М. Пожарский явля-

¹ Повесть о Земском соборе 1613 года. // *Вопросы истории*. № 5, 1985.

² И. Е. Забелин. Дело о ссоре межевых судей стольника князя Василия Большого Ромодановского и дворянина Лариона Сумина. // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. Вып. 7, 1848.

лись во время проведения собора формальными правителями страны, это не создало для них электоральных преимуществ.

Соискатели отсеивались в ходе жесткой политической борьбы. На заседании 7 января 1613 г. «казачья партия» выдвинула кандидатуру юного боярина Михаила Романова, но без успеха. Кроме того, казаки последовательно выдвигали князя Д. Т. Трубецкого и князя Д. М. Черкасского, но не прошли и они. По шведским данным, первоначально на соборе большинство голосов получили князья Василий Голицын, Иван Шуйский и Иван Воротынский. Это большинство не было решающим, и постепенно Земский собор стал склоняться в пользу Карла Филиппа, как лица беспристрастного и не имеющего причин для недоброжелательства ни к одной партии и ни к одному лицу. Впрочем, шансы оставались и у нескольких бояр.

«Казачья партия» была с этим несогласна: *«Литовского и Свейского короля и их детей, за их многие неправды, и иных ни из которых земель людей на Московское государство не обирать и Маринки с сыном не хотеть»*. Назревала тупиковая ситуация. Когда прошел слух, что выборщики решают в пользу Карла Филиппа, это накалило обстановку в Москве. Дело в том, что в договоре об условиях избрания шведского принца русским царем (был заключен в Новгороде годом ранее) отсутствовала статья о его переходе в православие. Казалось странным и то, что принц до сих пор не прибыл на русскую границу. Правда, у него еще было время: Карл Филипп ожидался в Выборге до конца февраля.

Делались попытки отложить решение в связи с тем, что делегации некоторых важных городов, в том числе Казани и Нижнего Новгорода, и первый по рангу иерарх Русской церкви, казанский митрополит Ефрем, не успели прибыть на собор. Еще один выход из положения — тянуть жребий, чтобы сам Бог указал, кому занять престол, — собором поддержан не был. Как гласит Утвержденная грамота, участники собора совещались *«по многие дни»*, *«не обинуясь говорили... с великим шумом и плачем»*.

Единодушие в вопросе о кандидате на царство у участников Земского собора не было до самого конца¹. На Михаиле Романове сошлись, видимо, только 7 февраля, да и то под давлением казаков и посадских. Хотя выборщики имели все полномочия, но с учетом важности вопроса они после предварительного избрания Михаила на царство объявили двухнедельный перерыв и «для большого укрепления» срочно послали в свои города и уезды («опричь далних городов») доверенных лиц для подтверждения своего выбора. Окончательное избрание Михаила состоялось 21 февраля.

Уже цитировавшийся ироничный современник записывает: «Князь же Дмитрий Трубецкой, лицо у него ту с кручины почерне, и паде в недуг, и лежа три месяца, не выходя из двора своего».

До мая, т. е. вплоть до приезда Михаила в Москву из Костромы, собор оставался верховным органом государства, от его имени производились служебные назначения, давались земельные пожалования. Собор наблюдал за поступлениями в казну, ведал сыском «татев и разбойников», внешней политикой и обороной.

5. Избирательные кампании XVII века

Выборность соборов была для своего времени их самой замечательной чертой. Развитию выборного начала способствовало Смутное время, когда города взаимно «пересылались» грамотами и представителями и вопросы решались «сослався с городами». На этой основе и возник выборный «Совет всея Земли», особенно проявившийся на соборе 1613 г. Сложилась разработанная система выборов — с избирательными округами, институтом выборщиков, наказами избирателей. Избирательным округом считался каждый город со своим уездом. Выборы проходили в форме избирательных

¹ Г. А. Замятин. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского университета. Педагогический факультет. Т. 3. Воронеж. 1926.

собраний. Выбирать имели право выборщики — полные налогоплательщики или люди, несшие службу. Составлялся протокол собрания, он именовался «выбор за руками»¹, который заверяли все участники, и по прибытии выборного в Москву он служил ему верительной грамотой, подтверждавшей его избрание на собор. Местные власти не имели права вмешиваться в выборы. Имущественного ценза для выборных не было, но, так как соборы могли длиться годами, а жалование выборным хоть и полагалось, но было невелико (в 1648—1649 гг. по 14 руб.), неимущие отсеивались уже этим.

Все, происходящее на соборе, записывалось дьяками, а затем скреплялось печатями царя, патриарха и высших чинов, а низшие чины «заверяли» его крестным целованием; кроме того, соборный акт подписывали участники собора. Соборный приговор приводился исполнительной властью в действие, для чего на места рассылались нарочитые грамоты.

Собор имел компетенцию в вопросах кодификации права: Судебник 1550 г. и Уложение 1649 г. были не просто утверждены соборами, как может подумать кто-то, — соборы по многу месяцев занимались кодификационной работой.

Как появилось на свет Уложение 1649 г.? В рассказе о его происхождении история Земских соборов соединяется с историей Думы, вполне наглядно освещая русский XVII в. Появление этого кодекса было вызвано настойчивыми требованиями дворянства. Еще в челобитной 1637 г. дворяне ставили вопрос об упорядочении законодательства, но тогда правительство заволоклало дело. В первых числах июня 1648 г. дворяне и «дети боярские», собравшиеся в Коломенском по пути на Дон для несения сторожевой службы, воспользовались ситуацией Соляного бунта и совместно с верхушкой посада взяли в свои руки переговоры с царем. Они предъявили целый список своих сословных притязаний, потребовали удаления правительства Бориса Ивановича Морозова, а главное — созыва Земского собора для принятия нового Уложе-

¹ Вплоть до XIX в. избирательные бюллетени назывались в России «заручные записи».

ния и изменения — в его рамках — всей судебной системы. Петиция «блока дворян и купцов» (Л. В. Черепнин) содержала, среди прочего, прямые обвинения молодому царю в том, что он не борется с мздоимством и терпим к «разорителям»: «...и ты, великий же государь, долго же терпиш и щадиш, и милуеш, не хочеш своего царского суда и гневу пролити на них...» Царю ставится в вину то, что в государстве процветает «всяких приказных людей продажа [сегодня мы бы употребили иностранное слово «коррупция»] болшая, а все плачутся на государя, что государь-де за нас бедных и малородных и беспомощных не вступается ...». Авторы петиции предлагают, чтобы «всяких чинов мирским людям... выбрать в суды меж себя праведных и расудительных великих людей, и ему государю будет покой ото всякия мирския доуки, ведати о своем царском венце». То есть предлагалось устранить царя от верховного суда¹. Возможно, это был способ давления: ценой сохранения судебной прерогативы заставить царя уступить в чем-то другом. Патриарх Никон (в 1649 г. — еще митрополит в Новгороде) даже утверждал впоследствии: «Всем ведомо, что збор был не по воли — боязни ради и междоусобия от всех черных людей».

16 июля спешно созванный Земский собор создает временный Уложенный приказ из членов Думы — бояр Никиты Ивановича Одоевского (руководитель) и Семена Васильевича Прозоровского, окольного Федора Федоровича Волконского, дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова для подготовки Уложения.

Работать эти люди, прямо скажем, умели. Проект огромного, но внутренне со всем тщанием согласованного Уложения (в нем 25 глав, число статей в некоторых главах превышает 100, а в главе «О суде» 287 статей) они впятером — писцы и подручные не счет — составили за 11 недель: уже 3 октября 1648 г. началось чтение и утверждение готового текста. При всех чудесах современной оргтехники и информатики такую

¹ Л. В. Черепнин. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. — М., 1978. С. 282.

скорость в наши дни представить трудно, куда менее сложные документы готовятся большими коллективами несоизмеримо дольше.

Выборные на Уложенный собор съехались из 116 городов. Заседали две палаты, Л. В. Черепнин называет их Боярской и Дворянско-Посадской (в документах XVII в. эта палата, повторяясь, именуется Ответной). У бояр председательствовал царь, у выборных — князь Юрий Алексеевич Долгорукий. Собор длился почти полгода. Таким долгим он был потому, что проект Уложения утверждался постатейно и в него было внесено 80 новых статей на основе предложений, поданных выборными. Усилия оказались не напрасны — в большинстве случаев был найден компромисс, устроивший почти всех. Но все же не всех: по подсчетам историка А. Н. Зерцалова, Уложение подписали 315 участников собора, а около тридцати не подписали. Наиболее видной фигурой среди отказавшихся ставить подпись был популярный среди москвичей боярин Никита Иванович Романов, двоюродный дядя царя. Годы спустя, отражая эти оппозиционные мнения, патриарх Никон называл Уложение «беззаконной книгой».

Отпечатанное в течение 1649 г. дважды, по 1200 экземпляров в каждом тираже, что очень много для того времени, Уложение было доведено до самого глухого угла России. Не зря этот кодекс законов прослужил, с обновлениями, два века, до 1845 г. Достаточно сказать, что он действовал на протяжении всей жизни Пушкина.

Список тех, кто принимал участие в выработке Уложения и скрепил его своими подписями, поражает своим демократизмом. Первые 13 мест отданы высшему духовенству страны, начиная с патриарха Иосифа. За ними следуют 15 бояр, 10 окольничих, казначей, думный дворянин, печатник (хранитель печати), думный дьяк, протопоп кремлевского Благовещенского собора, «просто» князь Федор Оболенский. А далее — разгул демократии: 155 представителей от городов (среди них только двое титулованных) и 116 — от слобод, посадков, пригородов, «сотен» (Суконной, Гостиной и т. д.) и приказов (ведомств). Вот наугад семеро из 315 подписан-

тов (а из семерых трое по доверенности): *«По выбору Лучан и Пустожерцов Микита Сумороков р. п. [руку приложил]», «Кодашевец выборной человек Афонасей Карпов р. п.»*, *«Выборной Болахонец посадской человек Ефимко Милютин р. п.»*, *«Суконные сотни Михайло Футин р. п.»*, *«Петрова Приказу Лаврова вместо пятидесятников и десятников и всех рядовых стрельцов пятисотной дьячок Стенка Марков р. п.»*, *«Алексеева Приказу Философова стрелец пятисотной дьячок Гришка Гвоздев вместо тогож Приказу стрелца выборного Меркуля Иванова по его велению р. п.»*, *«Артемонова Приказу Матвеева пятисотной дьячок Родка Семенов вместо выборного пятидесятника Ивана Семенова старика по ево велению р. п.»*. Отнесемся с почтением к этим именам.

Известны забавные случаи, когда выборные по окончании собора опасались возвращаться домой: наказ избирательно-го собрания оказался невыполненным в силу того, что собор принял какое-то иное решение, и они опасались, что их сочтут виновными в этом. Курские служилые люди вручили своему выборному на собор 1648—1649 гг. Гавриле Малышеву наказ с изложением своих желаний и по окончании собора *«шумели»* на Малышева за то, что *«он на Москве разных их прихотей в Уложение не исполнил»*. Ожидая за то неприятностей от своих избирателей, злополучный выборный просил у государя выдачи ему *«береженной грамоты»*.

Понятно, что выборы не могли везде проходить гладко и умильно, такого не было и не будет нигде в мире. Документы доносят до нас то драматические, то смешные эпизоды. При выборах на собор 1651 г. в Крапивне (ныне в Тульской области) воевода Василий Астафьев самовольно заменил двух выборных посадских людей своими ставленниками, один из них был боярский сын Федосий Богданов. Избиратели энергично взялись защищать свое правое дело и подали царю челобитную: *«...вместо посадских людей приехал к тебе, государю, к Москве тот Федоска по отписке (воеводы), будто в выборных, а мы... такова воришка, и сставщика, и пономаренка к твоему государеву великому делу не выбирали и выбору не давали и такому воришке Федоску... у такова твоего госуда-*

рева царственного дела быть нельзя». Вследствие этой жалобы царь велел исключить Богданова из числа соборных членов; воевода же был вскоре смещен.

Если иностранец приезжал в Москву из страны, имевшей представительный орган, он не просил объяснить, что такое Земский собор. Для польского подданного Филона Кмиты собор 1580 г. — сейм¹, англичанин Джером Горсей опознает собор 1584 г. как парламент, ливонский дворянин Георг Брюнно называет собор 1613 г. риксдагом, а немец И.-Г. Фоккеродт пришел к выводу, что это был род сената. Вполне симметрично видит английский парламент Герасим Дохтуров, русский посланник в Англии в 1646 г.: *«Из всяких чинов выбраны думные люди... сидят в двух палатах; в одной палате сидят бояре, в другой — выборные из мирских людей»*. Единственное, что его смутило: *«...сидят с пять сот человек, а говорит за всех один речник [ударение на первом слоге]»*. Английские бояре, о которых говорит Дохтуров, сидели в Палате лордов. Ее русским аналогом, напомним, была Дума, не пережившая Петровских реформ.

6. Важнейшие решения соборов

То, что в России к соборам привыкли и ценили их, иностранцы хорошо понимали. Так, польский претендент на русский престол, королевич Владислав, всячески обещал ограничить свою власть не только аристократической Боярской думой, но и «Собором Земли». Свое обязательство не менять русские законы и не налагать новые подати он также отдавал под контроль собора.

Соборы решали вопросы войны и мира, в те времена неразрывно связанные с территориальными спорами. О том,

¹ 8 января 1581 г. он сообщает Стефану Баторию важнейшую новость: *«Великий князь имел у себя сейм, желая знать волю всех людей, своих подданных, вести ли войну или заключить мир с вашим королевским величеством... Вся Земля просила великого князя, чтобы заключил мир»* (цит. по: Б. Н. Флоря. Иван Грозный. — М., 1999).

как соборы решали вопросы о Ливонии и Азове, речь у нас уже шла. В 1651 г. Земский собор, пойдя против воли патриарха Иосифа, не дал прямого согласия на принятие в подданство гетмана Богдана Хмельницкого «со всем войском козацким» (точнее, возможность положительного решения была поставлена в зависимость от действий Речи Посполитой, но это, в контексте ситуации, был отказ), а в 1653 г. согласился безоговорочно.

Вот как это было. 1 октября 1653 г. царь Алексей Михайлович созывает в Грановитой палате земский «Собор всех чинов». Участники собора должны были дать ответ на вопрос: удовлетворить ли просьбу гетмана, принять ли православных братьев «под высокую царскую руку»? Положительное решение означало две неизбежные войны с государствами, одно из которых (Польша) считало казацкие земли своими, а другое (Крымское ханство) имело на них собственные виды, причем получили в итоге и третью — со Швецией. Однако отрицательный ответ воспринимался собором как отдача единоверцев на растерзание еретикам (Польше) и «басурманам». Высказывались по куриям. Освященный собор (патриарх и духовенство) дал благословение, Дума ответила положительно, служилые люди обещали биться, не щадя головы, купечество вызвалось жертвовать деньги на предстоящую войну.

Приняли во внимание даже мнение «площадных людей» — не участников собора, а народ, что толпился (речь об этом у нас уже шла) на Ивановской площади Кремля в ожидании, что решит собор. Но вообще-то решение стало возможным благодаря именно голосам купечества, без их денег предприятие было бы обречено, но торговые люди, как один, вызвались оплатить расходы. Не «бюджетными» деньгами — своими!

Алексей Михайлович, которому шел всего лишь 25-й год, не скрывал радости, считая происходящее началом долгожданного торжества православия и православного царства. В эти годы он даже называл себя государем Святой Руси.

В Москве были и противники такого решения. Западник и сторонник союза с Польшей, влиятельный дипломат Афанасий Ордин-Нащокин (боярин и член Думы) отговаривал царя

вплоть до самого собора. Против соединения с Малой Россией были все Милославские, родственники жены царя. Но никто не сумел ослабить его решимость и благочестивое рвение. Впрочем, дело решилось во многом благодаря голосам купечества: без их денег предприятие едва ли было бы возможно.

Не все решения соборов сохранились, но, когда известен обсуждавшийся вопрос и последовавшие действия, можно составить представление и о соборном «приговоре». К примеру, в 1650 г. царь постановил *«быть собору на псковском воровском заводе»* (т. е. о псковском преступном деле). Речь шла об упорном мятеже в Пскове, начавшемся в феврале. Горожане упразднили власть московского воеводы и, вспомнив вечевые времена, стали решать дела мирским сходом, куда собиралось до 4—5 тыс. человек, а исполнительную власть передали «земской избе». Войско князя Ивана Хованского перекрыло пути к городу, но взять его не решалось. В июле горожанам начали выдавать хлеб из боярских житниц. Тогда Алексей Михайлович решил отправить в Псков Рафаила, епископа Коломенского, и созвать Земский собор. Помимо Думы, были созваны выборные от городских дворян, детей боярских, московских гостей, торговых людей Гостиной, Суконной и Черной сотни.

Когда выборные съехались, им подробно изложили дело и поставили вопрос: *«Если псковичи Рафаила, епископа, и выборных людей не послушают, то с ними что делать?»* Ответ собора не сохранился, но меры усмирения в итоге оказались «кроткими»: решено было не требовать выдачи зачинщиков, а стараться всячески успокоить бунт. В августе Псков успокоился. (Позже, в октябре, вожаков восстания все же взяли под стражу и увезли в Новгород — власть не любила расписываться в слабости.)

В конце 1681 г. бояре созвали служилых людей совещаться о войске, отдельно от них с представителями посадских людей обсуждались подати. Затем служилые люди (но не посадские, их это никак не затрагивало) соединились с Освященным собором и Думой для решения об отмене местничества. 12 января 1682 г. «враждотворное» местничество —

занятие должностей в зависимости от знатности и служебного положения предков — было уничтожено. Это одно из самых замечательных достижений соборов за всю их историю. «Разрядные книги», в которых фиксировались родословие и назначение на должности, были торжественно сожжены (о чем историки, конечно, горько сожалеют), во главу угла легло служебное соответствие.

Вот как это было: *«Святейший патриарх со всем Освященным собором и весь его государской синклит вси с великим усердием Бога благодарisha, глаголюще: „Да погибнет во огни оное, Богом ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее местничество и впредь да не воспомянется во веки!“ И того ж числа те книги преданы огню государския передния полаты в сенях. А при том стояли от великого государя Царя и великого князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя, и Белья России самодержца, боярин князь Михайло Юрьевич Долгорукой да думный дьяк Василий Семенов; а от великого господина святейшего Иоакима, патриарха Московского и всея Руси, все преосвященные митрополиты и архиепископы до тех мест, покамест те книги совершенно все сгорели».*

Созыв соборов не стал предписанной законом процедурой, он остался обычаем. Отменить закон можно лишь с соблюдением других связанных с ним законов, а обычай может отмереть и сам либо по прихоти власти, когда он ей неудобен. Население понимало значение Земских соборов и не раз напоминало о необходимости их созыва, что достоверно зафиксировано, в частности, в 1662 г. Это был год Медного бунта, вызванного тем, что правительство для покрытия военных расходов приравняло за несколько лет до того новую медную монету к серебряной. Следствием стал непрерывный рост цен и появление большого количества подделок. Призванные московские «гости» и другие торгово-промышленные люди сошлись в том, что мнением одной Москвы не обойтись, и дали такой совет: *«То дело всего государства, всех городов и всех чинов и о том у великого государя просим, чтобы взять изо всех чинов на Москве и из городов лучших людей по пять*

человек, а без них нам одним того великого дела на мере поставить невозможно».

Иногда члены собора, не довольствуясь ответами на царские вопросы, проявляли инициативу сами. Так, на соборе 1621 г., созванном по поводу очередной войны с Польшей, служилые попросили царя «разобрать службу», чтобы тяготы служб распределялись бы правильнее. В 1642 г. члены собора жаловались на злоупотребления администрации, а на «Долгом соборе» 1648—1649 гг. подавали челобитные для разрешения самых разных вопросов — например, о необходимости выделения самостоятельного Монастырского приказа, что и было сделано.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

**ДВУХСОТЛЕТНЕЕ
ИСПЫТАНИЕ**

Глава одиннадцатая

Конец губных целовальников

1. Абсолютизм побеждает повсюду

Российские парламенты не смогли стать постоянным институтом. Плохо ли, хорошо ли, но судьба нашего парламентаризма на стыке XVII и XVIII вв. оказалась ближе к французскому, чем к английскому варианту. И в России, и во Франции упадок представительных органов стал следствием усиления регулирующего начала государства.

Это была пора победы абсолютизма практически на всем европейском континенте (исключая Польшу). Государство то в одном, то в другом конце Европы подминало под себя сословное представительство или упраздняло его вовсе. Французские Генеральные штаты были созваны последний раз в 1614 г., после чего о них, за ненадобностью, забывают на 175 лет. Ландтаги германских княжеств, с развитием в них неограниченной княжеской власти, утрачивают в XVII в. политические права, а в XVIII в. либо исчезают совсем, либо не играют никакой роли. Кортесы в Португалии созываются последний раз в 1698 г. (как и последний Земский собор). Шведский король Карл XI объявляет себя в 1680 г. самодержцем, а риксдаг — лишь своим «помощником». И так далее.

Русское государство во второй половине XVII в. экономически окрепло, усилился правительственный класс. Этому классу была не по душе деятельность Земских соборов, участники которых не раз указывали на его злоупотребления. Возможно, московскую верхушку настораживала растущая сила «Земли». Проводя, выражаясь сегодняшним языком, непопулярные реформы, власть стала опасаться приезда в Москву большого количества служилых и выборных. Появились авторитетные лица, враждебно настроенные против соборов, например патриарх Никон.

Менее всего можно было ждать созыва новых соборов от Петра I. В своей реформаторской деятельности, потребовавшей огромного напряжения сил всей страны, он не дерзнул опереться на соборы, явно не веря в их жертвенность. Парадоксально (или нет?), но к окончательному упразднению важнейшего русского демократического института привела «европеизация» России, начатая в конце XVII в. сперва царицей Софьей, а с 1694 г. — Петром I.

То, что демократии в это время не наблюдалось в остальной Европе, не служит утешением. Самобытная русская демократическая традиция надолго прервалась. При Петре I же произошло почти полное удушение низовой демократии — выборного местного самоуправления, о котором также следует сказать несколько слов.

Судебник 1497 г., запретивший судье вести процесс без участия присяжных (*«на суде... быть старосте и лучшим людям целовальникам»*), а *«в которых волостях прежде старост и целовальников не было, в этих местах всюду теперь быть старостам и целовальникам»*), делал обязательной для окраин практику, давно сложившуюся на основной территории. «Лучших людей», а это и есть присяжные заседатели, выбирала вся волость.

Историк русского права М. Ф. Владимирский-Буданов по документам дальних уездов и волостей, куда годами не назначались наместники, показывает, что и без них «управление шло», его осуществляли сотские и старосты. Население выбирало их согласно обычаям, восходившим ко временам старинной «верви». Такие обычаи рождаются из инстинкта

социальной справедливости. Что же касается Избранной рады, она, ликвидируя кормления, упорядочивала и развивала механизмы, давно выработанные народной жизнью. В 1555—1556 гг. было отменено наместничье управление в общегосударственном масштабе. Наместников и волостелей почти повсеместно заменили выборные земские власти.

Вплоть до петровских преобразований власть в России (исключая верховную власть государя и власть воевод в городах с уездами) была выборной. Вертикаль власти, начиная от воеводы и вниз, была представлена уездными, волостными и посадскими самоуправляющимися органами. Вполне демократическая процедура была у сельского «мира», а в городах существовали свои структуры средневекового гражданского общества — «сотни» и слободы («слобода», кстати, — вариант слова «свобода») с выборными старостами.

На выборных должностных лицах — земских (волостных) и губных старостах и целовальниках — лежали административные и судебные обязанности. Губа представляла собой судебный округ и включала 1—2 уезда. Губные старосты (именовались также «излюбленными старостами») избирались обычно на год, они расследовали серьезные уголовные преступления. Выборными были земские судьи («судейки» — фамилия художника Судейкина отсюда) с дьяками («кому у них всякие дела писати»), отвечавшими за правильное оформление дел. Земские власти ведали важнейшими для населения делами, включая землеотвод, межевание, сбор податей, поддержание порядка, разверстку общественных обязанностей и повинностей, борьбу с эпидемиями, клеймение лошадей, контроль за состоянием мер и весов и т. д., а также проведение выборов.

На этих выборах из местных дворян избирались старосты, а их помощники — целовальники — из местных крестьян и посадских людей. Выбирались также сотские и пятидесятские. Слово «целовальник» сегодня звучит забавно (особенно сочетание «губной целовальник»), но объясняется просто: вступая в эту выборную должность, человек приносил присягу, целуя крест.

Историк В. Л. Махнач проводит следующие параллели: «Если земский староста подобен испанскому алькальду, то губной староста подобен англосаксонскому шерифу... **Власть** [в допетровской России] **имела под собой мощную демократическую базу**. Это была не бюрократическая, а антибюрократическая система правления», поскольку бюрократия, представленная классической фигурой дьяка, «воспринималась всем населением, начиная с низов, не как власть, а как наемное чиновничество, исполняющее (пусть зачастую не без корысти для себя) волю власти — прежде всего выборной. Развитая система самоуправления существует вплоть до петровского переворота, и существует она на фоне чрезвычайно низкой бюрократизации на местах». Даже в таком крупном городе, как Нижний Новгород, весь «аппарат» городского воеводы состоял из дьяка с подьячим. О русской нелюбви к «крапивному семени» свидетельствует тот факт, что земских и городских дьяков (в отличие от дьяков приказных) порой именовали дьячками и даже обзывали дьячишками — совсем как церковнослужителей без степени священства. Последнее порождает путаницу в головах современных читателей, в прежние века никакой путаницы быть не могло.

Земская реформа не везде была доведена до конца. Коегде, особенно на юго-западных окраинах, приказные люди теснили выборных. Были и такие места, где кормления без перехода сменились жесткой властью воевод. Тем не менее на законодательном уровне права земств даже расширились. В 1648—1649 гг. в ведение земских властей перешли подгородные земли, по тем или иным причинам изъятые у владельцев, а по Новоторговому уставу 1667 г. — судебные дела купцов, находящихся в длительных отлучках по торговым делам. На земства был возложен и сбор новых налогов, которые надлежало сдавать в приказы, минуя воевод, к большой досаде последних. Вместе с тем сохранившиеся указы избирателей Земским соборам о том, чтобы вместо приказных людей сбором налогов занимались выборные целовальники, говорят о том, что борьба земских и приказных начал шла с переменным успехом.

В целом же по участию низового демократического элемента в местном самоуправлении допетровская Россия принципиально опережала Англию, где лишь реформы 1888 и 1894 гг. покончили с монополией аристократии в местном самоуправлении.

2. Петр I убивает русский суд, но не до конца

Справедливый суд — одно из условий свободы. Историк Н. В. Соколов в серии статей «Родословие русской свободы» на сайте «Еженедельный журнал» (<http://www.ej.ru>) поставил перед собой цель *«вернуть в активную общественную память... здравые представления о “духе русского народа”, который на всем протяжении своей долгой истории разделял основные цели общеевропейского культурного движения»* (добавлю от себя: веками ничего не зная ни о каком «общеевропейском движении»; сходство было типологическим). Серия освещает ряд аспектов российского саморазвития, и среди них суд. Вот как описан исторический русский суд до его слома при Петре I: *«Суды вершились публично, причем безусловно господствовал процесс состязательный, состоящий в споре двух равноправных сторон перед судьей, оценивающим свидетельские показания по внутреннему убеждению. Главным двигателем правосудия был свободный гражданин, которому принадлежал как почин возбуждения дела, так и бремя доказывания, государственная же власть дорожила своей судебной функцией только как источником доходов и вовсе не рассматривала ее как инструмент влияния на подданных в желательном направлении. Собственно, только такой способ отправления правосудия в России назывался судом до самого XVIII в., когда этот тип процесса был окончательно вытеснен государственным розыском».*

Этот исторически сложившийся в России состязательный процесс, при котором стороны имели равные права в представлении суду доказательств и в отстаивании своих законных требований, был по существу упразднен именным указом Пет-

ра I от 21 февраля 1697 г. и «добит» в 1716 г., когда петровское же «Краткое изображение процессов», разработанное для военных судов, стало обязательным и для судов гражданских. Активность сторон в процессе была сведена на нет, главная роль перешла к судьям. По мнению Петра, стороны злоупотребляли своими процессуальными правами, и он эти права решительно урезал. Состязательный процесс на многие десятилетия сменяется судом-следствием. Тем, кто видит в деятельности Петра сплошную европеизацию, стоит задуматься.

С другой стороны, в XVIII в. в России появляется понятие о крайней необходимости применительно к незначительным кражам «из крайней голодной нужды». Наказание в таких случаях или совсем не применялось, или умалялось. В Англии, по контрасту, казнь через повешение полагалась за карманную кражу на сумму более шиллинга, за кражу в лавке на сумму более 5 шиллингов, за пойманного на помещичьей земле кролика.

К этому надо добавить, что при всех благоприобретенных стараниями Петра изъянах русский суд оставался крайне милосердным. Выше у нас уже шла речь о 24 наказанных (включая шестерых казненных) по следам двухлетней крестьянской войны Пугачева, потрясшей страну.

В XVIII в. в России утверждается разноуровневый сословный суд. Характерная подробность: лишить дворянина дворянского звания мог только дворянский суд на основании доказанного преступления. Сословный суд, аналог «суда равных» английского права, был, конечно, тормозом в развитии страны. Такое положение сохранялось до судебной реформы 1864 г. Тяжбы в судах были долгими (вспомним Гоголя) — даже более долгими, чем современные тяжбы в западных судах. Самые злые изображения дореформенного русского суда, естественно, вышли из-под пера тех, кто сам подвергался судебному преследованию — как, например, А. В. Сухово-Кобылин. Но не забудем, что справедливость победила: Сухово-Кобылин был оправдан.

Пока не появилось Уголовное уложение 1845 г., в распоряжении судьи сплошь и рядом были столь архаичные законы,

что ему приходилось, отложив их в сторону, руководствоваться просто здравым смыслом. И что же? Мемуары почему-то не пестрят жалобами на нелепые приговоры. Жаловались на волокиту, взятки, крючкотворство, но эти жалобы стары как мир и универсальны во всем мире: прочтите «Холодный дом» Диккенса, современника Сухова-Кобылина.

Когда Р. Пайпс отважно заявляет: *«До судебной реформы Россия не знала независимого судопроизводства»*, это напоминает реакцию специалиста по анатомии пингвина, которому показали атлас анатомии человека. Почему-то никого не смущают разительные отличия между англо-саксонским судом и судами стран, развивавших римское право. Каждая страна торила свой путь и имела на это право.

Реформа 1864 г. не принесла судебный рай. На укоренение нового суда ушло лет двадцать, в течение которых только и было разговоров, что он не приживается, что он не для России. Когда же наконец всем надоело повторять одно и то же, вдруг выяснилось, что в России очень даже неплохой суд. Но по-настоящему его оценили, лишь когда его не стало. Порой одна мимолетная фраза может заключать в себе очень много. *«Отношение к русскому правосудию, как к самому справедливому и честному в мире, еще твердо держалось; не сразу можно было осознать, что все коренным образом изменилось, и такое замечательное учреждение, как русский суд, — тоже»*¹, — передает мемуаристка потрясение, испытанное ей в 1918 г. Эти слова — напоминание о ясной и непоколебимой уверенности людей ушедшей России в своем суде, уверенности, которая не свалилась с неба, а покоилась на их жизненном опыте.

Русский суд кончился, когда четырьмя декретами между 24 ноября (7 декабря) 1917 г. и 30 ноября 1918 г. юрист по образованию Ленин отменил, уничтожил весь корпус законов Российской империи (*«При рассмотрении всех дел народный суд применяет декреты рабоче-крестьянского правительства, а в случае отсутствия соответствующего декрета или*

¹ Н. А. Кривошеина. Четыре трети нашей жизни. — М., 1999. С. 31.

неполноты такового руководствуется социалистическим правосознанием. Ссылки в приговорах и решениях на законы свергнутых правительств воспрещаются»). К сожалению, мало кто осознает, что этот акт — один из самых разрушительных и страшных даже на фоне остальных страшных преступлений большевизма. Последствия этого акта будут сказываться, вероятно, весь XXI в. Нынешняя Дума вынуждена заново (и не всегда удачно) изобретать земельное, финансовое, банковское, залоговое, вексельное, наследственное, переселенческое, национально-административное и десятки других видов законодательств, тогда как другие страны пользуются сводами своих законов двух- и трехвековой давности, понемногу их обновляя. Предложения вернуться к Своду законов на 2 марта 1917 г. и к Основным законам от 23 апреля 1906 г., звучавшие начале 90-х, были отвергнуты нашими темными красными законодателями без обсуждения.

3. Петровские реформы: и катастрофа, и прорыв

Тезис об отсутствии русской демократической традиции относится к донаучным представлениям и должен занять свое место где-то между «теплородом» и «самозарождением организмов». Тем, кто не хочет попасть с этим тезисом впросак, стоит ознакомиться с книгой В. Н. и А. В. Белоновских «Представительство и выборы в России с древнейших времен» (М., 1999). Впрочем, данный вопрос бывает довольно внятно освещен и в обычных учебниках истории государства и права.

Мы никогда не узнаем, как бы развивались российские формы парламентаризма и самоуправления, если бы не переворот Петра I. Петр стал разрушителем русских демократических институтов. При нем не только прервалась практика созыва Земских соборов, он, по сути, уничтожил их основу — старинное земство, внедрив в самоуправление бюрократический элемент. В 1702 г. он упразднил губные учреждения, к 1711 г. сошла на нет Дума. Западник Петр создал бюрокра-

тическое государство, где власть принадлежала чиновникам, а роль выборных лиц была резко понижена.

Говорят, Петр «привел Россию в Европу». Но воссоединение с Европой состоялось бы в любом случае. Интенсивный способ развития не столь уж географически далеких христианских стран все более показывал свои преимущества, и не было причин, почему Россия не воспользовалась бы его плодами. Из записок француза де Ла Невилля, имевшего беседу с Василием Голицыным, негласным правителем страны при царице Софье, можно заключить, что тот планировал преобразования куда более основательные, чем Петр: намеревался, в частности, осваивать Сибирь, проложить там почтовые дороги, освободить крестьян от крепостной зависимости и даже наделить их землей... Не замечательно ли? Крепостное право только недавно стало приобретать в России некоторую законченность, а Голицын уже собирается его упразднить. Но власть досталась Петру I, нашедшем в крепостном праве одну из главных опор своих преобразований.

Деятельность Петра I навсегда останется предметом споров. При нем, и во многом благодаря ему, Россия окончательно стала великой державой, вышла к Балтийскому и Азовскому морям, обзавелась новой столицей — ныне одним из самых прекрасных городов мира. Гражданский шрифт, гражданское книгоиздание, первые газеты, новое летосчисление, рывок в промышленном развитии, новая армия и флот, Академия наук и академический университет, Навигацкая и Инженерная школы, Морская академия, Академия художеств, новые города (помимо Петербурга и Кронштадта, это Липецк, Таганрог и Петрозаводск), крепости, дворцы, каналы, дороги — все его заслуги трудно даже перечислить. Наконец, Петр твердо поставил личные заслуги выше происхождения, запретил браки по принуждению родителей и, как принято считать — хотя это верно лишь в малой степени, — «вывел женщин из терема» (см. выше: «Права человека в допетровской Руси»).

А вот в истории российского народоправства и выборного представительства эпоха Петра I и его преемников — серьез-

ный провал. Это все еще мало осознано: Петр внедрил столько чужеземного, так сильно вестернизировал верхушку общества, что свое, допетровское, в последующие времена даже на уровне обсуждения начало восприниматься (по крайней мере, либеральным лагерем и революционными демократами) как нечто безусловно отсталое¹ и уж точно деспотическое, хотя это никак не соответствует действительности. При Петре пресеклось все, что было политически многообещающего в России XVII в. До него в стране имелся сословный и при этом выборный представительный орган, имелись низовые выборные демократические учреждения. На фоне безжалостных тираний и кровавых зверств Европы XVI—XVII вв. Боярская дума, Земские соборы и земское выборное самоуправление смотрятся очень даже неплохо.

Любое явление следует оценивать прежде всего по меркам своего времени. Прямой аналог Земских соборов, французские Генеральные штаты созывались меньшее число раз и прекратились раньше, но французскую парламентскую традицию ведут именно от них, а у нас, выходит, нет парламентской традиции. Между тем полномочия и функции соборов были, повторяюсь, вполне парламентские. На них были приняты важнейшие законодательные документы в истории России XVI—XVII вв., важнейшие решения в области внешней политики, войны и мира. Соборы имели право законодательной инициативы, решали вопросы налогообложения, вопросы церковного устройства, внутреннего управления, торговли и промышленности.

Бюрократический переворот Петра I не был ни одномоментным, ни прямолинейным. Указом от 30 января 1699 г. Петр ввел в городах должность выборного бурмистра с тем, чтобы *«гостей, гостиные сотни и всех посадских, купецких и промышленных людей... ведать бурмистрам их и в бурмистры выбирать им меж себя, по скольку человек похотят; а из них по одному человеку сидеть по месяцу президентом»*. Бур-

¹ Герцен говорил о допетровской эпохе, ничего о ней не зная: *«Государственная жизнь допетровской России была уродлива, бедна, дика»*.

мистры избирались всем «посадским обществом» на посадском сходе из всех разрядов посадского населения. Заседали бурмистры под председательством «месячного» президента в присутственном месте, которое велено было звать ратушей. Избирались также ратманы (советники), сохранилось и право выбирать податных сборщиков *«общим с граждан согласием»*. *«Все эти должности, то есть президента, бургомистра и ратманов, были замещаемы по выбору самих граждан из числа граждан первостатейных, добрых, зажиточных, и притом только русских»* (Константин Трощина. История судебных учреждений в России. — СПб., 1851).

Указы 1699, 1702, 1708 и других годов, касавшиеся органов самоуправления, не отменяли выборного начала. Губернская реформа вообще могла бы открыть путь к углублению демократического начала в низовом управлении, поскольку привела к существенной децентрализации управления и высокой самостоятельности губерний. Однако над ратушами власть водрузила магистраты. Члены магистратов, избиравшиеся бессрочно, считались «действительными начальниками» граждан. *«Закон ставил выборных на чиновный путь, обещая за службу чины по табели о рангах»* (Ключевский). Сами новые слова — бурмистр, ратуша, президент, ратман, магистрат — говорят о копировании образцов из-за рубежа, чаще всего из Швеции — страны развитой и изощренной бюрократии.

Правда, по уездам остались земские суды и при всех переменах административного устройства сохранялись должности с приставкой «земский» (казначей, надзиратель сборов и т. д.), но бывшее земское самоуправление сошло на нет. Зато появились земские комиссары — чиновники со множеством функций, они отвечали за разверстку подушной подати, ведали межевыми и тяжёбыми делами, торговлей, промышленностью, народным здоровьем и нравственностью. Лишь *«на самом дне»* (по меткому выражению Ключевского) сохранились *«старинные сельские полицейские органы, избиравшиеся на крестьянских сходах, сотские и десятские»*, только они остались вне чиновной иерархии; на помещичьих же зем-

лях «настоящей мелкой земской единицей стала барская усадьба».

После губернской реформы 1775 г. самоуправление чуть воспряло. Реформа усовершенствовала систему выборных административных и судебных должностей на уровне губерний и уездов. Увы, это было уже не демократическое самоуправление (с целовальниками из крестьян, с представителями городских сословий во главе слобод), а дворянское. Появилась система выборных должностей, которые могли занимать только дворяне. За образец брались системы дворянского самоуправления Пруссии, Австрии, Англии. Но в этих странах они складывались таковыми на протяжении веков, а **для России это был исторически роковой шаг назад.**

Жалованная грамота городам (1785) учредила всесословные выборные органы в городах (Городскую думу, Шестигласную думу, магистрат). Да и сельский «мир», хоть и переживал необратимую, казалось бы, деградацию (его искусственно оживит правительственная политика XIX века), сохранял вполне демократическое самоуправление.

При всех наших законных претензиях к Петру I, надо признать, что и при нем и при его преемниках (это особо подчеркивает Б. Н. Миронов) *«все социальные группы, все сословия обладали правом самоуправления. Властные функции разделялись между верховной властью и корпорациями — дворянскими, городскими, — а также общинами».*

Глава двенадцатая

Не до конца утраченное наследие

1. Смелый эксперимент Екатерины II

Значение допетровского земского опыта для политической истории России трудно переоценить. Земства не были забыты. В следующем веке они пережили второе рождение — и как система местного всеобщего демократического самоуправления, и как либерально-оппозиционное общественное движение, подготовившее переход России от самодержавия к конституционной монархии.

Мощные явления вообще редко угасают одновременно. Отголоски Земских соборов обнаруживаются и в XVIII в. Между 1700 и 1766 гг. шесть раз созывались Уложенные комиссии — временные коллегиальные органы для кодификации законов, вступивших в силу после принятия Соборного уложения 1649 г.

Громадное количество нормативно-правовых актов делало ситуацию в правовой сфере крайне сложной. На территории империи действовали противоречащие друг другу указы, уставы и манифесты. Кроме Соборного уложения 1649 г., в России не было единого свода законов. Первая из Уложенных комиссий (УК) состояла из бояр, окольничьих, думных дворян и дьяков, т. е. по составу была ближе к Думе, чем к со-

бору. Однако уже следующие составы УК пополнялись сенаторами, членами коллегий, несколькими десятками депутатов от губерний. Из-за всякий раз повторявшихся острых противоречий в УК поставленная цель достигнута не была. Это побудило Екатерину II — нет, не усадить нескольких законовеев и без всяких дискуссий написать новые законы, а созвать седьмую Уложенную комиссию в составе даже более представительном, чем самый полный из Земских соборов с заданием выработки нового свода законов, уже «европеизированных». В июле 1767 г. в Москву съехались депутаты от всех 189 уездов и 216 городов империи.

Депутаты должны были представлять *«нужды и недостатки каждого места»* и наказы от избирателей, обсуждать новые законы. В выборах депутатов участвовали дворяне, горожане, «служилые люди старых служб», купцы, однодворцы, казаки, чернососные, государственные, «экономические» и приписные крестьяне, пахотные солдаты, «ясачные» народы и вообще все оседлые инородцы. Самые крупные депутатские группы были от следующих сословий: 33 % от дворянства, 36 % — от горожан, 20 % — от государственных крестьян. Невыборными были члены Сената, Синода, 28 представителей коллегий и канцелярий. Число депутатов в УК доходило до 580. По сути, это был настоящий, но уже последний Земский собор.

Число наказов достигло полутора тысяч — это была поразительная демократическая самодеятельность. Но главным из них стал «Наказ» Екатерины, настоящий философский труд эпохи просвещенной монархии. Своим «Наказом» императрица, как считалось, направляла деятельность депутатов в нужное русло. «Наказ» провозглашал, среди прочего, что *«Россия есть европейская держава»*. Под свободой «Наказ» Екатерины понимал «спокойствие духа», проистекающее от сознания собственной безопасности. Передовым для своего времени был тезис о том, что все сословия обязаны одинаково отвечать по уголовным преступлениям, а равенство всех граждан состоит в том, *«чтобы все подвержены были тем же законам»*. В «Наказе» отмечалось, что нет необходимости наказывать голый умысел, не причинивший реального вреда обществу.

Подчеркивалось, что указы не заменяют законов, а потому могут иметь ограниченный срок действия. Интересной была и такая мысль: *«Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран [«пространного государства» — т. е. России] присылаемых, награждала медление, отдаленностью мест причиняемое»*.

Депутаты работали не только в общем собрании (состоялось на удивление много заседаний — 204), но и в 19 частных комиссиях (сегодня мы бы назвали их комитетами), а также в подкомиссиях. Общее собрание вел маршал-председатель. Среди прочего был рассмотрен проект Жалованной грамоты дворянству, оглашенной, правда, лишь 17 лет спустя.

Впрочем, екатерининская Уложенная комиссия была с самого начала обречена на неуспех: у депутатов XVIII в. отсутствовали шансы договориться — интересы участников оказались слишком непримиримы. Дворянство требовало расширения прав и привилегий, укрепления своей монополии на земельную собственность, стремилось к созданию замкнутой дворянской корпорации с дворянским самоуправлением на местах и даже к неограниченным правам в предпринимательской сфере. Правда, дворяне требовали также расширить права крестьян в области торговли и промышленности — помещикам были нужны богатые, а не бедные крестьяне. Купечество, наоборот, жаловалось на конкуренцию со стороны крестьян и требовало отстранить их от этого рода занятий. Оно также не видело причин, зачем дворянам заниматься предпринимательством. Крестьяне жаловались на малоземелье и тяжесть тягла.

При таком количестве депутатов естественно было ожидать и некоторого количества радикальных выступлений. При обсуждении крестьянского вопроса депутаты-дворяне Г. Коробьин и Я. Козельский, а также И. Жеребцов (от пахотных солдат), И. Чупров (от государственных крестьян), А. Алейников (от казаков) и другие предлагали передать часть земли в собственность крестьян, ограничить повинности крестьян, предлагали меры по органичению крепостного права. Депутат-однодворец А. Маслов поднял вопрос о фактическом изъятии крепостных из-под власти помещиков.

Труды Уложенной комиссии представляют огромный интерес для историка, стремящегося понять, что представляло из себя русское общество на пороге третьей трети XVIII в. К сожалению, они изучены, во-первых, недостаточно, а во-вторых, слишком односторонне — главное внимание всегда уделялось крестьянским наказаниям.

Примирить противоположные точки зрения депутатов УК не представлялось возможным. Несогласованность действий представителей разных сословий, мощные корпоративные интересы затрудняли совместную кодификационную работу. Екатерина начала понимать, что такая комиссия новый свод законов не составит. Поводом к остановке работы УК послужила очередная русско-турецкая война, начавшаяся в 1769 г., а после нее — пугачевский бунт, поставивший под вопрос слишком многое из обсуждавшегося. В итоге работа УК так и не возобновилась, хотя ее частные комиссии заседали до 1773 г., да и после этого штаты комиссии распущены не были, статус и правовой иммунитет депутатов сохранялись.

Если провести параллель к Уложенному собору 1648—1649 гг., его единодушие (и то очень относительное) объяснялось отсутствием на нем депутатов от крестьян. Именно за их счет «блок дворян и купцов» смог тогда решить неотложные вопросы страны и свои собственные — прежде всего вопросы земельной недвижимости, посадов, налогов, судопроизводства, ограничения имущественных и иных прав церкви.

2. Первые приступы европейской зависти

В середине XVIII в. шведами было пущено утверждение: «Петербург стоит на костях». Что шведами, неудивительно — ведь это у них отняли устье Невы, это шведские пленные прорубали первые просеки будущих улиц (и в случае Невского проспекта, прорубая с двух сторон, промахнулись с направлениями: проспект, задуманный прямым как стрела от Лавры до Адмиралтейства, переламывается у Московского вокзала). Запуская этот слух, шведы пытались хоть как-то отомстить за

свое поражение в Северной войне. Зависть к государству-победителю, возведшему сказочный город, требовала любой ценой обесценить его успех. Шведская сказка воспроизведена бесчисленное число раз — главным образом жалостливыми отечественными авторами. Но и европейскими тоже. К примеру, модный в свое время французский писатель Люк Дюртен пишет о Петербурге в своей книге «Балтика» (1928): *«Возведение города из камня унесло больше человеческих жизней, чем земляные работы в Версале»*¹. В книге «Другая Европа» он даже приводит цифру: *«Город стоит на костях — на болоте, где царь Петр похоронил 150 тысяч рабочих»*.

Да и в наши дни кто же не знает про «город на костях»? Правда, доказательств этой «общеизвестной истины» никто никогда не представил, и при ближайшем рассмотрении (А. М. Буровский. Петербург как географический феномен. — СПб., 2003) выяснилось: город на костях — полный вымысел, решительно ничем и нигде не подтвержденный: ни историческими документами, ни церковными и кладбищенскими книгами. *«Из года в год в списках получавших жалованье, хлебное и денежное, встречаются одни и те же имена»*, — цитирует Буровский историка В. В. Мавродина. Рабочие жили в Петербурге в две смены с мая по ноябрь — по три месяца смена. В холодное время строительные работы за отдельными исключениями останавливались. Из «доношения» Устина Сенявина следует, что в 1712 г. из 2210 присланных в Петербург ремесленников умерли 61, а 46 оказались «дряхлыми за старостью». Экстраполируя цифру умерших на годовое количество рабочих в Петербурге (от 24 до 32 тыс.), можно допустить, что за год умирало в среднем 770 человек. Но смертность простых людей в те времена вообще была высока во всем мире — что в Версале, что в Петербурге. Причем конкретно в Петербурге рабочих постоянно не хватало и их берегли.

¹ Тут один миф наложился на другой: при строительстве Версаля действительно гибли люди, что во время французской революции 1789 г. было поставлено в особую вину французским королям, а число погибших было преувеличено до пределов вероятия. Для многих поколений французов, воспитанных в преклонении перед революцией, «жертвы Версаля» стали служить меркой для сравнений.

Из бумаг главы Канцелярии городских дел князя А. М. Черкасского видно, что в 1717 г. на 32 тыс. рабочих числилось 1000 больных (три процента, и, естественно, не все они умерли) и 3200 кашеваров (по одному на 10 едоков!). Причем 1717-й — последний год, когда привлекались рабочие по разверстке. После этого город строили уже вольнонаемные. Но вольнонаемных было немало и на первой стадии — на «великую стройку» люди стремились попасть ради хорошего заработка, особенно каменщики (редкая тогда специальность), печники, плотники, кровельщики, столяры, мостовщики, возчики. А еще Петербург был магнитом для беглых всякого рода — и до 1717 г., и после. Нуждаясь в рабочих руках, петербургские власти делали вид, что принимают беглого за оборочного.

У басни под названием «Петербург построен на костях» позже появились достойные отпрыски: железная дорога Петербург — Москва «построена на костях», Транссиб «построен на костях» (что касается Транссиба, советую побывать в Красноярском краеведческом музее: хорошо лечит от басен).

Запуск во всемирное обращение еще одного мифа — о потемкинских деревнях — можно признать самой успешной операцией черного пиара в истории. Миф не только держится уже больше двухсот лет, но и продолжает эффективно работать против страны, во вред которой был придуман. Что самое интересное, этот миф работает не только вне России, но и внутри нее.

Мистификация о потемкинских деревнях, как и многое в западных наездах на Россию, — порождение все той же человеческой зависти. До ее истоков добрался покойный академик А. М. Панченко. В 1787 г. Екатерина II показывала австрийскому императору Иосифу, польскому королю Станиславу Понятовскому и иностранным послам свои новые причерноморские земли и Крым. К Черному морю плыли от Киева по Днепру — днем плыли, на ночь приставали к берегу. Гостей потрясли приобретения России, особенно на фоне неудач Австрии в турецких делах и плачевного состояния Польши. Потряс и размах строительства в Херсоне, Николае-

ве, Севастополе, особенно верфей, со стапелей которых в присутствии гостей были спущены первые корабли. От прощательной Екатерины не ускользнула досада некоторых участников поездки. Ее реакция в таких случаях была всегда одна: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю. Пусть балагурят, а мы дело делаем».

Прошло много лет, как вдруг бывшего посла Саксонии при русском дворе Гельбига «осенило» (под влиянием новых политических обстоятельств), что селения по Днепру были декорациями, которые перевозили по ночам на новое место, а скот перегоняли. Технически это было бы абсолютно невозможно, но просвещенная публика в таких вещах не сильна. Детский восторг, охвативший Европу, не поддается описанию. Какая психологическая компенсация! У стиснутых своей географией стран появилась возможность сказать себе: все русские победы, приобретения, крепости, верфи, корабли, вся Новороссия — все, что они видели и ощупывали! — просто намалевано на холсте, ура!

После Гельбига прошло двести лет, но вот нынешние заголовки западных статей о России: «Потемкинская Россия» (Le Monde); «Потемкинские выборы» (Süddeutsche Zeitung и Christian Science Monitor единодушны); «Потемкинский компромисс» (The Wall Street Journal); «Путинская потемкинская Россия» (United Press International); «Политика потемкинских деревень в России» (Christian Science Monitor); «Нераспространение по-русски — потемкинская деревня» (National Review); «Потемкин свободного рынка» (The Wall Street Journal) и т. д.

Поражают даже не штампы мышления, поражает сила страсти. Живучесть «потемкинской» басни — факт гораздо больше западной, чем русской истории. Такое равнодушие Запада к России напоминает отношение мальчика, дергающего девочку за косу, чтобы она обратила на него внимание, признала, что он лучше всех, и полюбила. Как вырвалось у Макса Хастингса, обозревателя газеты «Гардиан» (в номере от 27 ноября 2006 г.), «в нашей реакции на их (русских) поведение есть что-то от горечи отвергнутых ухаживаний (*something of the bitterness of rejected courtship*)».

3. Без Востока и Запада

При всем отличавшем ее своеобразии Россия, как ни странно, не выходит за пределы схемы эволюции общественного устройства, присущей почти всему европейскому континенту. Упрощенно эта схема выглядит так: сословное представительство (XIV—XVII вв.)¹; абсолютизм (от XVI до XVIII в. включительно, в зависимости от страны); эволюция к конституционализму (весь XIX в.; в России — 1810—1906 гг.).

Это типологическое сходство как-то заслонило очень важную особенность нашего исторического пути. Ее суть в том, что четыре века подряд, **с начала возвышения Москвы и до Петра I, эволюция русского общественного устройства происходила без сколько-нибудь ощутимого влияния Запада и Востока.**

В связи с этим небольшое отступление. Есть множество авторов, использующих любой повод, чтобы подчеркнуть, что Россия — «цивилизационный мост» между Западом и Востоком, «средостение», «синтезирующее начало», «место встречи культур» и даже «объединяющий центр» (подлинная цитата: *«Исторически Россия была и остается объединяющим центром между Европой и Азией»* — автора, так и быть, не назову). Нашей общественной мысли почему-то все недосуг подвергнуть эти утверждения проверке, хотя именно они — источник большинства «евразийских» благоглупостей.

Между тем идея нашего душевного родства с Востоком, как и домыслы о «цивилизационном мосте», ни на чем не основаны. Исторически Европа общалась с Востоком напрямую со времен греко-персидских войн, походов Александра Македонского и т. д. Потом Восток сам пришел на Запад в виде арабского завоевания Испании, Португалии и Сицилии. Потом были Крестовые походы, христианское Иерусалимское

¹ Время появления сословно-представительных органов: Франция: Генеральные штаты — 1302 г.; Англия: двухпалатный парламент — 1343 г.; Швеция: риксдаг — 1435 г.; Дания: ригсдаг — 1468 г.; Польша: сейм — 1493 г.

королевство, португальские плавания в Индию, европейская колонизация Азии и т. д.

Русь Россия имеет свою, совершенно отдельную историю отношений, торговли и войн с Востоком. Уже с конца XVII в. начинается русско-европейское соперничество в странах Азии. Соперничество нарастало 150 с лишним лет в конце концов привело к Крымской войне и к «Большой игре» с Британской империей в Туркестане, Персии, Афганистане и Китае. Крымскую войну проиграла Россия (об этом помнят обе стороны), а гораздо более важную «Большую игру» — Британия (об этом помнит только Британия, а Россия давно и благодушно забыла).

Запад с Востоком продолжают свои отношения напрямую — сегодня главное в них то, что Восток постепенно заполняет города Запада своими уроженцами.

Откуда же берутся рассуждения об «историческом мосте»? Причин две. Первая из них та, что в состав России начиная с 1552 г. вошло немало мусульманских народов, и для них Россия долго была мостом к западной культуре. Некоторые из этих народов сегодня строят свои самостоятельные государства, но названная функция России в какой-то мере сохраняется, так как тамошние элиты по-прежнему русскоязычны. У нас с этими странами на все обозримое будущее останутся особые отношения.

Вторая причина — воспоминания о том, как на протяжении XX в. Россия (в основном в обличье СССР) брала на себя защиту либо представительство интересов тех или иных стран Востока: Монголии (начиная с 1911 г.), Афганистана (с 1918 г.), Турции (в 1919—1923 гг.), Китая (в 1949—1963 гг.), Индии (с 1954 г. до конца 70-х), арабских стран (особенно во время Суэцкого кризиса в 1956 г. и затем в 1967 и 1973 гг.), Вьетнама, Лаоса, т. е. действительно стала выполнять функции если не объединяющего (скорее уж разъединяющего) центра, то, во всяком случае, опекуна.

Лишь поняв, что Россия никогда не была «объединяющим центром» (а пожалуй, и «местом встречи культур»), мы согласимся, что вплоть до конца XVII в. у нее не мог возникнуть соб-

лазн изменять свое общественное устройство по западному или восточному образцу.

Если бы, к примеру, на общественное устройство русских княжеств повлияла Золотая Орда, на Руси должна была воцариться веротерпимость, предписываемая Великой Ясой, основным золотоордынским законом, восходящим к Чингисхану («уважать все религии и не высказывать предпочтения какой-либо из них»), а общественное неравенство сделаться менее выраженным (Великая Яса требовала: *«Существует равенство. Каждый человек работает столько же, сколько другой; нет различия. Никакого внимания не уделяется богатству или значению»*), — конечно, подобные требования не вели к равенству никогда и нигде, но там, где они провозглашались и были общеизвестны, они сокращали социальную дистанцию). Зато и смертную казнь Великая Яса предписывала почти за все виды преступлений и даже проступков. Ни того, ни другого, ни третьего на Руси не наблюдалось.

Да и как мог возникнуть соблазн подражания иноверным? После падения Константинополя в 1453 г. Русь осталась без идейного авторитета. То есть авторитет не исчез совсем, но был сильно подорван. В Москве то вспыхивали, то затухали подозрения: а такие ли уж православные теперь эти греки? Живут под басурманом, вступили во Флорентийскую унию с католиками. Потом, правда, унию расторгли, но как-то не до конца. Зато целых двести лет, до Никона, никто на Руси не сомневался в своем превосходстве над всеми другими народами. Ведь католики — еретики, другие православные — под турками или под католиками, прочие же народы — и вовсе басурмане. Все эти двести лет крепло следующее убеждение: поскольку русский царь — единственный во всей вселенной православный царь, это значит, что вся вселенная — подлинная, не пораженная беззаконием (очень интересное слово для обозначения всего нечестивого и иноверного) — находится в пределах Российского царства. Все, что за его пределами, — гноище нечестивых.

На какой же образец общественного и церковного устройства должна была в таком случае равняться Русь? Толь-

ко на Царство Божье. Да вот беда: едва ли в Царстве Божьем есть такие учреждения, как Дума, соборы, волости, губы, пятины, слободы, «сотни». Рационалистическое мышление всегда склонялось к утверждениям, что Россия на лишние четверть тысячелетия (между падением Константинополя в 1453 г. и концом XVII в.) засиделась в Средневековье, что она самодовольно варилась в собственном соку, отгородившись от мира. Это безнадежное упрощение.

Разумеется, Русь с древних времен очень многое восприняла из внешнего мира. Огромно духовное и всякое иное влияние Византии, а придворные церемонии были просто скопированы с византийских по настоянию Зои (Софии) Палеолог. Что-то приходило и усваивалось из Северной Европы и из Польши, особенно в материальной сфере, башни и стены Кремля строили итальянские зодчие (но взгляд Бунина видит *«что-то киргизское в остриях башен на кремлевских стенах»*), Золотая Орда внедрила конно-почтовые станции и систему сбора налогов. Несомненны восточные влияния на Русь — достаточно приглядеться к узорам и орнаментам, сбруе и оружию; в русском языке сотни слов восточного, прежде всего тюркского, происхождения, и даже свои высокие шапки русские бояре переняли от хорезмийцев. Все это общеизвестно. Но науке неведом ни один источник внешнего воздействия на становление выборного представительства и демократических традиций в допетровской Руси. **Они — плод ее саморазвития, равноценного другим известным моделям демократической эволюции.** Это саморазвитие — один из самых недооцененных и малоизученных аспектов отечественной истории. Неспроста его избегали и либеральные, и коммунистические историки. В петровское время началось бурное подражание Европе, шедшее рука об руку с уничтожением старинных представительных учреждений. Для XVIII в. эти учреждения — утраченное наследие.

Однако в сознании национально мыслящих деятелей память об этих учреждениях была жива. М. М. Сперанский, готовя в первые годы XIX в. свой план государственных преобразований, предусмотрел создание двухпалатного законодатель-

ного органа, состоящего из Государственного совета и Государственной думы. Нет сомнений относительно того, откуда он взял слово «дума».

3. На пути к Государственной думе

Государственный совет был торжественно открыт 1 января 1810 г. (сменив Непременный совет, учрежденный в 1801 г.). Государственная дума, а также окружные и губернские думы должны были быть провозглашены 1 мая, избраны в течение лета и собраны 1 сентября 1810 г. В выборах надлежало участвовать, кроме дворянства, «среднему состоянию» (купцам, мещанам, государственным крестьянам). «Низшие» (крепостные, мастеровые, слуги) пока получали гражданские права без политических, однако предполагалось постепенное, осторожное освобождение крепостных. Но... 1 мая ничего не произошло. Говорили о мощных интригах против проектов Сперанского, о том, что проект Думы отложен на два года.

Среди целой когорты лиц, интриговавших против проектов Сперанского (включая проект постепенного освобождения крестьян), был беглец из революционной Франции Жозеф де Местр. Живя в 1802—1814 гг. в Петербурге, формально в должности сардинского посланника, он оказал приютившей его стране услугу не совсем того рода, какую, согласно логике наших западников, должен был ей оказать просвещенный и приятный во всех отношениях европеец. Де Местр, похоже, любил Россию и желал ей добра. Но для него не было ничего страшнее демократии и разделения властей. А интриговать ему было легко — он слыл интеллектуальной звездой Европы, с ним любил беседовать сам император Александр I, к нему прислушивался министр просвещения Разумовский. Сперанский в 1812 г. был отставлен, а проект Государственной думы на 93 года положен под сукно. В этом есть и заслуга европейца де Местра.

Замысел Законодательного собрания, именуемого Думой, занимал важное место и в планах декабристов, много разду-

мывавших о том, как они обустроят Россию после своей победы. «Русская правда» Павла Пестеля предусматривала, что органами народного представительства в России станут Государственная дума и Верховный собор. В проекте конституции Никиты Муравьева фигурировали Верховная дума и Палата представителей.

В своем движении к конституционализму и правовому государству Россия совершила в XIX в. значительный рывок сразу по ряду направлений. Это далеко зашедшее преодоление цензуры, без чего была бы невозможна великая русская литература XIX в. и фактически свободная печать. Это крестьянская реформа, университетская реформа, военная реформа, городская реформа, судебная реформа.

Особо следует отметить земскую реформу 1864 г., которая не только восстановила земское самоуправление, но и подтолкнула его на путь модернизации деревни. В результате этой реформы и других преобразований эпохи Александра II, в результате всего саморазвития России XIX в., в стране появилось такое число выборных лиц, что это даже сократило удельный вес чиновничества в управлении. В этом смысле данный период допустимо рассматривать как реакцию на Петровские реформы.

Видный деятель земской реформы (а в 23-летнем возрасте — секундант на роковой дуэли Лермонтова) князь Александр Илларионович Васильчиков, автор трехтомного труда «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» (1869—1871), писал: *«Надо признать совершившийся факт, что мы с смелостью беспримерной в летописях мира выступили на новое поприще общественной жизни. Примеры других стран, сравнение наших учреждений с иноземными доказывают, что ни одному современному народу европейского континента не предоставлено такого широкого участия во внутреннем управлении, как русскому: все хозяйственное управление с неограниченным правом самообложения; вся мировая юстиция и некоторые административные обязанности поручены в России местным жителям; все должности внутреннего управ-*

ления, кроме полицейских, замещаются по выбору местных жителей; все сословия участвуют в совещаниях и решениях по местным делам». Земства сами избирали свои руководящие органы. Источником средств земств служило «самообложение», т. е. земские налоги, а также сборы с недвижимого имущества: земель, лесов, фабрик. Благодаря земствам появились сотни школ, библиотек, улучшалось здравоохранение, ветеринарное дело, страхование, агрономия, ремонтировались дороги.

На исходе XIX в. ощущением того, что самодержавие себя изжило, прониклось почти все сознательное общество России. Десятки людей, не знавших о существовании друг друга, сочиняли свои варианты конституции. Символично, что один из первых проектов, достигших самого верха, проект под названием «Основной государственный закон Российской империи» (написанный, видимо, в 1903 г., поступил в Кабинет министров в январе 1904 г.), подготовили представители земств. Разработчики, скорее всего, не знали, что в верхах российской власти в это время уже обсуждалось несколько «законодательных предположений» о государственных преобразованиях, причем каждое предусматривало какую-то форму народного представительства парламентского типа. Царь недолго колебался между идеями Земского собора и Государевой думы. Историческая память о Земских соборах, избиравших и отрешавших царей, делала мысль о соборе менее привлекательной. Многолюдный собор, по соображениям некоторых советников, мог присвоить себе функции конституционного. Напоминали, что едва Людовик XVI имел неосторожность воскресить не созывавшиеся 175 лет Генеральные штаты, близкий аналог Земских соборов, как немедленно разразилась французская революция, а Генеральные штаты провозгласили себя сперва Национальным, а затем и Учредительным собранием. Старинная же Дума, которой цари настолько доверяли, что отдавали важнейшие дела на ее усмотрение, не будила тревожных исторических воспоминаний. Вопрос стоял о круге полномочий будущего представительного собрания.

В условиях начавшейся Русско-японской войны Николай II считал слишком опасным для такого тревожного времени приращение Думе законодательных функций и сделал выбор в пользу «смягченного» варианта. Было учреждено Особое совещание во главе с министром внутренних дел Александром Булыгиным для разработки соответствующего проекта. Споров было много — в частности, о том, должно ли каждое сословие (духовенство, дворяне, купцы, мещане, крестьяне) выбирать своих представителей в Думу отдельно или избирательная система должна быть всесословной. Подобные вопросы многим казались тогда страшно важными — хотя, к примеру, армия, земства, высшие учебные заведения, городские думы и т. д. давно уже были всесословными. Интересно, что в совещаниях, проходивших 19—26 июля 1905 г. в Новом Петергофе под председательством Николая II, принимал участие Василий Ключевский. Ему было что рассказать о русской традиции представительной власти.

Голос историка был, впрочем, лишь одним из многих. Кто-то из разработчиков убеждал составить избирательный закон так, чтобы в Думу попало больше крестьян, дабы сделать природный консерватизм крестьянина политической силой. По меткому замечанию историка И. В. Лукоянова, эти люди почерпнули образ крестьянина, видимо, из оперы «Жизнь за царя».

6 августа 1905 г. были обнародованы сразу три акта: Манифест об учреждении Государственной думы, Закон об учреждении Государственной думы и Положение о выборах в Государственную думу. Манифест состоял из осторожных, тщательно выверенных выражений: *«Ныне настало время призвать выборных людей от всей земли Русской к постоянному и деятельному участию в составлении законов, включив для сего в состав высших государственных учреждений особое законосовещательное установление, к которому представляются предварительная разработка и обсуждение законодательных предложений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов»*. После обсуждения законопроектов, бюджета и отчетов государственного контроля

проектируемая Дума передавала бы свои заключения в Государственный совет; оттуда законопроекты (не отклоненные двумя третями Думы и Совета) представлялись бы на «Высочайшее благовоззрение».

В 1860-е гг. такое законосовещательное собрание было бы в самый раз, но на дворе стоял новый век. Дальновидные люди сразу объявили, что «булыгинская Дума» (к ней с порога прилипло это название) — мертворожденное дитя. И были правы. Пока шла подготовка к выборам, в стране началась (6 октября) забастовка железнодорожников, вскоре она переросла в события, известные в литературе под названием Октябрьской всероссийской политической стачки. Вскоре от Вислы до Тихого океана бастовало, если советские историки не преувеличивали слишком сильно, до двух миллионов человек, вся страна буквально встала — не только железные дороги, но и заводы, фабрики, шахты, учебные заведения.

И вот 17 октября 1905 г., в самый разгар стачки, Николай II подписывает новый Манифест, озаглавленный «Об усовершенствовании государственного порядка». В нем говорилось о «непреклонной воле» монарха *«даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на основах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»*. Государственной думе придавались законодательные полномочия: Манифест провозглашал, что *«ни один закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы»*. На Думу возлагался, кроме того, *«надзор за закономерностью действий»* исполнительной власти. Манифест, который невозможно читать без волнения, завершался призывом *«ко всем верным сынам Отчизны помочь прекращению неслыханной смуты... напярчь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле»*.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

**КОНСТИТУЦИОННАЯ
МОНАРХИЯ**

Глава тринадцатая

Удача улыбнулась?

1. Пожар погашен «встречным палом»

Это был очень смелый шаг. Надо ясно представлять себе, на каком распутье тогда стояла Россия и какую ответственность император брал на себя в этот миг. Очень многие склоняли его к прямо противоположному решению — введению неограниченной военной диктатуры, но Николай II поступил иначе: он погасил революционный пожар 1905 г. «встречным палом». Страна повернула на путь коренного политического переустройства.

Основная часть общества восприняла Манифест 17 октября как победу всей страны, победу без проигравших, и была готова закрыть глаза на недостатки акта. Было очевидно, что он знаменует собой закат абсолютизма, начало эпохи легальной политической и парламентской деятельности. Не менее очевидно было и то, что за первым шагом обязательно последуют другие. Многие восприняли день 17 октября в качестве судьбоносной даты, которой уготовано поделить историю России на время до Манифеста и после Манифеста. Не зря одной из главных российских политических партий стал (хоть и не сразу) «Союз 17 октября». Манифест открыл путь к консолидации всех здоровых сил России и обеспечил их победу

на опаснейшем историческом этапе 1905—1907 гг. В конечном счете именно он удержал тогда страну на краю пропасти. Разумная Россия превозмогла неразумную, маргинальную, бесноватую.

За день до обнародования Манифеста царь пишет петербургскому генерал-губернатору Дмитрию Трепову: *«Да, России даруется конституция... случилось неизбежное! Тем не менее, по совести, я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»*.

В ближайшие же дни была объявлена частичная амнистия политическим заключенным, преобразовано правительство и создан Совет министров. Вскоре была отменена цензура, и без того очень слабая, утвержден новый избирательный закон, одна за другой регистрировались политические партии (фактически уже существовавшие). Всего четыре месяца спустя стало возможным проведение первых всероссийских выборов в первую Государственную думу.

Строго говоря, конституцию Россия получила только через полгода, накануне открытия первого заседания только что избранной Государственной думы. 23 апреля 1906 г. Николай II утвердил Свод основных (т. е. неизменяемых) государственных законов Российской империи. Конституция не была названа конституцией по двум причинам: царь вообще не любил заемные слова, но главное — он не хотел слишком явно показать, что уступил давлению конституционалистов.

Изменять Основные законы Дума могла только по инициативе самого императора. Все принимаемые Думой законы подлежали его утверждению. Ему же подчинялась исполнительная власть империи. Именно от императора, а не от Думы зависело правительство. Он назначал министров, руководил внешней политикой, ему подчинялись вооруженные силы, он объявлял войну, заключал мир, мог вводить в любой местности военное или чрезвычайное положение. Основные законы содержали специальный параграф 87, который разрешал царю в перерывах между сессиями Думы издавать новые законы только от своего имени. В дальнейшем Николай II

использовал этот параграф для того, чтобы вводить законы, которые Дума наверняка завернула бы.

Тем не менее это был громадный шаг вперед. Другие монархии переходили к конституционному строю куда более мелкими шажками. Царь, еще вчера самодержавный, вдруг оказывался связан регламентациями и ограничениями. Осуществлять свою власть он был обязан отныне «*в единении с Государственным советом и Государственной думой*», он уже не распоряжался бюджетом, не мог самолично принять по-настоящему важный закон (параграф 87 был предусмотрен для случаев, не терпящих отлагательства).

Большевистская версия истории, согласно которой Россия жила вплоть до 1917 г. под «царским самодержавием», исключала возможность даже обсуждать вопрос о том, какой же строй установился в России в 1906 г. — уж не конституционная ли, чего доброго, монархия? Историкам советского разлива было тем проще, что само российское общество как-то проглядело главное политическое событие 1906 г. В вихре событий оно вообще едва заметило «Основные законы»¹.

¹ Тем не менее даже беглое знакомство с политической и юридической литературой 1906—1917 гг. показывает, что факт установления конституционного строя не признавали тогда лишь совсем маргинальные авторы. Приведу названия десятка книг тех лет, освещающих конституционно-монархическое устройство России: *Л. Слонимский*. Конституция Российской империи. — СПб., 1908; *Г. Савич*. Новый государственный строй в России. Справочная книга. — СПб., 1907; *В. Алексеев*. Начало и конец самодержавия в России. — М., 1906; *В. Обнинский*. Новый строй. — СПб., 1909; *И. Белоконский*. Земство и конституция. — М., 1911; *А. Пилленко*. Русские парламентские прецеденты. — СПб., 1907; *Н. Лазаревский*. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. — СПб., 1910; *Н. Коркунов*. Русское государственное право. В 2 т. — СПб., 1910; *Б. Нольде*. Очерки русского конституционного права. Вып. I и II. — СПб., 1908—1909; *Г. Штильман*. Внепарламентское законодательство в конституционной России (Статья 87 Основных государственных законов). — СПб., 1908. Казалось бы, все это лежит на поверхности. Однако, приняв участие в нескольких теле- и радиопередачах к столетию Государственной думы, я всякий раз сталкивался с одним-двумя мамонтами, иногда молодыми, почти падавшими в обморок от словосочетания «российская конституционная монархия». Крепка оказалась советская историческая беллетристика!

Александр Блок почтил их таким упоминанием: *«Ты будешь доволен собой и женой,/ Своей конституцией куцей,/ А вот у поэта всемирный запой,/ И мало ему конституций»*.

Справка: из ныне существующих конституций старейшей является американская (1787). Вторая по старшинству — бельгийская, действует с 1831 г., за ней идет конституция Норвегии (принята в 1841 г.). Лишь еще в четырех странах конституции написаны до начала XX в.: в Аргентине (1853), Люксембурге (1868), Швейцарии (1878) и Колумбии (1886). Остальные созданы уже в XX в. Подавляющее большинство конституций мира принято после 1906 г.

Идеологическая инерция оказалась так сильна, что и в последние 15 лет многие историки советской закваски встречают даже упоминание о конституционной монархии в штыки. Вслед за учреждением Государственной думы манифестом от 20 февраля 1906 г. был реформирован и Государственный совет, существовавший к тому времени уже более века (учрежден 30 марта 1801 г. — сперва, напомним, как Непременный совет), но никогда до того не бывший выборным. Отныне половина его членов продолжала назначаться, а другая подлежала избранию по твердым квотам: от Академии наук и университетов — шесть человек, от промышленности — шесть, от торговли — шесть, от землевладельцев Царства Польского — шесть, от губернских земств — по одному и т. д. Государственный совет, как и задумал когда-то М. М. Сперанский, становился верхней палатой, а Государственная дума — нижней. В том, что касается Государственной думы, это и сегодня так.

2. Парламент подростковый и задиристый

Порядок выборов в первую Думу определялся законом, изданным в декабре 1905 г. Учреждались четыре избирательные курии: землевладельческая, городская, крестьянская и рабочая. По рабочей курии к выборам допускались лишь те, кто был занят на предприятиях с числом работающих не менее пятидесяти. По современным меркам, выборы не были

всеобщими. Участие или неучастие в них обуславливалось имущественным цензом. Не были они и прямыми — депутатов избирало не население, а выборщики. Сто лет назад так или примерно так голосовали почти везде в мире — точнее сказать, в тех странах мира, где голосовали вообще. Считалось, что всеобщее избирательное право ведет (цитируя С. Ю. Витте) «к деспотизму масс — наиболее тягостному из всех видов тираний». Николай II уточнял: «Идти слишком быстрыми шагами нельзя. Сегодня — всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики». Он не готов идти «слишком быстрыми шагами», но он готов идти. Вряд ли можно требовать от монарха большего.

В куриальной системе были свои плюсы. Без отдельной курии рабочие едва ли выбрали бы от себя хоть одного депутата: даже в самых промышленных губерниях максимальное число рабочих-выборщиков в губернском собрании едва достигало 15 %. Своя курия была гарантией представительства.

Подготовка к выборам превратилась в первую в России общенациональную политическую кампанию, в ходе которой с предельной откровенностью ставились важнейшие общегосударственные вопросы. Часть из них была затем решена Думой.

Манифест 17 октября 1905 г., избирательная кампания и, наконец, созыв первой Государственной думы стали важнейшими событиями нашей парламентской истории. Выборы прошли гораздо спокойнее и на гораздо более высоком уровне, чем опасались (или надеялись) многие в стране и за рубежом. Вообще-то участие в выборах было для российского населения привычным делом: люди давным-давно привыкли избирать гласных (депутатов) в городские думы, избирать руководство земств, сельских и волостных «міров». Всего в голосовании в феврале 1906 г. приняло участие 54 % избирателей. Спокойствие и почти обыденность происходившего мало вязались с самим фактом первых в истории общероссийских многопартийных выборов, происходящих одновременно по всей стране. Хотя и были смешные исключения (о них много писали газеты), большинство людей шли на выборы так, слов-

но с рождения жили при парламентской системе. Общероссийское народное представительство превращалось из проекта, казавшегося многим невозможным, в реальный политический институт.

Первые выборы всегда предельно идеологичны. Избираемые еще не пробовали себя в парламентской работе и могли предъявить пока лишь одни партийные программы, а это у начинающих партий обычно (хотя и не всегда) просто набор обещаний — утопических, простодушно-радикальных. Потом это проходит, жизнь вносит поправки. Как бы то ни было, уже с избирательной кампании зимы 1905/06 г. партии стали играть решающую роль в политической жизни страны. Практически все видные депутаты первого российского парламента были членами или сторонниками той или иной партии. Эта тенденция закрепилась во второй, третьей и четвертой Думах. Следующий шаг сделало Временное правительство. На основании закона от 8 мая 1917 г. были проведены (в июле — октябре) муниципальные выборы. Эти выборы, как и выборы в Учредительное собрание, также подготовленные Временным правительством, проходили (21 октября — 5 декабря 1917 г.) уже по системе пропорционального представительства в чистом виде — на основе партийных списков. Избиратель делал выбор не между кандидатами, а между партиями, между партийными программами. Важная подробность: возрастной ценз составлял тогда 20 лет, но на фронте был опущен до восемнадцати.

Система партийно-пропорционального представительства, как мы знаем, недавно вернулась в Россию, но почему-то никто не удосужился напомнить, что она не взята с потолка, а именно возрождена и что девяносто годами ранее она была принята не произвольно, а на основании накопленного, притом достаточно бурного, политического опыта.

На первых выборах в первую Думу уверенно победила конституционно-демократическая партия (кадеты). Это была не случайная победа. Кадеты провели исключительно грамотную и активную избирательную кампанию. Они располагали всем необходимым для этого. В руках кадетов было полсотни

газет по всей России, около 200 партийных групп на местах, занимавшихся агитацией, их предвыборное бюро ежедневно отправляло из Петербурга на места порядка 5 тыс. экземпляров агитационных изданий. В ряде городов России открылись кадетские клубы, в столице работали курсы пропагандистов. Кадеты получили в Думе 153 места из 499.

Странной особенностью первой Думы было отсутствие в ней монархистов. Можно сказать шире: за все время существования Государственной думы Российской империи в ней, как ни странно, ни разу не было партии, которую можно было бы назвать партией поддержки власти. В Думе третьего созыва появились правые, но назвать их проправительственной группой тоже нельзя. Большая личная ошибка царя заключалась в следующем: вплоть до 1917 г. он продолжал считать, что всем оппозиционным политическим партиям противостоит незримая партия возглавляемого им народа, которая бесконечно сильнее всех и всяких оппозиционеров. Видимо, поэтому для организации настоящей парламентской проправительственной партии европейского типа, способной стать правящей, ничего сделано не было. Менее всего проправительственной партией мог быть «Союз русского народа», возникший в 1905 г., хотя царь и согласился «милостиво принять» значок ее члена. Объявляя себя выразителем чаяний народа, СРН не допускал даже мысли об аграрной реформе в пользу крестьян за счет помещиков. Непростым было отношение «союзников» и к рабочим. А. А. Майков, один из учредителей и лидеров СРН, выступая на третьем Съезде русских людей в Киеве в октябре 1906 г., сказал следующее: *«Первые виновные в смуте — это русские рабочие. Но русские рабочие, верю, искупят свою вину»*. (Сегодня даже начинающий политтехнолог немедленно вычеркнет такую фразу из программной речи безотносительно к тому, соответствуют эти слова действительности или нет.) Государственный аппарат относился к «союзникам» враждебно — ведь те противопоставляли плохую бюрократию хорошему царю.

В программе СРН было много пунктов «против»: против бюрократии, против космополитизма «господ», против ино-

странцев («союзники» протестовали, к примеру, против приезда английской парламентской делегации, называя это оскорблением России), против расширения прав национальных меньшинств (не говоря уже о предоставлении им автономии), против признания украинцев и белорусов отдельными народами, против «миндальничанья» со студентами — участниками демонстраций (предлагали забривать их в солдаты), наконец, против самой идеи Государственной думы как чуждого «русскому духу» учреждения, куда «союзники», впрочем, стремились попасть. Их положительная программа опиралась на лозунг: «Православие, самодержавие, народность». Из него идеологи СРН выводили: бесплатное начальное образование в традициях православия, поддержку казачества, сохранение сельской общины, заселение русскими (включая украинцев и белорусов) окраин империи, преимущества русским на всех поприщах и т. д. Им казалось, что такая «национальная» программа неотразима для народа. Но именно к «национальной» составляющей народ остался равнодушен. В первую Думу СРН не смог провести ни одного кандидата, а во вторую — всего двух, включая известного думского скандалиста В. М. Пуришкевича, как-то заявившего с думской трибуны: «Правее меня — только стена!».

3. Русская демократия — не новодел

Государственная дума и Основные законы Российской империи появились не на голом месте. Они были достаточно подготовлены предшествующим развитием страны и ожидалась обществом. Ожидались даже слишком долго. *«В 1905 г. Россия имела перед глазами опыт стран, где парламентская система действовала уже 35—50 лет: она была введена в Австро-Венгрии 21 декабря 1867 г., во Франции — со 2 февраля 1852-го, в Германии — с 31 мая 1869 года» (И. В. Лукоянов. У истоков российского парламентаризма. — СПб., 2003. С. 66).*

Вообще, чем больше общество устает ждать перемен, тем больше вероятность того, что оно не только не оценит их, ког-

да они придут, но и почти не заметит. Или заметит, но после краткого восторга тут же забудет. Так было и в 1906 г., так было и в 1991-м.

Несмотря на все это, Россия очень неплохо выглядит на фоне европейской истории выборного представительства. Хотя развитие представительных органов у нас четырежды прерывалось (оно прерывалось, и не раз, в любой стране, особенно если ей, как России, больше тысячи лет), они всякий раз, что замечательно, начинали отстраиваться по прежней или обновленной модели.

Наша демократия — не новодел. Вече и Дума, собор и земство, городское собрание и Государственный совет, изблюбленный староста и земский целовальник, старшина и гласный, предводитель дворянства и городской голова — все это элементы нашего наследия, нашей богатейшей политической цивилизации.

Есть простая истина, которую стоит усвоить со школьной скамьи: **никто в мире не обладает монополией, патентом или авторским правом на демократию и парламентаризм. Уважая трудный путь других стран к демократии и парламентаризму, нам следует знать и уважать свой, российский путь к тем же целям.**

Даже «образцовые» страны двигались к современной выборной демократии через ухабы и рытвины, с долгими застреваниями в пути, в связи с чем бывали обгоняемы менее образцовыми. К примеру, женщины получили избирательное право в России раньше, чем в Англии, — пусть всего на 11 лет, но раньше. К Первой мировой войне женщины обрели политические права лишь в Новой Зеландии, Австралии, Норвегии и нескольких штатах США.

Законодательная инициатива 40 депутатов Думы в феврале 1912 г. о предоставлении женщинам равных с мужчинами избирательных прав уперлась в одном из думских комитетов в более широкий вопрос о юридическом равноправии мужчин и женщин. Даже сочувствующие говорили, что телега ставится впереди лошади. Мол, сперва осторожное расширение личных и имущественных прав замужних женщин, а уж потом

избирательные права для них. И было на кого сослаться: в Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Швеции, Голландии (и т. д.) женщины не участвовали в выборах. А ведь ясно просматривалось другое решение. В Великом княжестве Финляндском, которое было такой же частью Российской империи, как Шотландия — Британской, женщины приобрели политические права еще пятью годами ранее. Поскольку утвердил эти права не кто иной, как российский император, было бы только естественно распространить их на остальные части империи. Но шанс был упущен, «женский вопрос» продолжал видеться безумно сложным, чреватым осложнениями, почти неразрешимым. Когда же пять лет спустя его легким движением руки решило Временное правительство, никаких осложнений не последовало. С высоты десятилетий бывает не только поучительно, но и просто обидно увидеть ясное решение той или иной политической или законодательной головоломки, которая казалась неразрешимой современникам, не будучи таковой.

Наши женщины свое право голоса впервые получили от Временного правительства, которое воспользовалось законодательными заготовками Государственной думы. По закону от 8 мая 1917 г. с участием женщин прошли (в июле — октябре) уже упомянутые муниципальные выборы. (Кстати, большевики получили на них в целом по России всего 7,54 % голосов, хотя их петроградский показатель оказался близок к 30 %.)

По закону от 2 августа 1917 г. женщины участвовали в выборах во Всероссийское Учредительное собрание, прошедших 21 октября — 5 декабря. Временное правительство проявило свой гендерный либерализм не только в этом, оно вообще узаконило неслыханную и небывалую до того нигде в мире полноту политических, экономических и социальных прав российских женщин, чем мы должны были бы гордиться, но почему-то даже не знаем об этом.

И не только женщин. Историк Борис Межуев напомнил подзабытый факт: Россия была первой империей в XX в., устранившей (уже в самом начале пребывания Временного

правительства у власти) все виды дискриминации подданных по национальному, расовому или религиозному признакам, предоставив всем народам, входящим в состав Российской империи, равные избирательные права. Начало этому процессу было положено еще избирательным законом 1906 г., который наделил представителей неправославного населения империи правом голосовать и правом быть избранными в Государственную думу. Политическое равноправие всех народов нашей страны, никогда не считавшей себя колониальной империей, кажется нашим согражданам естественным как воздух, притом что на подобное не отважились, напоминает Б. В. Межуев, даже французские левые в период нахождения у власти Народного фронта (1936—1938 гг.).

Большевистский переворот, случившийся вскоре, формально не отменив новоприобретенные политические права, сохранил их в имитационной форме, но зато не затронул социальные, не затронул равенство полов, равенство по национальному и расовому признакам. Что же до Англии, та ввела избирательное право для женщин от 21 года без учета имущественного ценза только в 1928 г. Во Франции женское избирательное равноправие было введено лишь в 1945 г., в Японии — в 1947-м, в Швейцарии — в 1971 г. Весь же путь к полнообъемному равенству мужчин и женщин затянулся на Западе на многие десятилетия.

Кстати, мы настолько привыкли к полному и безоговорочному равенству полов, что не задумываемся над тем, как много аспектов у этого равенства. Простой пример: право открыть свой счет в банке — да и то лишь с согласия мужа — французская женщина получила только в 1942 г. (при гитлеровском ставленнике Петэне, что интересно). Возможность сделать это, не испрашивая ничьего согласия, у француженек появилась еще позже, в 1965 г.

Путь демократических стран Запада к подлинному политическому и социальному равноправию людей состоял на протяжении XX в. в преодолении многочисленных ограничений — возрастных, гендерных, социальных, имущественных, образовательных, национальных, расовых, конфессиональных,

связанных с оседлостью. В одних странах этот процесс шел активнее, в других законы (в частности, о выборах) оставались — а где-то до сих пор остаются — более архаичными, до сих пор сохраняются достаточно спорные ограничения. Уже хотя бы поэтому нам не стоит забывать примеры российского первенства.

Глава четырнадцатая

1906—1917: великий и использованный шанс

1. Да здравствует Государственная дума!

Одиннадцать лет (1906—1917), отведенные России на дебют конституционализма и парламента европейского образца, полны событий, логика которых порой кажется непостижимой. Но лишь до тех пор, пока не напомнишь себе, что люди прошлого не могли знать то, что известно сегодня нам. Мы подобны читателю, знающему продолжение, а они не могли заглянуть через страницу или в следующую главу. Зато и нам не дано увидеть прошлое их глазами, проникнуться их убеждениями, не дано прочувствовать, какое развитие событий казалось им самоочевидным. Как не дано и заглянуть в собственное будущее.

Первое заседание российской Государственной думы первого созыва открылось 27 апреля в Таврическом дворце. По сравнению с парламентами Европы, первую российскую Думу отличали более равномерная представленность социальных групп и более молодой средний возраст депутатов. Немалую часть депутатского корпуса составили люди случайные, не пригодные к парламентской работе. Такое неизбежно на первых свободных выборах в любой стране, мы это помним и по Пер-

вому съезду народных депутатов 1989 г. Самым большим изъясном новоизбранной Думы был настрой большинства депутатов на конфронтацию с властью. В ответ на приветственную речь Николая II она приняла 5 мая 1906 г. адрес на царское имя, в котором потребовала широкой амнистии политических заключенных, расширения политических свобод, всеобщего равенства, отчуждения казенных, удельных и монастырских земель в пользу крестьян. Требования были справедливы, но не из тех, что решаются одним махом и в едином пакете. Через восемь дней председатель Совета министров И. Л. Горемыкин отменил все требования Думы. Последняя, в свою очередь, приняла резолюцию о полном недоверии правительству и потребовала его отставки. Доброй половине депутатов Думы первого созыва казалось, что их единственный долг — произносить обличительные речи. Ни малейшего страха перед «начальством» у них не было. В этом опять-таки можно усмотреть некоторое сходство с Первым съездом народных депутатов 1989 г. С той только разницей, что оппозиционные думцы были решительнее и безогляднее — за их плечами не было жизни при коммунизме.

За 72 дня своей работы первая Дума приняла 391 запрос о незаконных действиях правительства, хотя в большинстве случаев эти действия были законны. Следовало исправлять сами законы, но при ограниченных полномочиях Думы никто не знал, с какой стороны взяться за такое дело, да и чувствовалось, что на это уйдут годы терпения и труда, — куда эффективнее было произнести пылкую речь, которая завтра украсит газеты. Правосознание некоторых депутатов, особенно крестьянских, находилось на младенческом уровне. Разногласия оказывались неодолимыми даже по пустяковым вопросам, радикализм мешал поиску компромиссов. Не проявляла большой склонности к сотрудничеству и исполнительная власть. Пословица «Первый блин комом» действует и в политике.

Значит ли это, что первый созыв с самого начала был обречен на скорый роспуск? Вовсе нет. Думцы показали себя обучаемыми людьми. К примеру, поначалу многие могли выступать, лишь читая заготовленный текст, но, поскольку это было запре-

щено думскими правилами, быстро научились говорить «без бумажки». Даже самые радикальные депутаты стали скрепя сердце соблюдать процедурные нормы, чтобы избежать отклонения своих инициатив по формальным основаниям. Но Дума совершила роковую ошибку: увлекшись законотворческими проектами в аграрной сфере, она пропустила все сроки для обсуждения бюджета и по состоянию на 9 июля 1906 г. уже никак не успевала это сделать в положенные сроки. Это стало формальной зацепкой для роспуска первой Думы. Она вошла в историю под патетическим именем «Думы народного гнева».

Манифест о роспуске Думы содержал и дату созыва следующей Думы — 20 февраля 1907 г. О том, чтобы упразднить Думу вообще, уже не могло быть и речи. Мало того, одновременно был отправлен в отставку премьер Горемыкин, не сработавшийся с Думой.

Вторая Дума также проработала одну сессию, с февраля по июнь 1907 г. По составу депутатов она оказалась значительно левее первой (социал-демократов, эсеров и народных социалистов было 119, и это не считая 104 трудовиков, не считая левых из национальных групп и беспартийных). Председателем Думы был Федор Александрович Головин. Вот отрывок из его воспоминаний: *«Общая масса левых отличалась тупым самонадеянностью опьяневшей от недавнего неожиданного успеха необразованной и озлобленной молодежи. Однако вера в непогрешимость проповедуемых ими идей, их несомненная бескорыстность и готовность к самопожертвованию ради торжества своих принципов возбуждали симпатию к ним объективного и беспристрастного наблюдателя»*. Несмотря на такой состав, деятельность второй Думы была гораздо успешнее. Сыграли роль и приобретенный опыт, и готовность правительства Столыпина к сотрудничеству с Думой, действовал лозунг «бережения Думы». Однако все рухнуло 1 июня. Премьер потребовал у Думы санкцию на лишение депутатской неприкосновенности 55 депутатов (почти всей социал-демократической фракции) на основании решения Петербургской судебной палаты; 16 из них подлежали немедленному аресту по обвинению в заговоре. Дума создала комиссию для изучения вопроса, но не успе-

ла прийти к решению. 3 июня Дума была распущена, назначены новые выборы — уже по новому избирательному закону.

Благодаря новому избирательному закону в третьей Думе резко выросло количество вменяемых, конструктивно настроенных депутатов, сократилось число левых, впервые появилось ощутимое количество, целых 50 человек, правых.

Третья Дума, единственная из четырех, проработала весь положенный по закону о выборах в Думу пятилетний срок — с ноября 1907 г. по июнь 1912-го. Состоялось пять сессий. Председателем Думы избрали октябриста (члена «Союза 17 октября») Н. А. Хомякова, которого в марте 1910 г. сменил крупный купец и промышленник А. И. Гучков, человек отчаянной отваги, воевавший добровольцем на стороне буров в Англо-бурской войне, где прославился бесшабашностью и героизмом.

Третью Думу также сотрясали конфликты. Они возникали по вопросам реформирования армии, по крестьянскому вопросу, по вопросу об отношении к национальным окраинам. Оппозиционно настроенные депутаты мастерски использовали систему запросов. По всякому важному (с их точки зрения) поводу депутаты, собрав определенное количество подписей, могли подать интерпелляцию, то есть требование к правительству отчитаться о своих действиях, на что должен был дать ответ тот или иной министр.

Важный опыт был накоплен при обсуждении законопроектов. Всего в Думе действовало около 30 комиссий. Большие комиссии — например, бюджетная — состояли из нескольких десятков человек. Выборы членов комиссии производились на общем собрании Думы по предварительному согласованию кандидатур во фракциях. В большинстве комиссий были представлены все фракции. Каждый проект рассматривался Думой в трех чтениях.

2. Пробы и ошибки

Четвертая, последняя в истории Российской империи Дума приступила к работе в предкризисный для страны и всего

мира период — в канун Первой мировой войны. С ноября 1912 г. по февраль 1917-го. состоялось пять сессий. По составу четвертая Дума мало отличалась от третьей, разве что в рядах депутатов значительно прибавилось священнослужителей. Председателем четвертой Думы весь период ее работы был крупный екатеринославский землевладелец, октябрист Михаил Владимирович Родзянко.

Обстановка не благоприятствовала четвертой Думе. Ее постоянно лихорадило. К тому же осенью 1914 г., вскоре после начала Первой мировой войны, Дума вступила в очередной конфликт с исполнительной властью. 3 сентября 1915 г., после принятия Думой выделенных правительством кредитов на войну, ее распустили на каникулы. Вновь Дума собралась только в феврале 1916 г., но проработала недолго и 1 ноября подняла роковой бунт против существующей системы. 16 декабря 1916 г. она была вновь распущена. Возобновила свою деятельность она 14 февраля 1917 г., за 16 дней до отречения Николая II. Но она не доработала даже до этого события: 25 февраля она была вновь распущена. И хотя она не вполне подчинилась этому указу, сформировав Временный комитет Государственной думы, собраться официально ей больше не довелось.

Не будь Думы, неоткуда было бы взяться Временному правительству, но этим правительством она, увы, вновь созвана не была, формально оставаясь на каникулах. Это было грубым просчетом новой власти. Дума работала под видом «частных совещаний», в связи с чем большевики из Петросовета не раз требовали разогнать ее окончательно. Наконец 6 октября 1917 г. Временное правительство постановило Думу распустить на вполне законном основании — в связи с истечением срока полномочий и подготовкой к выборам в Учредительное собрание. 18 декабря 1917 г. одним из декретов ленинского Совнаркома был упразднен и аппарат Государственной думы.

Чему прежде всего учит опыт деятельности Государственной думы Российской империи? Тому, что парламентаризм имеет свойство преодолевать авторитарные тенденции в деятельности властей, и данное его свойство остро востребовано и сегодня. Это преодоление шло через повседневную парламентскую деятельность. Дума утверждала бюджет, чем

существенно влияла на весь государственный механизм. Она уделяла постоянное внимание мерам социальной защиты малоимущих, разработала и приняла новое фабрично-заводское законодательство — одно из самых передовых для своего времени в мире. Предметом другой неустанной заботы Думы было народное просвещение. Она упорно добивалась выделения средств на строительство школ, больниц, домов призрения. Особое место в своей работе она уделяла делам религиозных конфессий, развитию культурно-национальных автономий (как бы мы назвали это сегодня). Дума много занималась внешнеполитическими вопросами. Думцы постоянно бомбардировали российский МИД, другие инстанции запросами, формировали общественное мнение.

Удачной была судьба ряда крайне важных законов — о правилах землеустройства, о местном суде, об условно-досрочном освобождении, о страховании рабочих, о воинской повинности — этот список не так уж мал. В 1908 г. был принят закон о введении в России в течение 10 лет обязательного и бесплатного начального образования. Бюджет народного образования между 1908 и 1914 гг. в соответствии с этим законом удалось увеличить втрое, было открыто 50 тысяч новых школ.

(Позже было подсчитано, что для выполнения плана всеобщего начального обучения такими темпами 10 лет было недостаточно, на это потребовалось бы, да еще с поправкой на войну, около 20 лет. Вероятнее всего, цель была бы достигнута к концу 1920-х. Большевики же смогли это сделать примерно к 1940 г. Т. е. они задержали процесс на 10—12 критических лет.)

Менее счастливый удел выпал на долю законов о старообрядцах, о подоходном налоге, о поправках к Уставам об акцизных сборах, и этот список тоже длинен.

Дума не всегда олицетворяла собой прогресс. Так, в вопросе об энергоресурсах, таком злободневном ныне, Дума не раз показывала себя менее дальновидной и продвинутой, чем правительство. То ли на почве «встроенной» оппозиционности, то ли по недостатку специальных познаний думцы не раз отвергали сугубо разумные законопроекты. Так, в течение 11 лет

(и каких лет! — когда решалось, кто выйдет победителем в уже неотвратимой мировой войне) Дума не утверждала или отменяла результаты торгов по нефтеносным участкам, тянула с принятием закона о сдаче разведанных площадей в аренду, тем самым тормозя развитие нефтедобычи, — и это на фоне топливного голода! Железные дороги и пароходства вынужденно переходили с мазута на уголь, в связи с чем транспортные артерии были забиты угольными перевозками, их полезная пропускная способность падала. В 1913 г. правительству не удалось провести через Думу даже решение об использовании казенных нефтеносных участков для нужд флота¹.

Правда, тут напрашивается самое простое объяснение: хотя о войне было много разговоров, в душе никто не верил в ее неизбежность. Хотя задним числом каждый потом без устали рассказывал, как предвидел все до частных.

Тем не менее (понимали думцы неизбежность войны или нет) с 1907 по 1912 г. Дума все же санкционировала увеличение военных расходов на 51 процент. Ее важной заслугой явилась безоговорочная поддержка кредитов на модернизацию русской армии, восстановление Тихоокеанского флота, строительство по самым передовым технологиям кораблей на Балтике и Черном море (программа «усиленного судостроения» на 1912—1916 гг.).

Хотя «фоновое» противоборство ветвей власти Российской империи не снижалось, на фоне этого противоборства и чиновных интриг против Думы множились примеры сотрудничества Думы с Государственным советом и правительством в области реального законотворчества, в том числе и по принципиально важным вопросам.

Без этого сотрудничества не родился бы исключительной важности закон о крестьянском землевладении. Этот закон юридически закрепил возможность покинуть общину и выходить на «отруба» (собственные участки земли). Он был принят Думой 14 июня 1910 г., утвержден Государственным советом и подписан императором. Процесс массового выхода крестьян

¹ А. А. Иголкин. Отечественная нефтяная промышленность в 1917—1920 годах. — М., 1999.

из общины начался еще четырьмя годами ранее, но к лету 1910 г. уже явно слабел, так как не столь предприимчивую и более осторожную часть крестьянства смущали слухи, что отруба вот-вот отменят. Закон подстегнул сомневающихся. На 31 декабря 1915 г. к землеустроительным комиссиям обратился с ходатайством о землеустройстве 6,17 млн дворов, т. е. около 45 % общего числа крестьянских дворов Европейской России.

Но сказав «А», Дума не сумела сказать «Б». Несмотря на все старания трудовиков, постоянно ставивших в Думе вопрос о земельной реформе, решить его она оказалась бессильна: слишком велика была помещичья оппозиция, да и среди депутатов имелось немало таких, кто был лично не заинтересован в его решении в пользу малоземельного крестьянства.

3. Опыт, не пропавший даром

В 2005—2006 гг., к столетнему юбилею Государственной думы, вышло несколько основательных работ. Во многих из них вина за конфронтационный настрой Думы возлагается, как и прежде, на близорукое упрямство царя, «царизма» и «режима». Что же до работ, апологетических по отношению к Николаю II, они рисуют трагического монарха, окруженного врагами и заговорщиками, причем главные среди них — в Думе. Приходится признать, что доля истины есть в обеих точках зрения, но лишь доля. Обе они оставляют в тени фактор опасного убыстрения модернизации страны¹. Николай правильно видел опасность и, как мог, притормаживал государственную карету. Он знал (или чувствовал), что, если этого не делать, лошади понесут. Одной из лошадей, если позволителен такой образ, была Дума.

История давно выявила все неудачные, злополучные, близорукие, ошибочные (и так далее) шаги императора. Но не пора ли воздать ему должное за то, что на протяжении 20 лет, вплоть до рокового лета 1914 г., он, вопреки всему, удерживал ситуа-

¹ Какими рисками чревата слишком быстрая модернизация, история еще раз напомнила 61 год спустя после русской революции, на примере революции иранской.

цию? И не просто удерживал. Он обеспечил стране достаточно плавное развитие, он справился даже с революционным хаосом 1905 г. Многие видны как раз на примере Думы. Дважды подряд распустив ее досрочно, Николай, тем не менее, не сделал попытки упразднить этот институт. Можно не сомневаться, что такой соблазн, особенно после «Выборгского воззвания», у него был. Но даже яснее, чем российское общество в целом, он видел: парламент уже неотменим. Государственная дума постепенно становилась все более привычной в русской политической жизни, а привычка — великая вещь. Интриги реакционеров, многократно добивавшихся упразднения Думы, уже не имели, начиная с 1908 или 1909 г., шансов на успех.

Проявив выдающуюся государственную мудрость в октябре 1905 г., Николай II после этого затаил досаду на то, что в стране теперь есть еще одна власть. Да, новая власть что-то у него отняла, и он в ряде случаев был бессилён против этой власти, но, как государственный человек, он должен был переступить через свою досаду. Увы, эта досада отразилась в ряде его ошибок по отношению к Думе. Можно сказать шире: взаимоотношения царя и общества, особенно во время Первой мировой войны, — цепь встречных трагических ошибок. *«До последнего момента Николай II и бюрократия пытались по возможности обойтись без помощи уже существующих общественных организаций, а оппозиция — при всяком удобном случае норовила унизить коронную администрацию и верховную власть»* (Б. Н. Миронов. Социальная история России. XVIII — начало XX в. — СПб., 2003. Т. 2. С. 161).

Раз уж войны не удалось избежать, император был обязан использовать уникальное единодушие, охватившее подавляющее большинство депутатов — от правых до трудовиков. Под флагом защиты родины Дума могла на время забыть старые счеты к престолу и перейти к «дружной работе» (как тогда говорили) с прочими ветвями власти. Увы, Николай решил — и именно в связи с войной! — сделать годичный перерыв в работе Думы. Это был стратегический просчет.

Недоверие обидело и озлобило депутатов. Антиправительственное большинство, которое появилось в ней с возобновлением работы Думы в июле 1915 г., не оказалось бы столь мно-

гочисленным, не будь этой обиды. Государственная дума постепенно становится фактором дестабилизации воюющей страны. Честолюбивые и самонадеянные лидеры думского Прогрессивного блока жаждали заменить собой негодное, по их убеждению, правительство и даже военное командование.

Нередко можно услышать: Государственная дума образца 1906—1917 гг. не смогла предотвратить гибель исторической России и ее ценностей, спасти страну от революции и Гражданской войны — стало быть, опыт первого русского парламента оказался провальным. Это неверно. Как раз у Думы был очень хороший шанс уберечь Россию, но вмешались внешние силы — Первая мировая война, обрушившая, помимо Российской, еще три империи: Германскую, Оттоманскую и Австро-Венгерскую, последняя была просто уничтожена. Впрочем, это общеизвестно, реже вспоминают о том, что жертвой войны стала почти вся европейская демократия. Если к 1914 г. могло показаться, что уж где-где, а в Европе победный марш демократии неостановим, то ее последствия оказались роковыми для двух десятков молодых демократий.

Начнем с самого главного, хотя именно об этом постоянно забывают: к 1922 г. лишились всех своих демократических завоеваний, добытых жертвами и усилиями многих десятилетий, 132 млн человек в границах СССР¹. Вслед за этим карта Европы стала быстро покрываться тоталитарными струпьями. В Италии к власти пришел фашистский режим Муссолини, в Венгрии установилась диктатура («регентство») адмирала Хорти, в Болгарии — диктатура Цанкова, в Румынии — «королевская диктатура», в Испании — диктатура Примо де Ривера (1923—1930), а затем генерала Франко (после гражданской войны 1936—1939 гг.), в Португалии — диктатура генерала Кармоны (1926—1932), сменившаяся более чем сорокалетней диктатурой профессора Салазара, государственные перевороты регулярно сотрясали Грецию. Что касается Германии,

¹ Именно таково было население СССР на момент провозглашения этого государства 30 декабря 1922 г. и окончания Гражданской войны (она завершилась в октябре того же года с занятием Красной армией Владивостока).

судьба ее демократии оказалась, как известно, самой трагичной — и для самой Германии, и для остального мира.

Не лучше обстояло дело в молодых государствах, возникших после Первой мировой войны на обломках рухнувших империй. Демократия проявила себя жизнеспособной, да и то с оговорками, лишь в Чехословакии и Австрии — но только для того, чтобы пасть жертвой немецкого фашизма в 1938 г. В остальных новых странах она оказалась непрочной и была сметена государственными переворотами: в Польше и Литве — в 1926 г., в Югославии — в 1929-м, в Латвии и Эстонии — в 1934 г. Во всех случаях к власти здесь приходили авторитарные и репрессивные режимы, которым сегодня были бы гарантированы международные санкции. При этом парламент мог считаться существующим — кстати, даже в гитлеровской Германии рейхстаг формально не был распущен.

Наконец, еще два новых государства — Финляндия и Ирландия — пережили при своем рождении кровавые гражданские войны, что также мало содействует демократическому развитию и общественному миру. И буквально во всех европейских странах получили мощное развитие фашистские движения и партии.

К 1940 г. территория демократии в Старом Свете и вовсе съежилась до пределов воюющей Англии и трех нейтральных стран — Швеции, Швейцарии и, под большим вопросом, Ирландии. Там, где люди еще имели силы и возможности что-то читать, они находили очень убедительными доводы авторов, объяснявших, что демократия навсегда останется лишь забавным эпизодом, нежизнеспособной выдумкой, обреченным экспериментом. Эти авторы напоминали своим читателям о судьбах демократии в Афинах, где она закончилась тираниями, и о Риме, пришедшем к Калигуле и Нерону.

С учетом сказанного не будем делать из умерщвления российской демократии в 1917 г. поспешных (и часто звучащих) выводов. Куда ближе к истине будет такое умозаключение: испытания первой трети XX в. оказались непосильными для всех без исключения молодых демократий. Россия оказалась в их числе. В том числе потому, что Государственная дума не

успела преодолеть подростковую задиристость, не усвоила принцип «не навреди», не научилась жертвовать меньшим ради большего. Среди ее депутатов были выдающиеся ученые, чьи труды во многом заложили основу наших сегодняшних представлений о демократии, политических партиях, правовом государстве, они всеми силами стремились внести свой вклад в улучшение жизни страны, участвуя в законотворчестве, стремились расширить права граждан, расширить границы их свобод, но как парламентарии-практики оказались не на высоте. Однако даже недолгие 11 лет существования Думы показали: становление культуры политического компромисса шло в России достаточно успешно.

Российскому парламентаризму не хватило (как и столыпинским реформам) всего нескольких лет. Дореволюционная Дума сделала исключительно много для становления российской парламентской практики. В ней сформировались такие атрибуты современного парламентаризма, как партийные фракции, законодательная процедура, думский регламент, выступления премьеров с правительственными декларациями, гласность думских пленарных заседаний, депутатские запросы к правительству, согласительные комиссии — то, что начиная с декабря 1993 г. было воспроизведено в новой России.

Но, возможно, главная заслуга первого российского парламента в другом. После него ростки политической демократии уже не могли быть искоренены из российской почвы. Утвердившийся в 1917 г. коммунистический строй прервал формирование демократических институтов, однако отсутствие общенационального представительного органа сразу стало ощущаться буквально всеми как временное и ненормальное состояние, знаменующее какой-то недуг или кризис. Это ощущение порождало дискомфорт даже у большевиков. Не будь четырех выборов в Думу и двух выборов, проведенных Временным правительством, большевики вели бы себя еще безогляднее. Но они, особенно на первых порах, много возились с какими-то выборами и съездами, да и в дальнейшем вынуждены были имитировать представительную власть. Имитация демократии — это тот комплимент, который диктатура делает свободе.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

ПЕРЕД ПОТОПОМ

Глава пятнадцатая

Ушедшая Россия

1. Чувство незыблемости

Крушение внутреннего мира русского народа в 1917 г., ставшее причиной его тяжких бед и разительных метаморфоз, возможно, самое трагичное событие нашей истории, более трагичное, чем все перемены внешнего порядка. Что собой представлял этот внутренний мир?

Разумеется, не было абстрактного российского человека — были крестьяне, мещане, дворяне, казаки, купечество, духовенство, были многочисленные внесословные подразделения. Были ли у них совпадающие черты? Определенно были.

Первая такая черта — чувство незыблемости. После потрясений XX в. мы очень хорошо знаем, что все очень даже зыблемо, но для человека 1914 г. монархия была явлением, существующим в его стране больше тысячи лет. Пусть в 1905 г. и мелькали лозунги «Долой самодержавие!», в человеческой подкорке это не укладывалось. Вдобавок только что, в 1913 г., было отпраздновано 300-летие дома Романовых.

Насколько незыблемость важна в жизни, мы ощутили при распаде СССР. То есть даже СССР, просуществовавший, по меркам истории, всего ничего, воспринимался практически вечной категорией. Когда он начал трещать и рушиться, это

было чем-то совершенно психологически непереносимым для десятков миллионов людей. Но эту непереносимость невозможно даже сравнивать с тем потрясением, какое вызвали у россиян события 1917 г.

Отречение Николая II большинство солдат поняли так, что они ничего больше не были должны ни царю, ни Отечеству, ни Богу. Убийство царя довело дело. Историк И. Г. Яковенко отмечает, что вплоть до 60-х гг. этнографы фиксировали в среде старшего поколения поговорку: «Бей, не робей — царя убили, Бога нет». В архаическом крестьянском сознании царь и Бог связаны воедино. Бог живет на Небе и все видит, царь — главный от Бога на земле. Если царя нет, то и Бога нет, это было очевидно для архаического человека, утверждает Яковенко. Бояться того, кто все видит и может покарать, больше не надо. А значит, можно все: бей, не робей. В былой России подобная мораль была присуща, возможно, лишь самым отпетым каторжникам, а в 1917 г. вдруг стала общим достоянием.

Катастрофа русского духа произошла не вследствие тягот и ожесточения войны, как бы тяжелы они ни были, и не потому, что якобы «все прогнило». (Миф о «прогнившем самодержавии», 70 лет внедрявшийся коммунистическими историками, не выдерживает проверки. *«Все имеющиеся на настоящий момент данные свидетельствуют о существенном улучшении материального положения преобладающего большинства населения России, включая крестьянство, в 1861—1913 гг. Отсюда следует, что системный кризис пореформенной России — это артефакт, созданный для идеологического оправдания трех российских революций начала XX в.»*¹.)

Обрушение нравственных устоев предопределил шок, испытанный страной в 1917 г.

¹ Б. Н. Миронов. Мифологема о системном кризисе в России после Великих реформ 1860—1870-х гг. // *Нестор: Журнал истории культуры России и Восточной Европы*. № 11, 2007. См. также: Б. Н. Миронов. Униженные и оскорбленные: «Кризис самодержавия» — миф, придуманный большевиками // *Родина*. 2006. № 1; Он же. Системный кризис в России в царствование Николая II — факт или артефакт? // Император Николай II и его время. — Екатеринбург, 2008.

Еще одной важной чертой человека 1914 г. было его ощущение единства русского народа. Украинский проект имел тогда всего несколько тысяч идейных приверженцев, в основном среди молодой интеллигенции. У миллиона людей украинские национальные чувства оставались в латентной форме. Киевская или харьковская газета на украинском языке была едва в состоянии набрать 200—300 подписчиков. И даже журнал «Украинская жизнь» (редактируемый бухгалтером Симоном Петлюрой в свободное время) выходил на русском языке и в Москве. Конечно, несколько тысяч сплоченных энтузиастов — это совсем немало. В час потрясений, подобных российской революции, они могут составить критическую массу с потенциалом взрывообразного роста. Вне потрясений их шансы невелики.

Есть с чем сравнить. Франция сумела маргинализировать провансальский проект, с его тысячелетней литературой и культурой, трубадурами и куртуазностью, — школьников просто били линейкой по рукам за разговоры по-провансальски. Начало было положено французской революцией, когда были преданы анафеме все региональные языки. В 1793 г. Комитет национального спасения заявлял: *«На бретонском языке говорят суеверия, на эльзасском — контрреволюция и ненависть к республике, на языке басков — фанатизм...»* (и т. д.). В России такая фразеология была бы просто невозможна. Как страна менее жесткая по своей сути, Россия сохраняла обучение на «малороссийском» в начальной школе, пребывая в уверенности, что украинский сепаратизм неизбежно будет сводиться на нет гимназическим образованием, армейской службой, промышленным развитием, капиталистическим рынком, свободным рынком труда, переселенческой политикой, да и просто языковой близостью. Брать пример с французов никому не пришло бы в голову.

Было много местных этнонимов. Забайкальский житель, например, мог зваться сибиряком, даурцем, «семейским», в каких-то случаях чалдоном, оставаясь при этом великороссом и русским. Точно таким же русским был ахтырский малоросс, позавчерашний «козак», «черкас» либо «литвин» (это

имя применялось также и к белорусам), а также «севрюк», слобожанин, он же украинец, он же хохол (Гоголь не раз звал себя хохлом). Но повторяю, никто, кроме малочисленных в масштабе страны энтузиастов — да и то лишь начиная со второй трети XIX в., — всерьез не считал, что восточные славяне делятся на три обособленные нации. Русское единство выглядело столь же незыблемым, как и Российская империя. Самое большое число членов Союза русского народа было в Волынской губернии, это к западу от Киева.

Что же до белорусского сепаратизма, его в 1914 г. еще не было. Сама мысль, что белорусы — отдельный народ, а не субэтнос, впервые пришла в голову членам студенческого петербургского кружка «Гомон» лет за 35 до большевистской революции и за это время, мягко говоря, не овладела массами. Православных крестьян Белоруссии называли «пинчуками», «полещуками», «тутейшими», «лапацонами», «литвинами», «горюнами» или «белорусами» («белорусцами»), но никто, и в первую очередь они сами, не сомневался в том, что они русские. Минские историки Юрий Борисенко и Андрей Шемякин пишут («Родина», 2006, № 1): *«Белорусскую нацию и язык в самом начале XX в. спасли 500 рублей, выделенные князем П. Д. Святополк-Мирским, будущим министром внутренних дел, а в ту пору виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором. Именно на эти деньги известный филолог и этнограф, 42-летний профессор Варшавского университета Евфимий Федорович Карский, объехал в 1903-м белорусские земли, поставив себе крайне сложную задачу: определение этнографической границы белорусской народности и языка с соседними великорусскими и малороссийскими племенами и наречиями, а также с народностями польской, литовской и латышской».*

2. Добродушная империя

Добродушные империи не отпускают души своих подданных долго. Это отлично видно на примере известного исто-

рического эпизода. 31 августа 1919 г. петлюровцы заняли Киев, но, как гласит политкорректная версия, попавшая даже в советские учебники, на следующий день их выбили из города белые. Если бы! Вошли три белых полка, и их командующий, генерал Николай Бредов, приказал трем украинским корпусам (!) очистить Киев (свою столицу!) и отправиться к городу Василькову, что и было выполнено. Не потому, что самостийники были трусы. Просто их командующие, генералы Мирон Тарнавский и Антон Кравс, поняли, что они для своих солдат ниже царского генерала Бредова. И рядовые, и офицеры украинских корпусов, исключая считанных энтузиастов национальной идеи, не видели в деникинском генерале врага. Для них это был *царський* генерал (даром что царя уже нет), а присяга царю все равно выше и главнее любой последующей. Он русский генерал, а они ведь и сами русские (даром что украинцы).

Русское для этих людей продолжало быть иерархически выше украинского. Украинское в то время еще оставалось чем-то новым, непривычным, можно сказать, экспериментальным, не вызывавшим пока полного доверия. Несмотря на два года независимости, Украина психологически еще не перестала быть частью большой России. Мы знаем, как яростно сопротивляется любой народ, когда чувствует угрозу своему национальному бытию. Рядовой петлюровец в такую угрозу со стороны России, частью которой он продолжал себя ощущать, не верил¹.

Даже никогда не присягавшая России галицийская часть войска украинской Директории во главе с генералом (австрийским!) Тарнавским, порвав с Петлюрой, присоеди-

¹ Протицирую свидетеля этого события Ивана Солоневича: «Если бы я сказал, что петлюровская гвардия состояла из трусов, — это было бы глупым утверждением. Украинский парень есть существо исключительно боеспособное, императорская гвардия пополнялась главным образом этими украинскими парнями... Украинской мужик настроен патриотичнее [по отношению к Великой России — Руси] великоросского, как и белорусский» (И. Л. Солоневич. Россия и революция. — М., 2007. С. 249). Увы, сегодня этот патриотизм направлен иначе — главным образом благодаря 74 годам советской власти.

лась к армии Деникина, врага украинской независимости, в его походе против красных — возродить империю. Украинские соединения вели бы себя иначе, если бы *незалежність* стояла для них на первом (или даже втором) месте. Ведь Деникин обещал только автономию и только для австрийской Галиции (со столицей во Львове), буде она войдет в состав России. Но западноукраинцы того времени были в первую очередь *руськіми*.

Чувство незыблемости империи вытекало не из ощущения страны-монолита, ибо такого ощущения не было, а из чего-то другого. Скажем, как человек того времени видел, к примеру, Туркестан? Как территорию, присоединенную в 1865 г., полвека назад, на памяти многих живущих. И то не полностью: Туркестан разрезался от Памира до Аральского моря вассальными государствами Бухара и Хива, входившими в политическую и таможенную границу России, но самостоятельными во внутренних делах. Да и остальная Средняя Азия еще не очень воспринималась как органичная составляющая империи. Но несмотря на сохранявшееся ощущение некоторой чужеродности новоприсоединенных областей, вера в «белого царя», в его империю и силу у жителей империи были таковы (и в этом состоит следующая особенность русского предреволюционного самоощущения), что переселенцы без всякой опаски водворялись в среднеазиатских городах, в Семиречье, на присырдарьинских землях, в Закаспии, как и в Закавказье, в Риге, Ревеле, Гельсингфорсе. И даже в Харбине, русском анклав в Китае. С. В. Лурье пишет: *«Еще только был занят Мерв, а туда уже направились крестьяне, свято верившие, что там их ждут государственные льготы (которых и в помине не было)»*. Она цитирует далее путешественника Евгения Маркова, очевидца этих самовольных переселений: *«Смелые русаки без раздумья и ничтоже сумняшеся валили из своей Калуги в „Мерву“*». Русаки действовали смело потому, что ни на миг не сомневались в своем царе и своей «анперии».

Хотя было исключение. Все замечали, что в историко-статистических книгах, где есть какие-то сведения о дореволю-

ционной России, часто натываешься на примечание: «без Польши и Финляндии». Я сейчас о Польше. Часть империи под названием Царство Польское воспринималась как нечто, почти не поддающееся интеграции. Лодзь, Ченстохов, Сандомир — ну никак не укладывалось в сознании людей, что это Россия. Мало-мальски русифицированным островом была Варшава, и этот остров не расширялся. Но это лишь часть картины. Империя нашла подход к полякам и без русификации их, об этом в наши дни все как-то подзабыли.

Михал Сокольниковский, близкий соратник Пилсудского, вспоминая обстановку в российской части Польши начала XX в., писал двадцать лет спустя: *«В последние годы неволи польское стремление к свободе было близко к нулю <...> Смешно утверждать, что накануне войны [Первой мировой. — А. Г.] в польском обществе существовало мощное течение, стремившееся к обретению собственной государственности <...> В то время поляки искренне и последовательно считали себя частью Российского государства»*. В возрожденной Польше 20-х гг. такие утверждения требовали мужества и, конечно, нуждались в пояснениях. Сокольниковский поясняет: *«Независимость стала политической программой на протяжении последнего полувека благодаря деятельности крохотных групп людей <...> Усилия и работа этих людей делала их изгоями в собственном народе. Эти усилия и эта работа были постоянной борьбой, в огромной степени — борьбой с самим [польским] обществом»*¹.

Неприятная для национально-освободительного мифотворчества правда такова: благодаря гибкой политике Российской империи, благодаря возможностям, которые она открывала для личности, поляки в своей массе после 1863 г. нашли в своем пребывании в составе Российской империи достаточно преимуществ. Почему же исторические сочинения дружно толкают своих читателей к противоположному выводу? Потому что историк, убежденный в том, что он рас-

¹ Цит. по: Адам Михник. Возрожденная независимость и бесы бархатной революции. // *Континент*, № 103, 2000. С. 167—168.

сказывает о стране и народе, на самом деле излагает мелкие перипетии (согласимся с Сокольниковым) «изгоев в собственном народе». Он перестает видеть жизнь миллионов, даже не подозревавших о существовании этих изгоев.

Самое же главное состоит в том, что, несмотря на успехи в адаптации в Российской империи, Царство Польское все равно вскоре получило бы независимость. 23 июня 1912 г. Государственная дума приняла по представлению императора закон об образовании Холмской губернии. Из Царства Польского была выкроена территория с преимущественно православным населением. Многие тогда задались вопросом: зачем понадобилась эта губерния в виде узкого лоскута довольно нелепой формы? Зачем решено сделать Царство Польское чисто католическим? И кое-кто уже тогда догадался: Польшу готовят к отделению. Первая мировая война помешала России сделать этот шаг.

Двигало ли теми, кто его задумал, желание восстановить историческую справедливость? В политике бывает и такое — но лишь в качестве соуса к основному блюду. А блюдо, будь оно приготовлено, называлось бы «дестабилизация Германии и развал Австро-Венгрии», обладателей других частей Польши. Но попутно это стало бы и восстановлением исторической справедливости — почему нет?

3. Пафос империи, магнит империи

Имперское чувство, самоотождествление себя с империей, было присуще не только русским с украинцами и белорусами, но и другим народам России. Как-то в Уфе я услышал три башкирские народные песни, названия которых очень красноречивы: первая называлась «Кутузов», вторая — «Форт Перовский», третья — «Сырдарья». Ну, «Кутузов», скажете вы, это понятно: башкирская конница участвовала в отражении Наполеона, дошла до Парижа. А вот песни «Форт Перовский» и «Сырдарья» напоминают уже о роли башкирских частей в имперских походах русской армии по присоединению Тур-

кестана. Башкиры, несомненно, входят в число российских народов — строителей империи. Еще при Алексее Михайловиче они участвовали в походах на Крым и Литву, участвовали в присоединении новых земель, а затем и в заселении этих земель.

Не будем упрощать. Коль скоро речь зашла о башкирах, рассмотрим этот пример. Именно башкиры — один из самых много страдавших после присоединения к России народов. Но это присоединение произошло еще в 1552—1557 гг., и «притирка» длилась треть тысячелетия! Разумеется, башкиры не были лишь страдательной стороной. Они активно нападали на пришлых иноверцев. В XVIII в. земли между Камой и Самарой (это примерно 400 км волжского левого берега) подвергались постоянным башкирским нападениям. *«Из-за этого не могли даже эксплуатироваться сенокосы и другие угодья, отведенные на луговой стороне Волги жителям нагорной полосы. Эти угодья оставались “не меренны и не межеваны”»*¹.

Но российская власть не посягнула на главное — на вотчинные права башкир на землю (этим правам был посвящен ряд государственных актов — от Оберегательной грамоты 1694 г. до закона об общественных башкирских землях от 15 июня 1882 г.) и в отдельные периоды боролась с незаконной скупкой и самовольными захватами земель. Так, в 1720—1722 гг. военная экспедиция полковника Головкина сселила с башкирских земель 20 тыс. самовольно водворившихся там беглых — русских и мещеряков. Подавляя восстания Сеита Садиира, Миндигула, Батырши, Салавата Юлаева, российская власть искала сотрудничества со старыми башкирскими родами и с башкирским духовенством. В 1788 г. было учреждено мусульманское Духовное управление с функциями шариатского суда. Российская власть содействовала переходу башкир от кочевничества к оседлости, к земледелию, к рудному делу, она на длительный период сделала всех башкир во-

¹ М. К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX в. — М., 1996. С. 279—280.

енным сословием с рядом привилегий. Все это и было «притиркой». Совесть русская литература, так и не ставшая буржуазно-охранительной, даже в начале XX в. продолжала говорить об «угасающей Башкирии» (название книги Н. А. Крашенинникова 1907 г.), хотя на самом деле тогда уже налицо был процесс, обратный угасанию¹, — быстрый рост башкирского населения, а многое из того негативного, о чем писал Крашенинников, лежало на совести башкирской знати. «Притирка» дала свои плоды, и разумные люди ценили эти плоды, дорожили открывавшимися возможностями. Хотя, конечно, всегда есть люди, для которых бывшие обиды заслоняют все.

Иногда можно услышать, что мусульман в дореволюционной России притесняли. О том, что это не так, красноречиво говорит символ, который сильнее доводов. Он бросается в глаза при взгляде от Зимнего дворца на противоположный берег Невы. Правее Петропавловской крепости хорошо видны купол и минареты выдающейся по красоте мечети, не заметить ее невозможно. Место не просто знаковое — это еще и одна из самых «сладких» градостроительных точек столицы Российской империи. Царь видел эту мечеть из своего кабинета как на ладони. В какой еще из христианских столиц мира начала прошлого века было возможно возведение такой мечети? В самом центре города, видимой со всех сторон? Ответ: ни в какой больше, кроме России. (В Лондоне нечто сравнимое появилось лишь в 1974 г., да и то не совсем в центре, а на окраине Риджент-парка; большая мечеть в Риме была построена и вовсе недавно — в 80-е гг., причем тоже не в центре.) Появление соборной мечети в Петербурге не было данью либеральным временам Николая II. Еще Екатерина II в 1773 г. издала указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их закону молитвен-

¹ Без сомнения, объективнее был Новый энциклопедический словарь (т. 19, Петроград, б. г. [1914], стб. 487), констатировавший в те же годы, что башкиры «уже пережили критический момент приспособления и теперь успешно развиваются».

ных домов». Мало того, строились мечети в XVIII и XIX вв. чаще всего за счет казны.

Российские жители 1914 г. твердо знали, что их страна во всех своих частях неодинакова, что в ней «что ни город, то и норы». Империя представляла собой достаточно асимметричную конструкцию. Более известны примеры Финляндии и Польши с их особым устройством, куда меньше сегодня помнят об особых самоуправлениях — например, о так называемом Степном положении 1891 года у народов на территории нынешнего Казахстана. У бурятов, хакасов, якутов были «степные думы», их ввели в 1822 г. После завершения кавказских войн (1817—1864) были введены положения «О кавказском горском управлении» (1865) и «О кавказском военно-народном управлении» (1880). Военно-народное управление основывалось на сохранении исконного общественного строя с предоставлением населению возможности во всех своих внутренних делах управляться по обычаям (адатам). Народы Туркестана (т. е. Средней Азии) также управлялись по своим законам. Преступления особо тяжкие были подсудны общероссийским законам, были предусмотрены коллизии между русским и мусульманином, между буддистом-калмыком, субъектом «степных» законов, и лезгином-мусульманином и так далее. Вдобавок многие народы были освобождены от призыва в армию.

Были разные системы образования. Я родом из Ташкента и еще застал старцев из местных жителей, которые помнили так называемые русско-туземные и просто туземные школы (в начале века слово «туземный» не имело обидного оттенка). Для желавших получить продвинутое мусульманское образование были медресе. Империи было чуждо стремление все унифицировать. Хотя и к дальнейшему дроблению жизни оно, естественно, не стремилось. Так что, например, государственные украинские школы оно создавать вряд ли бы стало. Частные, пожалуй ста.

Эта сложная, уравновешенная и асимметричная система судопроизводства, образования и управления воспринималась как нечто естественное и должное. Административно империя делилась не только на губернии, но и на области, что то-

же не случайно. Скажем, Уральская область была территорией Уральского казачьего войска с управлением по военному образцу. Всякая казачья территориальная единица управлялась по военному образцу, но здесь «все земли уральские принадлежали всем казакам», и распределение земельных угодий, распределение прибылей от всех доходных статей и проч. определялось казачьим кругом, т. е. по сути дела область представляла собой одну исполинских размеров общину. Сейчас уже трудно себе такое представить. На тех же основаниях собирались обустроить Енисейское казачество, оно только-только успело сформироваться к Первой мировой войне.

4. Утонувший мир

Вообще казачество — абсолютно уникальное явление (казачий генерал Африкан Богаевский замечательно определил свое сословие как служащее державе «поголовно и на свой счет»). Хотел бы оказаться неправ, но боюсь, что настоящее казачество более невоспроизводимо и у нас.

Совокупность всех этих представлений — про казачество, про державшихся особняком старообрядцев, про народы, не подлежащие призыву в армию, про разные системы образования, самоуправления и подсудности, про мировые, общие и волостные суды (а также военные, духовные и коммерческие), про консистории разных вероисповеданий, про многочисленные сословные органы, про то, что Россия делится не только на губернии, но и на области, округа, генерал-губернаторства и наместничества, что в ее состав то ли входят, то ли не входят вассальные государства Бухара и Хива и протекторат с неясным статусом — Урянхайский край, а также Царство Польское и Великое княжество Финляндское, про все это разнообразие (которое на самом деле надо описывать очень долго) — в ясной или неясной форме присутствовала в сознании жителей Российской империи. Каждый знал, что даже в собственно России, не говоря уже об империи в целом, «нет общей мерки для всякого места», что везде свои говоры, песни, приметы,

орнаменты, промыслы, ремесла, способы охоты или засолки рыбы, и находил это естественным. Это был признак живой страны, в истории которой никогда не приходилось начинать жизнь с чистого листа. Правда, вскоре предстояло.

Властное устройство исторической России, при частой неодинаковости от места к месту, представляло собой достаточно разумную и, что важно, весьма экономную конструкцию. Никаких раздутых штатов ни в одном управленческом звене. Раздутые штаты — типично большевистское порождение. Они появились сразу после переворота 1917 г., удивительно быстро. Самый яркий пример: в Москве к 1920 г. остался 1 млн жителей (остальные разъехались от голодухи — в основном по деревням, к родне), чуть ли не треть из них составляли несовершеннолетние, а из взрослых 231 тыс. человек состояли на «совслужбе» — четверть населения! Не на производстве, заметьте (в столице «пролетарского государства»), а в бесконечных Главспичках, Главтабаках и еще 47 «главках»! Только «совбарышень», как тогда их называли, мигом стало сто тысяч. Вот когда люди «почувствовали разницу». Большого обвала трудовой этики всего за какие-то три года невозможно себе представить.

Еще один штрих в картине асимметричного устройства империи — знаменитая Дикая дивизия в составе русской армии. По законам Российской империи так называемые туземные жители Кавказа и Средней Азии не подлежали призыву в армию, поэтому с началом Первой мировой она была сформирована из добровольцев. Официально она называлась «Кавказская туземная конная дивизия» и позже была преобразована в корпус. Она включала в себя Дагестанский, Татарский (т. е. азербайджанский), Кабардинский (состоял из кабардинцев и балкарцев), Чеченский (из чеченцев и ингушей), Черкесский (из черкесов, карачаевцев, адыгейцев и абхазов) конные полки и Аджарский батальон. После свержения и ареста Николая II горцы дивизии приглашали его в свои родные места, гарантируя защиту.

Национальные части в составе русской армии существовали задолго до этого. Можно назвать Ставропольское кал-

мыцкое войско (с 1739 г.), Башкиро-мещерякское войско (с 1798 г.), калмыцкие Астраханские полки (с 1811 г.), Ногайские полки (с 1811 г.), Туркменский конный дивизион (с 1885 г.), Осетинский конный дивизион (с 1887 г.) и т. д. Дворяне из кавказских мусульман нередко были офицерами и даже генералами русской армии. В еще большей мере это относилось к кавказским христианам — грузинам, армянам, осетинам. О генералах из поляков и остзейских немцев излишне даже упоминать.

Почти все народы тогдашней России сыграли активную роль в заселении окраин империи. Значит, и эти люди не отделяли себя от империи, а империя не отделяла себя от них. Интересно, что в начале века в число самых активных строителей империи входили поляки. История русского железнодорожного строительства, история освоения Сибири начиная со второй половины XIX в. пестрит польскими именами — и это отнюдь не одни лишь потомки ссыльных.

Раз уж упомянуты польские имена (отношение поляков к России знаменито особой пристрастностью), процитирую польского эмигрантского публициста Юзефа Мацкевича. Он характеризует старую Россию времен своей юности как либеральное государство, поясняя: *«Демократия — это еще не свобода, это пока только равенство. Свобода — это либерализм... Нельзя сказать, чтобы царская Россия была государством, основанным на общественной несправедливости. Справедливости можно было добиться иногда скорее, чем в какой-нибудь сегодняшней демократии»*¹.

Трудно реконструировать то, как обычный человек воспринимал «пафос империи», но это чувство, совершенно неведомое жителям малых стран, бесспорно, составляло часть его самоощущения. Он твердо знал: его страна безмерно велика и могущественна, «привольна» и «раздольна», все прочие страны мира меньше России, что вызывает их зависть, однако врагам никогда ее не одолеть.

¹ Юзеф Мацкевич. О «сказочном» времени». *Новый Журнал* (Нью-Йорк), № 67, 1962.

Большинство наших предков до 1914 г. ощущали Россию как страну, где положено жить по Божьим законам. В программу ее жизни (если так можно выразиться) не входила жестокость. Это воистину основополагающий пункт в нашем перечислении. Россия имела иные, нежели сегодня, стандарты нравственности. Ворота жестокости приотворила революция 1905 г.

Еще в XIX в. смертоубийство, даже присутствуя в реальной жизни, оставалось чем-то очень страшным и неприемлемым в понятиях простого народа. В старинных судебныхниках присутствует очень выразительное, вызывавшее ужас понятие «душегубство». Не то чтобы в XIX в. царили буколические нравы — была бытовая преступность, был разбой и конечно же убийства. Вопрос в том, много ли их было, насколько легко преступник мог отважиться на подобное преступление. Если мы вспомним каторжан из «Записок из мертвого дома» Достоевского, ответ кажется очевидным: легко. Но есть одно сомнение.

Я слышал (в 1971 г. в Иркутске), как старый профессор-геолог Николай Александрович Флоренсов рассказывал, со слов своего отца, про поездки бедных людей «на золоте». В начале 1890-х гг. его отец, тогда юноша, дважды ездил «на золоте» из Иркутска через пол-Сибири: один раз в Челябинск, другой — в Тюмень (дальше в Европейскую Россию в обоих случаях можно было ехать по железной дороге). О чем речь? В Иркутске была лаборатория, куда свозили золотой песок с сибирских приисков, и там это золото превращали в слитки. Зимой годовую продукцию лаборатории на санях, обозом, везли до железной дороги. И малоимущие ехали на ящиках с золотом, это был для них бесплатный попутный транспорт! Ехали, конечно, экспедитор и сопровождающие казаки — кажется, двое. Сейчас даже трудно себе сегодня такое представить. И это при тех суровых нравах на сибирских дорогах, о которых повествует другой наш классик, Короленко! Видимо, они были суровы до известного предела. Присутствие безоружных пассажиров защищало надежнее вооруженной охраны. Большая шайка без труда перебила бы всех, но, видимо, даже для отпетых разбойников (вроде каторжан «мертвого дома») существовали какие-то табу, они не отваживались пролить столько невинной крови.

Глава шестнадцатая

Какой она видела себя и какой была

1. Желанная или постылая?

Подданный Российской империи начала XX в. постоянно видел иммигрантов — от персов-«тартальщиков» на нефтепромыслах до держателей модных магазинов на Кузнецком мосту. Он ясно осознавал (и это не могло не влиять на его отношение к собственной родине), что живет в стране, куда люди всегда стремились извне и, видимо, будут стремиться впредь. Во все «достатистические» века в Русь — Россию непрерывно вливались народные струйки с Балкан, Кавказа, из Персии, придунайских земель, Крыма, Бухары, германских княжеств, из Литвы, не говоря уже о славянских землях. Имей мы родословные древа, уходящие вглубь веков, почти каждый нашел бы «древних иммигрантов» среди своих предков.

Появление, с XVIII в., статистики позволяет называть уже почти точные цифры. Скажем, число немцев, въехавших в Россию за тридцать лет правления Екатерины II, чуть не дотянуло до ста тысяч, а за 87 лет, между 1828 и 1915 гг., к нам вселилось ни много ни мало 4,2 млн иностранцев, больше всего из Германии (1,5 млн человек) и Австро-Венгрии (0,8 млн)¹. Во-

¹ В. М. Кабузан. Русские в мире. — СПб., 1996, табл. 17.

образите число их потомков сегодня! К началу Первой мировой войны (1914 г.) Россия была вторым, после США, центром иммиграции в мире — впереди Канады, Аргентины, Бразилии, Австралии. В Россию переселялись греки, румыны, православные албанцы (арнауты), болгары, венгры, македонцы, хорваты, сербы, черногорцы, галицийские и буковинские украинцы, чехи, словаки, все те же немцы и австрийцы, китайцы, корейцы, персы, турецкие армяне, ассирийцы (айсоры), курды, ближневосточные арабы-христиане. Вне статистики остались переселявшиеся в собственно Россию жители ее окраин — прибалтийских и кавказских губерний, русского Туркестана, протекторатов Бухара и Хива, Великого княжества Финляндского, поляки и литовцы Царства Польского.

В Россию направлялась большая неучтенная иммиграция — персы, китайцы, корейцы, греки. 120 лет назад (27.6.1890) Чехов писал Суворину из Благовещенска: *«Китайцы начинают встречаться с Иркутска, а здесь их больше, чем мух. С Благовещенска начинаются японцы... Китайцы возьмут у нас Амур — это несомненно»*. Во Владивостоке в 1890 г. 30 % населения состояло из китайцев и корейцев, они составляли почти четверть населения остального Приморья, придавая ему восточный колорит. Тысячи иммигрантов продолжали оседать в южной части губернии вплоть до 1920-х гг.

Многие думают, будто наши «понтийские» греки — потомки чуть ли не участников плавания Язона за золотым руном. На деле же в основном (исключая греков, живших в Крыму еще во времена Крымского ханства) это люди, переселявшиеся в русские владения в течение XIX в., вплоть до Первой мировой войны, из турецкой Анатолии и из собственно Греции. Причем переселявшиеся в большинстве проходили мимо пограничного учета и контроля, у них были свои пути. С учетом нелегальной миграции цифру въехавших в страну придется поднять минимум до 5 млн человек.

Россия всегда притягивала к себе людей, в мировое пугало ее превратил коммунизм. Он же сделал все, чтобы очертить ее прошлое. Общее впечатление от русской истории,

выносимое из школы (до сих пор!), таково, что наш рядовой читатель легко верит любому мрачному вздору о России.

Люди не переселяются в страны несвободы — туда, где господствует жесткий полицейский режим и (или) тяжкий социальный контроль, царит нетерпимость, неведомы (по Р. Пайпсу) подлинные права собственности. Иноверцев и иноязыких не заманишь в «тюрьму народов». Цифры миграции в Россию опровергает все позднейшие рассказы такого рода.

Кстати, о «тюрьме народов». Это ярлык, который национальные активисты навешивали на многие страны. Первой его удостоилась (не позже 1859 г.) Австрия, под владычеством которой находилась тогда итальянская Ломбардия. Ярлык понравился борцам за независимость Ирландии, и они в своих памфлетах и листовках стали так называть Британскую империю. Дошла очередь и до России — это ругательство взяли на вооружение польские эмигранты в Париже. Хотя и Австрия, и Англия, и Россия лишь отстаивали то, что по законам, правам и понятиям того времени принадлежало, соответственно, австрийской, британской и русской коронам. Отстаивали, правда, по-разному.

Не будем упрощать, имела место и мощная эмиграция из России. В сумме за те же 87 лет из России выехало 4,5 млн человек. Если не брать неучтенный въезд в Россию, выходит, что выехало даже больше, чем въехало (если брать, то меньше). Большинство уехавших составили поляки и евреи, за ними следует группа, о которой часто забывают, — это семьсот тысяч горцев Кавказа, ногайцев и крымских татар¹, не от хорошей жизни выехавших в прошлом веке в Турцию, к единоверцам.

Как и сейчас, легко уезжали (независимо от языка и веры) люди образованные, но не чувствовавшие своей принадлежности, привязанности к стране. Это, вообще говоря, уважительная причина. Насильно мил не будешь, а отсутствие чувс-

¹ В. М. Кабузан. Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII — начале XX в. — М., 1998.

тва принадлежности отбивает у человека охоту обустраиваться на месте, строить долговременные планы, что-то затевать, служить, делать карьеру. По данному пункту сходство с сегодняшним днем заметнее, чем по остальным.

Характерно и то, среди эмигрантов было мало русских. Это ведь интересно, не так ли, почему за океан, преодолевая страх перед чужим языком и нравами, устремлялись из Европы сотни тысяч, а то и миллионы итальянцев, немцев, шведов, греков, венгров, румын, сербов и так далее (перечисляю только этносы, никак не ущемленные у себя дома) и почти не ехали русские? Визовых трудностей в то время не было, препятствия выезду не чинились, заграничный паспорт стоил 7 рублей. Горожанину даже не надо было самому за ним ходить, можно было дворника послать, и он бы вам этот паспорт доставил.

Стремления за океан почти не было, видимо, потому, что Сибирь, Дальний Восток, Алтай, Урал, Туркестан, Новороссия сулили не меньший набор возможностей, чем далекая, сомнительная, иноверная, инаязычная — короче, малопривлекательная страна за океаном. Зачем, если ты у себя на родине можешь получить кусок еще нетронутой земли, создать артель, заняться предпринимательством, ремеслом, промыслом (хоть золотодобычей, как в Калифорнии), торговлей, нажить состояние, сделать карьеру? Особенно после 1905 г., с появлением всего набора прав и свобод.

2. Дух и самооценка

Но возможно, наиболее радикальное отличие нынешнего усредненного российского самоощущения от самоощущения человека ушедшей России кроется в совершенно ином состоянии духа. Российская империя в лице своих подданных ощущала себя страной грозной и молодеватой. Вероятно, точно такая же уверенность в своих странах была присуща простым людям вплоть до Первой мировой войны по всей Ев-

ропе. Ничем иным не объяснить повсеместные взрывы энтузиазма при известии о ее начале.

Русская уверенность, даже гордыня, хорошо описана Иваном Буниным, не зря настаивавшим: *«Я рос во времена величайшей русской силы и огромного сознания ее»*. В гимназические годы он квартировал в Ельце в семье Ростовцевых, а полвека спустя вывел главу семьи, даже не меняя его имени, в *«Жизни Арсеньева»*. Ростовцев, с *«его суровым и благородным духом»*, представлял собой весьма распространенный тип врожденного, естественного патриота, бесконечно уверенного в своем чувстве. Ему не надо было приходить к своему патриотизму путем каких-то исканий. От этого мещанина, говорит выросший в деревне рассказчик, маленький дворянин, *«пахнуло на меня тем, чем я так крепко надышался в городе впоследствии: гордостью»*. Гордостью, что мы — *«русские, подлинные русские, что мы живем той совсем особой, простой, с виду скромной жизнью, которая и есть настоящая русская жизнь и лучше которой нет и не может быть, ибо ведь скромна-то она только с виду, а на деле обильна, как нигде <...> а Россия богаче, сильнее, праведней и славней всех стран в мире»*.

Впечатляет сцена, где бунинский герой читает Ростовцеву стихи. *«Я читал Никитина: “Под большим шатром голубых небес, вижу, даль степей расстилается...”* Это было широкое и восторженное описание великого простора, великих и разнообразных богатств, сил и дел России. И когда я доходил до гордого и радостного конца, до разрешенья этого описания: *“Это ты, моя Русь державная, моя родина православная!”*, — Ростовцев сжимал челюсти и бледнел. *„Да, вот это стихи!“* — говорил он, открывая глаза, стараясь быть спокойным». Ростовцев и миллионы таких, как он, старались, но не могли спокойно слышать подобное.

Бунин считает своим долгом внести ясность: *«Не очень святы были»* эти люди, *«но ведь были же у них и достоинства. А что до гордости Россией и всем русским, то ее было даже в излишестве»*. Они испытывали сильнейшее душевное волнение, *«говоря про Скобелева, про Черняева, про царя-освобо-*

дителя, слушая в соборе из громовых уст златовласого и златоризного диакона поминовение “благочестивейшего, самодержавнейшего, великого государя нашего Александра Александровича”, — почти с ужасом прозревая вдруг, над каким действительно необъятным царством всяческих стран, племен, народов, над какими несметными богатствами земли и силами жизни, “мирного и благоденственного жития”, высится русская корона». Когда народ непоколебимо уверен в своей стране, ему не страшны никакие трудности.

Но прошло каких-то тридцать лет, и пришлось задаваться совсем другим вопросом. «Куда она [эта гордость. — А. Г.] девалась позже, когда Россия гибла? — спрашивает Бунин. — Как не отстояли мы всего того, что так гордо называли мы русским, в силе и правде чего мы, казалось, были так уверены?» Бунин описывает здесь настроения 80-х и 90-х гг. XIX в. (он жил в Ельце 1881—1885 гг., поминовение «государя Александра Александровича» — это 1894 г. и последующие годы), но, судя по множеству свидетельств, эти настроения держались вплоть до Первой мировой войны.

Их не вполне поколебала даже неудачная Русско-японская война, ибо велась она, по народному ощущению, как-то вполсилы и страшно далеко, в Маньчжурии, на чужой земле. Мол, если бы Россия сильно захотела, напряглась, от японцев бы мокрое место осталось. Надоело — вот и бросили эту войну, не стали вести дальше. Неважно, так это или нет, речь о преобладавшем настроении, хотя, разумеется, присутствовали и досада, и горечь, и разочарование.

Выдающимся достижением своего времени стала прокладка железной дороги от Урала до Тихого океана. По своему значению она вполне сопоставима с высадкой человека на Луне. Достаточно сказать, что второго полноценного широтного пересечения Азии нет и по сей день. Российскую историю вполне можно делить на время до дороги и время с дорогой. Дорога стянула великую страну в единое целое, консолидировала ее, спасла от распада в страшное пятилетие 1917—1922 гг.

Если сравнить историю ее строительства (Транссиб был заложен в 1891 г., а уже через десять лет, в 1901-м, пошли поезда Петербург — Владивосток; северная дуга Чита — Хабаровск построена в 1908—1916 гг.) с той тягомотиной, в какую вылилась прокладка вдвое более короткого БАМа (строительство велось с перерывами в 1932—1951 гг., возобновлено в 1974-м и закончено лишь в ноябре 2003 г., с пуском Северо-Муйского тоннеля), да еще с поправкой на технический прогресс за столетие, то в связи с этим примером напрашивается вывод, что советская созидательная энергия оказалась чуть ли не вдесятеро слабее имперской¹.

Нельзя, разумеется, утверждать, что позитивный дух пронизывал в ушедшей России всё и вся, так не бывает нигде. Как в любом обществе, было полно социально ущемленных. Задним числом видно, что стремительное капиталистическое развитие выкидывало на обочину очень многих. В крупных городах появлялось все больше опасных хулиганов, особенно страдал от этого Петербург. Социологи утверждают, что, когда число людей, считающих, что терять им нечего, достигает 5 %, это очень опасный уровень. Россия кануна Первой мировой войны, видимо, подошла к этому уровню: 5 % населения в то время — это примерно 7 млн человек, огромное количество. Очень важным, а может быть, и роковым фактором в судьбе страны стал тот факт, что революционные «радетели» за крестьян и рабочих неумоимо убеждали их, что положение народа беспрерывно ухудшается. Когда ожидания простых людей завышены, их потребности растут быстрее доходов, *«в такой ситуации субъективные ощущения противоречат объективному состоянию вещей»*², но объективное — это некая статистическая абстракция, человек же, особенно простой, верит лишь

¹ Александр Горянин. Пересечь Азию. *Знание — сила*, № 1 и 2, 2005 (а также: http://www.znание-sila.ru/online/issue_3137.html и http://www.znание-sila.ru/online/issue_3053.html)

² Б. Н. Миронов. Мифологема о системном кризисе в России после Великих реформ 1860—1870-х гг. // *Нестор: Журнал истории культуры России и Восточной Европы*. № 11, 2007.

своим ощущениям. Для него они — единственная реальность.

Положительный, казалось бы, фактор — высокая самооценка нации — оказал ей в судьбоносный миг дурную услугу. Воистину, иногда стране полезно быть менее уверенной в себе. Всеобщая вера в русскую силу и несокрушимость, бесспорно, оказывала давление на действия людей, принимавших решение о вступлении России в войну 1914 г. Эти настроения били через край. Буквально каждый мемуарист, описывающий день объявления войны, вспоминает тысячные толпы на улицах русских городов, их ликование при вести, что Россия твердо решила защитить православную Сербию от «австрийской и тевтонской расправы». Сомневающиеся и пессимисты так себя не ведут.

3. Поиски компромата на «царизм»

Уже 4 марта 1917 г. — т. е. немедленно после победы Февральской революции — была учреждена «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц, как гражданских, так и военного и морского ведомств». Предвзятость комиссии видна уже в ее названии, подразумевавшем обязательное наличие противозаконных действий. В комиссию вошли юристы и общественные деятели антимонархической ориентации. Ее члены видели свою задачу в том, чтобы выявить закулисную сторону свергнутой власти, подготовить материалы для привлечения к суду всей верхушки имперской России, начиная с царя. Главе комиссии, присяжному поверенному Н. К. Муравьеву, были даны права и полномочия товарища (заместителя) министра юстиции.

Комиссия могла производить следственные действия, заключать под стражу, получать любую информацию из государственных, общественных и частных учреждений. Она проделала, можно сказать, исполинскую работу — в част-

ности, были допрошены около ста высших должностных лиц империи, в том числе четыре бывших премьера, четыре министра внутренних дел, сенаторы, генералы, губернаторы, политические, общественные деятели и т. д. Часть допросов велась в тюремных помещениях Петропавловской крепости. На комиссию сильно давили левые общественные организации, требовавшие скорейшего суда над бывшим императором. А некоторые, начитавшиеся английской и французской истории, добавляли: «И казни, непременно казни».

Комиссии требовались доказательства, что наверху царила, во-первых, «измена», а во-вторых — коррупция. Доказательств не было. Муравьев вынужденно лукавил перед прессой, заявляя, что «найденно много бумаг, изобличающих бывшего царя и царицу» (он не терял надежды таковые найти), а выступая 17(30) июня 1917 г. с докладом о работе ЧСК на Первом всероссийском съезде рабочих и солдатских депутатов, он даже заявил, что *«вся деятельность правительственной власти старого режима, с точки зрения существовавших тогда законов, оказывается нарушавшей этот закон»*. Но реально предъявить что-либо комиссия так и не сумела. Кое-как наскребли материал для суда над бывшим военным министром В. А. Сухомлиновым. Он был арестован почти за год до революции, и его дело расследовалось на протяжении 10 месяцев при старом режиме. Следовательно, не найдя состава преступления, предложил освободить бывшего министра. *«Но тут на дыбы Муравьев и все остальные: “Как освободить?! Да вы хотите на нас навлечь негодование народа...” Условия защиты неблагоприятны — кругом подвывает толпа: “Распни их”, а толпа теперь — хозяин»*¹. Сухомлинов был осужден на «вечную каторгу» лишь потому, что оправдать его было «политически невозможно». Не бы-

¹ С. А. Коренев. Чрезвычайная Комиссия по делам о бывших министрах // Архив русской революции. В 22 т. Т. VII. Берлин, 1922 (репринт: Москва, 1991). С. 16. Среди допрошенных Комиссией был Ленин В. И., который «пока еще многим из нас кажется всего лишь клоуном от революции — Пуришкевичем навыворот» (с. 26).

ло выявлено ни «измены», ни доказательств того, будто вокруг царицы группировалась прогерманская «придворная партия» (Штюрмер, Щегловитов, Протопопов), а сама она как-то воздействовала на военные решения царя. Не обнаружилось и следов влияния Распутина. Да, за стенами дворца Распутин изображал могущество, торговал им, требовал отступного и т. д. Ошибка царской семьи была в том, что она пренебрегла компрометирующими ее слухами, посчитав ниже себя обращать внимание на домыслы газетной черни. В рамках аристократических понятий и принципиального невмешательства двора в свободу прессы это было, вероятно, естественное поведение. Царская семья не порвала с Распутиным потому, что он действительно помогал несчастному царевичу Алексею, но о его влиянии на царя говорить не приходится, хотя попытки со стороны «старца» и были. Бесконечно жаль, что Николай не услышал главный совет Распутина: не ввязываться в мировую войну.

Наконец — и это самое главное, — не было выявлено несомненных фактов коррупции в рядах должностных лиц высшего и просто высокого уровня. А ведь все и всегда сходилось том, что в этой среде процветает «продажность» — литература, журналистика и молва были единодушны. И вдруг — ничего!

Маленькое отступление. Повелось считать, что этот порок вольготно чувствовал себя в России всегда, но особенно расцвел во время Великих реформ Александра II. Крупные реформы и впрямь создают массу новых практик и открывают массу щелей в законах. Вместе с тем эффективная система контроля, созданная при Александре II по следам миллионных хищений в «Инвалидном комитете» в 1852—1853 гг., и компактность чиновничьего аппарата, где все и всё на виду, делали саму возможность казнокрадства и мздоимства крайне затруднительной. До 1871 г. главным государственным контролером был легендарный Валериан Татаринов, гроза взяточников и воров.

Вопреки мифу, коррупция не укоренилась в качестве родового свойства русской власти¹. Люди, чей кругозор не был зашорен — таких, правда, было немного, — и тогда понимали, что взяточничество в верхах может быть лишь исключением, и не только потому, что все высшее чиновничество пребывает «под стеклянным колпаком» (выражение С. Ю. Витте), а уже потому, что оно было почти сплошь из аристократии. Страх огласки и позора был для этой категории людей сильнее любого соблазна. Хватило подозрений в казнокрадстве (дело не дошло не только до суда, но и до следствия), чтобы граф Петр Андреевич Клейнмихель провел последние 14 лет жизни в затворничестве, не осмеливаясь появляться на заседаниях Государственного совета. Но уже в царствование Александра II наверх стали все чаще попадать люди невысокого происхождения, выросшие в небогатых семьях. Им было труднее устоять перед искушением, чем представителям старых и богатых фамилий. Судя по всему, коррупция в России испытала взлет в годы начала железнодорожного бума, значительного расширения банковской деятельности, госзаказов и госзакупок. Однако, благодаря расширению гласности и рационализации управления, этот взлет оказался недолгим. При Александре III и особенно при Николае II взятки в верхах были «редчайшими сенсационными исключениями»².

Да, интенданты продолжают приворовывать, мелкие чиновники и полицейские чины берут «подношения», грешат таможенники; генерал Белецкий, «опекавший» Распутина — чтобы чудил под наблюдением, а не сам по себе, — приказ-

¹ Вообще, после «светлейшего князя» Меншикова красть у государства и брать крупные взятки стало в России крайне опасным занятием. Но как же быть со знаменитым изречением «Воруют!», приписываемым Николаю Карамзину? Так он охарактеризовал якобы главное занятие своих соотечественников. Где и когда Карамзин это произнес или написал, неизвестно, но данное словечко тяготеет над нами как обвинительный приговор. Возможно, это одно из многих вымышленных «крылатых слов», заменяющих знание, — их все цитируют, но никто не может указать источник, поскольку его нет.

² С. С. Ольденбург. Царствование императора Николая II. — Вашингтон, 1981; репринт: М., 1991. С. 13.

манивает часть казенных денег из «негласных сумм»; адъютанты генерала Ренненкампа «обозами» вывозят в Россию награбленное в Восточной Пруссии немецкое добро. Но как мы сегодня отлично понимаем, все это, в сущности, мелочи. Если у рыбы не гниет голова, особой угрозы нет. Крупной коррупции, опасной для государства, в России ко времени революции не было, можно только позавидовать.

4. Незнакомая империя

Добавочный свет на империю перед ее концом проливает неожиданный источник — справочник «Весь Петроград» за 1916 г. Поименное перечисление всех без исключения государственных чиновников (кроме тех, кто скрыт по условиям военного времени) столицы с именами и отчествами, адресами, телефонами, названиями должностей, приемными часами и т. д., заняло в нем всего 79 страниц. Чиновники имперского уровня, управлявшие самым большим в мире государством, а также столичные и губернские представлены в справочнике без пропусков, даже если они базировались не в Петрограде. Представлен персонал всех государственных структур — министерств и их ответвлений, комитетов, прокурорского надзора, судов, таможен, торговых палат, всех государственных банковских учреждений, русских посольств и консульств во всех странах, финляндских учреждений в Петрограде, полицейских участков столицы, казенных предприятий, городского управления (включая ремесленные училища, богадельни и водопроводные станции), персонал вокзалов, товарных станций, геологических и изыскательских экспедиций и т. д. И нигде не забыты канцеляристы, бухгалтера, чертежники (!). Отражена вся законодательная ветвь власти — персональный состав Государственного совета и Государственной думы и технический персонал. Три четверти (!) списка занимает персонал организаций с приставкой «Императорский» — обществ, театров, музеев, библиотек и прочих заведений (вроде Ботанического сада), включая Ака-

демии наук и ее учреждения. И все это вместе уместились, повторяю, на 79 страницах. Вряд ли мировая история знает много примеров столь экономной и компактной власти.

Суммарный персонал государственной и общественной службы в России составлял в 1910 г. 6,2 чиновника на тысячу жителей; во Франции этот показатель был почти втрое выше (17,6)¹. Если же считать только чиновников и канцеляристов государственной службы, непосредственно занятых в управлении (без земских и сословных учреждений, городского самоуправления, вспомогательных служб и т. д.), таковых перед Первой мировой войной было на всю Россию 252,9 тыс. человек, или 1,63 человек на тысячу жителей. СССР по относительному числу чиновников на разных отрезках своего существования превосходил Российскую империю в 5—10 раз². У раздутой власти «взяткоемкость» много выше, чем у компактной.

Между концом царствования Николая I и 1917 годом прошло всего 62 года. За это время Россия совершила колоссальный рывок, стала другой страной. Она покрылась сетью железных дорог, преобразились ее города. И сегодня лучшая часть городской среды в России — то, что показывают туристам и гостям, — в основном построено в эти благословенные шесть десятилетий. От более ранних времен остались считанные парадные ансамбли, но не они определяют физиономию городов. Петербург Гоголя, умершего в 1852 г., и написанный всего 60 лет спустя «Петербург» Андрея Бело-

¹ Н. А. Рубакин. Много ли в России чиновников? — *Вестник Европы*, январь 1910 г. В самом названии статьи слышится полемика с теми, кто уверял, что в России непомерно велик чиновный аппарат. Прошло сто лет, но ничего не изменилось: нынешний российский «хороший тон» точно так же требует обличать «раздутую бюрократию». Между тем численность работников федеральных органов исполнительной власти составляла у нас на 1 октября 2008 г. 500 тыс. 425 человек. Это вдвое меньше, чем во Франции, и почти вчетверо — чем в США. Из расчета на тысячу жителей численность чиновничьего корпуса в России составляет около одной пятой госслужащих Французской Республики.

² Б. Н. Миронов. Социальная история России. 3-е изд. Т. 2 — СПб., 2003. С. 200 и 203.

го, производство вовсе не апологетическое, разделяют, кажется, столетия.

Российские экономика, общество и государственность этого периода развивались поступательно и успешно. Национальный доход с 1861 по 1913 г. возрос в 3,84 раза. Экономика России окончательно стала рыночной. Между 1899 и 1913 гг. оборот торговых предприятий вырос на 40 %, валовой сбор хлеба — на 47 %, российский экспорт в целом — на 142 %, основные капиталы акционерных промышленных предприятий — на 116 %, вклады населения в банки — на 177 %, баланс акционерных банков — на 318 %. Рост ассигнований на просвещение с 1902 по 1912 г. увеличился на 216 %. В России перевес крестьянского землевладения над крупным частновладельческим был выше, чем в других европейских странах. Начиная с 1905 г. в России забастовки, как способ борьбы рабочих за улучшение своего положения, стали легальными. В 1912 г. (раньше, чем в США и ряде европейских стран) Россия приняла закон о социальном страховании рабочих. В политическом отношении Россия к тому времени давно уже не была абсолютной монархией. Еще Александр II в 1864 г. ограничил собственную власть введением Судебного устава. С этого времени закон был поставлен выше воли самодержца¹.

Российское правительство последовательно снижало прямые и косвенные налоги на крестьян. Начиная с 1880-х гг. валовой национальный продукт увеличивался в среднем на 3,3 % ежегодно, и это отражалось на уровне жизни. Из передовых стран прирост был выше только в США (3,5 %).

Хотя в начале XX в. российский промышленный рабочий зарабатывал меньше, чем его западные коллеги (в Германии месячный заработок, считая в рублях по золотому паритету, составлял 57 руб., в Великобритании — 61, во Франции — 41, в России — 24,2 руб.), благодаря дешевизне продуктов в России он потреблял мяса больше, чем английский рабочий, 38,5 и 33,1 кг в год соответственно и ненамного меньше мо-

¹ Юрий Цурганов. Уничтоженная цивилизация. // *Посев*, № 11, 2009.

лока: 48,1 и 52,5 кг соответственно. Продолжительность рабочей недели в России в 1913 г. была ниже, чем во Франции: 57,6 и 60 часов соответственно. (Сравнительные цифры здесь и далее — из таблиц в работе *Б. Н. Миронова* «Социальная история России», 3-е изд. Т. 2 — СПб., 2003. С. 385, 386, 390, 393.)

5. Прорывное развитие

О расцвете литературы, изобразительного и сценического искусства, архитектуры, общем культурном взлете, Серебряном веке говорить излишне, поскольку все это общеизвестно. Но в тени остается такая важная примета последних лет Российской империи, как стремительный образовательный, научный и технологический рост.

В 1890 г. в России было 12,5 тыс. студентов, а в 1914-м — уже 127 тыс. (тогда как во Франции 42 тыс., в Германии 79,6 тыс., в Австро-Венгрии 42,4 тыс.)¹. По числу врачей Россия к 1913 г. обогнала Францию (соответственно 28,1 и 22,9 тыс.) и, видимо, Великобританию². Перед Первой мировой войной Россия была уверенным мировым лидером в области книгоиздательства. В 1913 г. выпуск книжной продукции составлял: в России 30,1 тыс. названий, в Германии — 23,2 тыс., в Великобритании — 12,4 тыс., в США — 12,2 тыс.³.

В СССР не могли нахвалиться дальновидностью советской власти, которая учредила, начиная с 1918 г., целый ряд научных институтов, быстро вырвавшихся на передовые позиции

¹ Данные по Великобритании и США на этот год в таблице отсутствуют, но, судя по динамике цифр, английский показатель 1914 г. был заведомо ниже российского, а американский, видимо, выше.

² Данные по Великобритании на этот год в таблице отсутствуют, но, судя по динамике цифр, английский показатель 1913 г. был ниже российского.

³ Данные по Франции на этот год в таблице отсутствуют, но, судя по динамике цифр, французский показатель 1913 г. был ниже английского и американского, т. е. лидерство России сомнений не вызывает.

в мире. Согласимся, но и спросим: как вы это себе представляете? Совнарком издал декрет, пришли пролетарии и на пустом месте быстренько соорудили институт? Между тем прославленный ЦАГИ — это лишь новое имя Аэродинамического института, основанного в 1904 г. Д. П. Рябушинским в Кучине под Москвой. Государственный оптический институт создан на базе Русского физико-химического общества. Радиевый институт организован путем объединения Радиологической лаборатории Императорской академии наук (ИАН) и Радиевого отдела при Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). «Расщепление» Химической лаборатории (по сути института) ИАН позволило создать Химический институт, Институт физико-химического анализа и Институт платины. Физико-математический институт им. В. А. Стеклова — результат, наоборот, слияния Физической лаборатории (детища умершего в 1916 г. академика Б. Б. Голицына) и Математического кабинета ИАН. Авиационное расчетно-испытательное бюро и отраслевые лаборатории Императорского Московского технического училища (затем известного как Бауманка) дали жизнь еще пяти НИИ. И так далее.

Иногда спрашивают: почему «царизм» сам не открыл такие институты? В начале века научные исследования в России, как и за рубежом, велись в вузах, лабораториях, «бюро», научных обществах и в таких государственных структурах, как Академия наук или созданный в 1882 г. Геологический комитет; институты, как организационная форма исследовательской работы, стали появляться и в Европе, и в России перед Первой мировой войной — например, Императорский институт экспериментальной медицины, Институт истории искусств. Инициатива создания научных учреждений исходила от самих ученых (что весьма разумно), финансирование науки в значительной мере шло из частных фондов. Например, Институт биофизики и физики был построен и начал работу в 1916 г. в Москве (на Миусской площади) без всякого государственного участия, на средства мецената Христофора Леденцова, по замыслу физика П. Н. Лебедева. Оба, увы, не дожили до от-

крытия. От этого института отпочковались затем Институт физики Земли, Институт рентгенологии и радиологии, Институт стекла, знаменитый ФИАН и, наконец, Институт биофизики.

На средства фонда «Леденцовское общество» была создана лаборатория высшей нервной деятельности И. П. Павлова. Многие изобретения, поддержанные обществом, были прорывными — расчеты поддерживающей поверхности аэроплана, способ оптимизации пропеллера летательного аппарата, карманный микротелефон О. Д. Дурново. Общество финансировало создание первой в мире геохимической лаборатории в Петербурге, аэродинамической лаборатории при Московском университете, лаборатории испытания гребных винтов при Императорском Московском техническом училище, Карадагской биостанции в Крыму¹. Меценаты опережали неповоротливое государство во многих странах — в первую очередь в США, но и у России неплохие показатели. Владелец Балашихинской мануфактуры Павел Шелапутин в 1893—1895 гг. построил Гинекологический институт при Московском университете; судовладелец Александр Сибиряков финансировал полярные экспедиции; по завещанию генерала Альфонса Шанявского его вдова Лидия Шанявская создала целый университет — примеров множество!

Не будем здесь говорить об авиации, военном судостроении, артиллерии, легированной электростали, о пионерных работах в области химии, телевидения, радиоактивности, ракетного оружия, о первом танкере («Зороастр»), о первом ранцевом парашюте (Котельникова), первом противогазе (Зелинского), первом — и до сих пор том же — тонометре (Короткова), первых стальных сетчатых оболочках (Шухова), о Транссибе, величайшей железной дороге мира, о крупнейшем мосте своего времени (через Амур у Хабаровска) — будет трудно остановиться.

Российская империя вплоть до 1917 г. шла путем ускоренного, но естественного обновления. На базе образователь-

¹ Е. Д. Панов. Христофор Семенович Леденцов // *Вестник Российской академии наук*, 2004. Т. 74, № 1.

ных и исследовательских коллективов уже к Первой мировой войне в стране сформировались все те научные направления и школы, которые большевики использовали затем для целей своей искусственной модернизации. После победы большевиков, волшебным декретам которых до сих пор приписывают славу создания отечественной науки, последняя представляла из себя развалины и обломки. Многие инженеры, ученые и изобретатели погибли или бесследно исчезли, многие вынужденно оставили профессию.

В боях Гражданской войны, а также в результате голода, эпидемий, террора Россия лишилась не менее четверти своих образованных людей. Значительная часть эмигрировала или осталась на территориях, отторгнутых или отколовшихся от России. Эмигрировали, в частности, почти все авиаконструкторы.

Гражданская война (процитирую нашего выдающегося историка Анатолия Уткина) — *«страшная национальная катастрофа. За ней — цивилизационный откат. Пройдитесь и сегодня по Невскому или Тверской, посмотрите сквозь новоделы на архитектурные приметы той цивилизации — она молча смотрит нам укором. Как легко и жестоко революция простила с Атлантидой великой российской цивилизации»*.

6. Культурный слой: проверка катастрофой

Большая часть созидательного потенциала России была подарена миру. Достаточно сказать, что в эмиграции действовали свыше двадцати русских вузов, стоит назвать некоторые из них. В Париже: Высший технический институт, Высшая школа социальных, политических и юридических наук, Русская консерватория, Коммерческий институт. В Праге: Русский юридический факультет при Карловом университете, Институт коммерческих знаний, Русский свободный университет. В Харбине: Политехнический институт, Юридический факультет, Институт восточных и коммерческих наук, Педагогический институт, Высшая медицинская школа. И в

каждой стране изгнания было, как минимум, Общество русских инженеров и Общество русских врачей.

Потери были бессчетны, но как же велика оказалась накопленная к 1917 г. российская культурная мощь, если одной трети ее хватило на быстрое восстановление науки, техники, образования, развитие промышленности и обороны! Большевики к тому же устраивали кровопускания даже тому инженерному корпусу, который стал на них работать — достаточно вспомнить процесс Промпартии, тысячи расстрелянных «вредителей», конструкторские бюро («шараги») в лагерях. То же относится к ученым — вспомним «академические чистки», расправы с представителями множества наук. Осознав это, ясно понимаешь, что экономические и научные успехи Российской империи были бы к 1941 г. неизмеримо выше достижений советской власти, к тому же купленных чудовищно затратной ценой¹. Отдавая должное предвоенной советской науке, мы должны понимать, что восхищаемся умельцем с ампутированной рукой.

Трагическую роль сыграла двойственность интеллигенции. Автор предельно честных «Очерков семейной хроники», Владимир Троицкий, описывает своих друзей-гимназистов — поколение тех самых будущих русских интеллигентов, которым предстояло в тридцать лет пережить революцию, а затем если не эмигрировать, то в сорок — в качестве «спеца» трудиться на одном из фронтов первой пятилетки, а в пятьдесят — угодить или, если повезет, не угодить во всесоюзную мясорубку. *«Мы, само собой разумеется, были на стороне забастовщиков [участников политической стачки октября 1905 г.]. Это так было весело! В нас было сознание своей коллективной мощи, и наш вид, озорных и бесшабашных молодчиков, заставлял боязливо сторониться нас некоторых инакомыслящих — я ска- зал бы, действительно разумных людей. Но мы — зеленая молодежь, невежественная и глупая, и нам, как баранам, все поступки наши и дикие выходы, пожалуй, простительны. Од-*

¹ Эта тема мало освещена. Порекомендую исследование, ссылки на которое мне не попадались: *Лорен Грэхэм. Призрак казненного инженера. Технологии и падение Советского Союза.* — СПб., 2000.

нако ведь нами кто-то руководил, какие-то пожилые образованные и ученые люди. Куда же они нас толкали?.. Террористические акты против власть имущих приняли широкие размеры. Ни каторга, ни виселица — ничто не сдерживало молодежь от стремления запечатлеть свое имя в истории. Эта рисовка покупалась дорогой ценой. Но благодарное потомство оценило их жертву одним словом: дураки!.. Когда я слышу слова “народ взял власть в свои руки”, меня коробит эта ложь”.

Когда большевики захватили власть, оказалось, что их верхушка — как в столицах, так и в провинции — состояла (без единого исключения!) из людей, не имевших даже малейшего управленческого опыта. Они ничего бы не сделали с захваченной страной, если бы не добровольцы из интеллигенции (даже не самой «передовой»), обладавшие нужным опытом. Поражение белых — а чаши весов не раз сходились с аптекарской точностью — в конечном счете объясняется тем, что белые не смогли наладить в очищенных от врага областях эффективное гражданское управление, не смогли привлечь на свою сторону достаточное количество специалистов. Типичные представители интеллигенции видели в белых «реакционную силу» и в большинстве своем уклонились от сотрудничества. Белые не умели использовать такой безотказный рычаг, как продовольственная карточка. К тому же на «белых» территориях с продовольствием все было в порядке и карточки не требовались.

Остальное общеизвестно. Какая-то часть интеллигенции на «красных» территориях отказалась от сотрудничества с новыми властями. Ее судьба печальна. Эмиграция — это был почти благоприятный исход для таких людей. Тысячи попали как «буржуазия» в заложники и были в этом качестве расстреляны. Кто-то из молодых сумел пробраться в белую армию. Сотни тысяч были выселены из своих квартир, «уплотнены», ограблены, умерли от голода, тифа и «испанки». Судьба огромного количества заметных в своей сфере деятельности людей осталась неизвестной. В частности, погибли около 40 % российских врачей и профессуры¹. И почти всем, кто

¹ Н. Д. Жевахов. Воспоминания. — М., 1993. Т. 2. С. 132

уцелел, все же пришлось через какое-то время идти на службу новым властям. Большевики убедили нужных им специалистов не доводами, а вышеупомянутой хлебной карточкой.

Подведем итоги. Россия быстро эволюционировала от самодержавия к конституционной монархии и в 1905—1906 гг. стала таковой. Сложилось де-юре правовое государство на базе рыночной экономики, частной собственности, достаточно эффективной судебной системы и с опорой на быстро развивающуюся культуру, науку, технику и образование. Общественные настроения и требования доводились до властных структур, был выработан механизм принятия политических решений, в котором участвовали Государственная дума, политические партии, представители общества, земства, функционировали информационные агентства, свободная пресса. Действовали многие тысячи добровольных общественных организаций (только благотворительной деятельностью занимались в 1913 г. 4762 общества), стремительно развивалось кооперативное движение. Государственная власть считалась с критически (к сожалению, сверхкритически) мыслящим общественным мнением. Если это не гражданское общество, то что же это? Невозможно не согласиться с Б. Н. Мироновым: *«Через одно-два поколения [все это] вошло бы в плоть и кровь общественной жизни, и демократический режим стал бы необратимым... Между тем в конце XIX—начале XX в. общественность в массе своей была искренне убеждена, что страна находится в состоянии перманентного кризиса, что положение народа ухудшается»*.

7. Информационная война, приведшая к революции

Как возникла подобная убежденность? Главная причина общественного конфликта, приведшего к революциям 1905 и 1917 гг., заключалась в борьбе за власть. Радикалы мечтали сами руководить процессами реформирования России. Они толкали страну к революции, на волне которой

надеялись отнять власть у существовавшего государственного аппарата. Начиная с 1840-х гг. постоянно находились «властители дум», диктовавшие тогдашней интеллигенции, как ей следует правильно думать. Критик и публицист Павел Анненков охарактеризовал их как *«воюющий орден, который... стоял поперек всего течения современной ему жизни»*¹. Он же очень точно подметил, что такого рода *«повествователи, как Щедрин и Печерский, обязаны подбавлять каждый раз жизненной мерзости... для успеха»* (Труды ГБЛ, сб. 3. М., 1934. С. 71) ниспровергателей и разрушителей. Радикальная интеллигенция была приучена к мысли, что видеть вокруг себя что-то хорошее стыдно. Выдающимся карикатуристом русской жизни был барственный Н. А. Некрасов, твердо державшийся в рамках однажды найденного и хорошо продававшегося обличительного пафоса². Некрасов был среди втайне недовольных Манифестом 19 февраля 1861 г. — он «потерял тему». *«Наша... больная и злобная обличительная литература есть не столько лечение, сколько сама болезнь»*, — записал в своем дневнике в 1918 г. знаменитый публицист Михаил Меньшиков. Вскоре после этого его расстреляли на берегу Валдайского озера духовные вну чата тех самых чернышевских и добролюбовых, что звали Русь к топору.

Беспросветный, мрачный образ России второй половины XIX — начала XX в. создавался радикальной интеллигентской контрэлитой (как кадетско-либеральной, так и марксистско-народнической) намеренно, с целью дискредитации своих

¹ Цит. по: Б. Н. Миронов. Социальная история России, 3-е изд. Т. 2. — СПб., 2003. С. 234.

² Воспоминания князя Сергея Михайловича Волконского (1860—1937) содержат рассказ матери автора о том, как около 1871 г. к ней обратился Некрасов с просьбой высказать критические замечания по поводу цикла поэм «Русские женщины», перед тем как отдать их в «Отечественные записки». Мгновенно приняв все ее поправки бытового, хронологического и т. п. свойства, Некрасов не согласился убрать описания того, как «начальство» мучило и утесняло декабристов и их жен в Сибири. На все заверения, что это «ни с чем не соотносимо», Некрасов отвечал: «Если это убрать, я лишусь тысячи подписчиков».

политических противников, это было частью борьбы за власть. В работах Б. Н. Миронова, М. Д. Давыдова, С. В. Куликова, В. В. Думного, Е. М. Уилбур (США) и других исследователей выявлено множество фактов сознательной («из лучших побуждений») и бессознательной подтасовки фактов относительно положения народа. Интеллигенция же свято верила своим кумирам — либеральным и социалистическим, — не сомневаясь, что народ, и прежде всего крестьянство, действительно вымирает и спасти его может лишь низвержение «царизма».

Николай Макаров, известный экономист и деятель кооперативного движения 1910-х — 1920-х гг., сподвижник А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева (и свояк Н. И. Вавилова), в своей работе 1918 г. «Социально-этические корни в русской постановке аграрного вопроса» (ее цитирует Б. Н. Миронов) писал: *«Нищета, забитость, вымирание, психическое притупление — вот как, очень ошибочно, народническая мысль все чаще начинала характеризовать русскую деревню... Казалось, что, говоря о нищете деревни, люди борются с ненавистным политическим строем; это было тупое оружие русской интеллигенции в ее руках против правительства. Почти преступно-официальным считалось и не разрешалось экономически-оптимистично смотреть на русскую деревню. Разговор о „прогрессивных течениях“ в русской деревне звучал каким-то диссонансом в этом настроении; „надо удивляться, что оно живет и сохраняется при таких условиях“ — почти в этих словах писалось тогда о крестьянском хозяйстве».* Эти слова замечательно перекликаются с приведенным выше (в главе о крепостном праве) отрывком из воспоминаний П. Д. Боборыкина.

Почему-то повелось считать, что слова Столыпина «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» были обращены к большевикам. На самом же деле — в основном кадетам. В своем издававшемся в Штутгарте и легко попадавшем в Россию журнале «Освобождение» кадеты оправдывали царевбийц, уверяя, что *«деятели 1-го марта [1881 года] принадлежат к лучшим русским людям».* Они называли

уродов-террористов носителями «высочайших нравственных качеств и чрезвычайных умственных (!) дарований». Прославляя подобную публику, кадеты подталкивали молодежь к террористической деятельности и погубили таким способом множество душ. (Какое счастье, что в Петербурге больше нет улиц, названных в честь террористов Каляева, Желябова, Перовской, Дзержинского, Лаврова, Халтурина и им подобных!)

«Передовая» общественность верила, разумеется, оппозиционерам и не верила правящему классу, который вдобавок не озаботился создать парламентскую проправительственную партию европейского типа. Об этом у нас уже шла речь, но стоит повториться: это была ошибка лично царя. Судя по ряду мемуаров, ему вплоть до 1917 г. казалось, что всем оппозиционным политическим партиям противостоит незримая партия возглавляемого им народа, которая бесконечно сильнее всех и всяких оппозиционеров (его отец, Александр III, говаривал: «Я царь крестьян»). Согласившись на создание формальной партии, монархия, чего доброго, уравнила бы себя с какими-нибудь кадетами или октябристами.

При отсутствии правящей партии все существующие партии были хоть и по разным причинам, но оппозиционны власти — одни в большей степени, другие — в меньшей. Перекос получался воистину уникальный. Не было и по-настоящему официозной печати. Газета «Правительственный вестник» авторитетом не пользовалась, она печатала распоряжения правительства, отчеты о заседаниях Совета министров, таблицы тиражей, идеологическая же публицистика не была ее жанром, журналисты в ней были слабые. Более влиятельные «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости», а также «Русский инвалид» можно условно считать официальными, но по воздействию на читающую публику им было далеко до таких газет, как «Русское слово» (тираж к 1917 г. дорос до 1 млн), «Русские ведомости», «Биржевые ведомости», «Новое время», «Утро России», «Речь», «День», «Свет» и др.

И почти все влиятельные газеты, как писал без тени раскаяния в своих мемуарах кадет И. В. Гессен, вели «*партизанскую войну*» с властью, вели «*с возрастающим ожесточением до самой революции*»¹. Поразительно наивными оказались и «властители дум». Бунин в «Автобиографических заметках» вспоминает, как Леонид Андреев, «*изголодавшийся во всяческом пафосе, писал: “Либо победит революция и социалы, либо квашеная конституционная капуста. Если революция, то это будет нечто умопомрачительно радостное, великое, небывалое, не только новая Россия, но новая земля!”*». Нечто «умопомрачительно радостное» не замедлило последовать.

Информационная война против правительства и царя была окончательно выиграна радикалами в феврале 1917 г. Последствия их победы мы расхлебываем по сей день.

¹ И. В. Гессен. В двух веках. // Архив русской революции. В 22 т. Т. XXII. Берлин, 1937 (репринт: Москва, 1993). С. 336—337.

Глава семнадцатая

Как это могло случиться?

1. 359 роковых дней

Без учета фактора информационной войны большевистский переворот — какая-то опечатка истории, событие не только не предопределенное, но и просто неправдоподобное. Чтобы слабенькая партия с ничтожным влиянием могла захватить власть в огромной стране? Такого не бывает. Давайте отсчитаем от большевистского переворота назад ровно год, забудем все, что мы знаем, погрузимся в реалии 25 октября 1916 г. и попробуем на их основании сделать прогноз. Что ж, картина выглядит предельно ясной: все говорит об уверенной стабилизации и накоплении сил. Полностью отлажено производство боеприпасов, покончено со «снарядным голодом», на фронте прекратились отступления. 1500 км русско-австрийского фронта проходят по территории Румынии и Австро-Венгрии, а на турецком фронте корпус генерала Баратова движется к Мосулу и Багдаду. Немцы — все еще крайне трудный противник, но уже понятно, что война («цепь катастроф, ведущая к победе») не может закончиться ничем другим, кроме немецкого поражения.

«Расшиты узкие места», как тогда говорили, в подвозе военных материалов от союзников: вступил в строй порт Рома-

нов-на-Мурмане (нынешний Мурманск) и Мурманская железная дорога; с пуском моста через Амур открыта дорога Чита — Хабаровск, так что Транссибирская магистраль проходит теперь целиком по русской территории. Год выдался урожайным, возросло поголовье скота, нехватка рук в селе терпима, к тому же на сельхозработы брошены пленные. Возникавшие временами в разных точках империи перебои с продовольствием были недолгими и объяснялись перегруженностью транспорта. В городах оборонные предприятия дают отсрочку от армии, так что рабочих рук не то чтобы в избытке, но хватает. К тому же реальная, т. е. с учетом роста цен, зарплата рабочих выросла за 1914—1916 гг. на 9 % (подсчеты С. Н. Прокоповича). Несмотря на войну, отмечен прирост населения. Еще до «телеграммы Циммермана» всем было понятно, что под занавес войны в нее вступят США.

К весеннему наступлению русской армии пошита новая форма по рисункам Виктора Васнецова — вскоре склады этой формы достанутся Красной армии, а шлемообразные головные уборы получают название (бедный Васнецов!) «буденовки» и «умоотводы». Но главное, до конца октября 1916 г. российские политические силы, казалось, ведут себя разумно — как и их коллеги в других воюющих странах. Ленин, сидя в Цюрихе, горюет, что ему, старику (46 лет), не увидеть конец русского самодержавия, и пишет о мертвенной политической тишине, сковавшей Европу.

Если Февральская революция стала (а такая точка зрения явно побеждает) результатом заговора Прогрессивного блока (объединение либеральных и центристских фракций обеих палат парламента — Государственной думы и Государственного совета) и Военно-промышленного комитета, то логика заговорщиков понятна: они, видимо, пришли к выводу, что царя надо валить как можно быстрее, ибо после победы над немцами и даже на пороге победы это станет немыслимым делом: народ не позволит.

Первого ноября 1916 г., за 359 дней до большевистского переворота, Прогрессивный блок нарушил политический мораторий, потребовав отставки председателя Совета ми-

нистов Б. В. Штюмера из-за слухов о том, что он задумал сепаратный мир с Германией. «Глупость или измена?» — вопрошал с думской трибуны, любясь собой, Милюков. Николай II убрал Штюмера, но отложил вопрос об «ответственном министерстве» (т. е. правительстве, ответственном перед Думой). Вотум недоверия новому главе правительства, Александру Трепову (причем к Думе в этом недоверии присоединился Государственный совет), стал сигналом к началу подготовки революции. Четыре месяца спустя она произошла, став полной неожиданностью для Ленина и большевиков.

О заговоре «прогрессистов» (в первую очередь А. И. Гучкова, ненавидевшего Николая II животной ненавистью, а также А. И. Коновалова, Н. В. Некрасова, М. И. Терещенко, одного из руководителей «Земгора» М. М. Федорова) есть уже целая литература — правда, главным образом массовая. Из работ профессиональных историков, наиболее убедительно обосновавших эту точку зрения, следует особо отметить большую статью С. В. Куликова «“Революции неизменно идут сверху...” Падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы» (*Нестор: Журнал истории культуры России и Восточной Европы*, № 11, 2007. С. 117—185). Излишне добавлять: такой заговор мог иметь успех лишь в стране, где правительство уже проиграло информационную войну.

Те, кто не верит в заговоры, а верит в мистическую подоплеку событий, вспоминают, как Распутин предупреждал (якобы) царя: «Ты царствуешь, пока я жив». За две недели до Нового, 1917 г. бедовый «старец» был убит. И довольно скоро, в феврале, большие снегопады на несколько дней почти прервали подвоз продовольствия в Петроград. Это вызвало маленькую (совсем маленькую) паузу в снабжении города хлебом и умело организованные уличные волнения по этому поводу. Управление толпой немедленно взяли на себя невесть откуда взявшиеся опытные провокаторы. И мигом выяснилось, что размещенные в столице запасные полки так пригрелись в своих казармах, так развращены сытым и безопасным тылом, что готовы поддержать любую бучу, любые

антивоенные лозунги, лишь бы избежать отправки на фронт и расставания с зазнабами из петроградских горничных. Гвардия же, увы, полегла под Ломжей.

Незадолго до начала волнений, 14 февраля 1917 г., Керенский произносит с думской трибуны: *«Исторической задачей русского народа в настоящий момент является задача уничтожения средневекового режима немедленно, во что бы то ни стало»*. В каком парламенте воюющей страны было возможно такое? Газеты радостно подхватывали эти слова — журналисты и тогда были не умнее, — эти слова читали в окопах. Многие историки убеждены, что все эти речи были не случайны, что они входили в сценарий заговора по подготовке дворцового переворота и произносились, чтобы подготовить страну. Во время войны!

Добавляют также, что заговорщики спешили, желая опередить указ царя об «ответственном правительстве». Этот документ уже был подписан императором и лежал в столе у недавно (20 декабря 1916 г.) назначенного министра юстиции Н. А. Добровольского. Указ должен был быть обнародован на Пасху, 2 апреля¹. Желание приурочить подарок к торжественной дате оказалось роковым.

Есть поразительное свидетельство о том, что Февральская революция началась как ярко выраженный флэш-моб (тогда и слова такого не было). Петроградский градоначальник генерал А. П. Балк следующим образом описывает события 23 февраля (8 марта по новому стилю), когда в «международный день работниц» в Петрограде была организована демонстрация женщин. Движение по Литейному и Невскому, пишет он, *«необычное — умышленное. Притягательные пункты: Знаменская площадь, Невский, Городская дума. В публике много дам... Густая толпа медленно и спокойно двигалась по тротуарам, оживленно разговаривала, смеялась, и часам к двум стали слышны заунывные подавленные голоса: хлеба, хлеба. И так продолжалось весь день*

¹ К. И. Глобачев. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. // *Вопросы истории*. № 8, 2002.

всюду. Толпа как бы стонала: „Хлеба, хлеба“. Причем лица оживленные, веселые и, по-видимому, довольные остроумной, как им казалось, выдумкой протеста... Голода не было. Достать можно было все... Было приятное занятие ставить полицию в глупое и смешное положение. И таким образом многие вполне лояльные люди, а в особенности молодежь, бессознательно подготавливали кровавые события, разыгравшиеся в последующие дни»¹.

Пала ли монархия под ударом народной стихии или вследствие заговора, первыми бенефициарами происшедшего, бесспорно, стали «прогрессисты». Но случившимся обрадованно воспользовались социалистические и сепаратистские партии, уж точно не участвовавшие в свержении царя. Они довольно быстро затоптали недальновидных «прогрессистов», которым такой сценарий, видимо, не приходил в голову. Но главное, что последние упустили в своих расчетах, было высвобождение негативной энергии масс. Сумятица в умах простого народа, вызванная отречением царя 2 марта 1917 г., имела мало равных в истории России. Мало равных имели и последствия. *«Вдруг оборвалась громадная, веками налаженная жизнь»* (Иван Бунин).

«Еще 1 марта 1917 г., — писал позже Черчилль, — царь был на своем троне. Российская империя и Русская армия держались, фронт был тверд... и победа несомненна... Строй, который возглавлял Николай II, к этому времени выиграл войну для России». Черчилль, скорее всего, имел в виду 1 марта по григорианскому календарю — т. е. 16 февраля для Российской империи. Если бы Николай спохватился в этот день, все могло повернуться иначе, ведь, несмотря ни на что, роковой исход не был предопределен. Царь мог спохватиться и повести себя как мужчина даже 13 дней спустя, 1 марта по старому стилю. В любом случае, слова Черчилля — хорошее предостережение тем, кто склонен обольщаться кажущейся ясностью ситуации.

¹ Гибель царского Петрограда. Февральская революция глазами градоначальника А. П. Балка. // Русское прошлое. 1991. Кн. 1. С. 26—28.

2. Первый вождь комом

Какими бы зловещими ни выглядели события этих дней — измена Волынского полка, роковая бездеятельность генерала Хабалова, предательство железнодорожников, недостойное поведение военного командования и даже само отречение императора, — они не вели однозначно и обязательно к национальной катастрофе. Есть одна подробность — не то чтобы незамеченная, но как-то обделенная вниманием историков. 27 февраля 1917 г. Государственная дума, уже распущенная, рождает на свет не предусмотренный законами орган — Временный комитет Государственной думы во главе с М. В. Родзянко, а 2 марта новосозданный комитет образует Временное правительство. Но вышедшее из недр Думы Временное правительство сразу же порывает с Думой — порывает с органом народного представительства, которому обязано своим появлением. В Думе было много разумных депутатов, не один лишь Прогрессивный блок, да и тот начал приходить в чувство. Возможно, из всех ошибок Временного правительства эта была самой суровой.

В случае немедленного возобновления работы Думы был бы совершенно невозможен «Приказ № 1», разваливший армию, невозможно так называемое двоевластие, как и множество других роковых событий. Задним числом ощущение правового вакуума тех дней и недель невыносимо ощущать даже сегодня, 93 года спустя. Почему это чувство не мучило тех, кто стоял тогда у руля событий, — записных демократов из Прогрессивного блока? Они явно были уверены, что оседлали удачу, и хотели кратчайшим путем, помимо Думы, стать реальной властью. Став же ею, они спешить перестали. Этим Временное правительство подписало приговор и себе, и российскому парламентаризму, и, в конечном счете, десяткам миллионов людей.

Второй роковой ошибкой Временного правительства стала отсрочка выборов в Учредительное собрание. Выборы должны были пройти 17 сентября, а начало работы Учредительного собрания было запланировано на 30 сентября. Но

когда до выборов оставался месяц с небольшим, они были перенесены на 12 ноября. А ведь созыв Учредительного собрания был главной задачей и целью существования Временного правительства, а ему, в нарушение собственных демократических идеалов, хотелось поруководить страной подольше. Данное желание прочитывается, среди прочего, в совершенно незаконном провозглашении России республикой 1 сентября 1917 г. Это было вопиющей узурпацией полномочий будущего Учредительного собрания. Как мы теперь знаем, отсрочка выборов оказалась роковой. Одним из главных лозунгов Октябрьского переворота стало обещание (лживое) в кратчайшие сроки созвать Учредительное собрание.

Дебют коммунистического проекта в нашей стране надо попытаться увидеть глазами современников этого дебюта, на время заставив себя забыть продолжение. Многие пошли за большевиками в надежде, что те выведут к какой-то новой, замечательной и справедливой, жизни. Соблазн марксистской социальной утопии смутил, начиная со второй трети прошлого века, столь многих в мире, что пришествие утопии ощущалось как неотвратимость. Какая-то страна неминуемо должна была привить себе этот штамм, поставить на себе опыт «великого социального эксперимента».

У нас хорошо знают пророчества Достоевского о социализме и коммунизме, но не менее прозорлив оказался и француз Гюстав Лебон. Вот его слова: *«Рабство, нищета и цесаризм — вот неизбежные пропасти, куда ведут все социалистические пути. И все-таки, кажется, этого ужасного режима не миновать. Нужно, чтобы хоть одна страна испытала его на себе в назидание всему миру. Это будет одна из таких экспериментальных школ, которые в настоящее время одни только могут отрезвить народы, зараженные болезненным бредом о счастье по милости лживых внушений жрецов новой веры»*.

Первую попытку, Парижскую коммуну 1871 г., удалось прервать. Провести полноразмерный эксперимент выпало России. Его отрицательный опыт крайне важен в никогда не пре-

кращающемся поиске человечества. Как выразился историк С. А. Павлюченков, *«человечество коллективно шло к русской революции, и ее результаты, как в свое время революции французской, принадлежат всему человечеству»*¹.

Премьерство Керенского было воспринято общественностью как спасительное. Даже ЦИК Советов 8 июля 1917 г. объявил новый кабинет «правительством спасения революции», признав за ним неограниченные полномочия. Казалось, двоевластию пришел конец.

Александр Федорович Керенский — вот тот человек, кому полагался бы памятник от советской власти. Поскольку эта мысль давно приходила в голову миллионам людей, советские историки, даже изображая главу Временного правительства жалким шутком, одновременно старались сделать из него страшного врага, приписывали ему бонапартизм, намерение установить кровавую диктатуру и даже вернуть монархию. И разумеется, всегда находили доказательства.

На самом же деле эсер Керенский оказался для Ленина таким врагом, о каком можно лишь мечтать. При этом Александра Федоровича никак не назовешь случайной в революции фигурой. Успешный адвокат, он участвовал, начиная с 1906 г., в ряде громких политических процессов, защищал революционеров, включая большевиков. Керенский был одним из самых ярких оппозиционных депутатов Государственной думы 4-го созыва.

С момента отречения царя Керенский твердо знал, что это его революция, его стихия. Будучи только министром, он заставлял тушеваться главу правительства Георгия Львова. Почти до своего политического конца Керенский легко покорял любую толпу, включая солдатскую. Он всегда верил в то, что говорил в данный момент, это придавало его словам неотразимую убедительность. Его манера выступать предвосхищала гитлеровскую: сперва — упавший голос, короткие фразы, паузы, затем поток взвинченной, почти истерической речи, которая куда убедительнее на слух, чем при чтении. Он

¹ С. А. Павлюченков. Военный коммунизм в России. — М., 1997. С. 13.

звал войска на смерть, а те отвечали криками «ура!». Специфические приемы поведения, полувоенные френчи (в них потом облачатся и Ленин, и Сталин, и Мао Цзэдун, и еще множество вождей и вождиков), демагогия, восторги толпы — все это XX век еще увидит в изобилии. Даже странно, что череду стальных вождей, кумиров масс открыл именно Керенский, руководитель совсем не стальной. Малая толика этого качества ему как раз не помешала бы — вся наша история повернулась бы иначе.

Видимо, Керенскому казалось, что он «поймал волну» и на ее гребне достигнет намеченных целей: доведет Россию до Учредительного собрания и до победы в войне, станет первым президентом демократической Российской Республики.

Керенский, как министр юстиции и как министр-председатель, провел ряд выдающихся правительственных актов. Была узаконена неслыханная и небывалая до того нигде в мире полнота политических, экономических и социальных прав женщин, чем наша страна могла бы гордиться, если бы помнила об этом. Россия первой среди многонациональных государств устранила все виды дискриминации по национальному, расовому и религиозному признакам. Декрет о гражданском равенстве (об отмене вероисповедальных и национальных ограничений) от 20 марта 1917 г. предоставил всем равные избирательные права. Был узаконен 8-часовой рабочий день, провозглашена свобода совести, введена пропорциональная система выборов по партийным спискам, к которой Россия вернулась сегодня.

Но не будем забывать, что Керенский со студенческих лет принадлежал к той части интеллигенции, которая только и делала, что расшатывала устои государства, ослабляла гайки государственной машины. Когда же эта расшатанная конструкция подверглась мощным сейсмическим встряскам войны и революции, случайно оказавшиеся у власти Керенский со товарищи с ужасом увидели, что их бывшие усилия не пропали даром — конструкция готова рухнуть в любой миг.

3. А счастье было так возможно

После провала своей первой попытки (3—5 июля 1917 г.) захватить власть несколько десятков видных большевиков (Троцкий, Раскольников, Крыленко, Дыбенко, Антонов-Овсеенко, Каменев, Луначарский, Коллонтай и др.) оказались за решеткой, а Ленин с Зиновьевым спрятались в знаменитом шалаше. Если бы не злосчастный корниловский «мятеж», они бы прятались там, глядишь, до Учредительного собрания. Иногда можно прочесть, что почти два месяца о большевиках не было слышно, что их даже начали подзабывать. Конечно, хватало других событий: русская армия взяла Черновцы, немецкая — Ригу, открылся Поместный собор, царскую семью выслали в Тобольск и так далее, — но и большевики никуда не делись. Несмотря на бунт, РСДРП(б) не была запрещена и всего три недели спустя после своего «разгрома» провела очередной, 6-й съезд. На Выборгской стороне, в просторном зале частного общества, собралось около 250 делегатов. Максимум, чего они боялись, это разгона съезда, в связи с чем на четвертый день съезд перешел на «подпольный» режим работы — в рабочий клуб у Нарвской заставы. В этом «глубоком подполье» съезд заседал еще шесть дней. Это был удобный момент окончательно обезглавить партию, явно жившую на вражеские деньги (правда, Керенский, судя по всему, в это не верил) и движимую кровавым лозунгом о «перерастании империалистической войны в гражданскую». В руководство съезда входило несколько человек, находившихся в розыске в связи с событиями 3—5 июля, но главное — съезд утвердил курс на вооруженный захват власти. В воюющей стране!

Похоже, эсер Керенский не сделал того, что был обязан сделать, по простой причине: он боялся опорочить саму социалистическую идею. Большевики оставались для него братьями-социалистами, пусть и заблудшими, но такими же членами Интернационала, как эсеры. Планы же захвата ими власти еще могли показаться в те дни просто разговорами.

Они бы и остались разговорами, если бы Керенский не совершил, в страхе перед Корниловым, ряд новых ошибок.

27 августа он велел раздать («временно»!) 20 тыс. винтовок отрядам Красной гвардии, создававшимся на петроградских заводах. Естественно, получить оружие обратно нечего было и думать, и через короткое время оно было обращено против Временного правительства. Но главная ошибка была совершена 2 сентября, после «победы» над Корниловым: Троцкий, Раскольников и еще около 140 большевиков были выпущены на свободу (а кого-то выпустили еще в августе). Многие незлобивые политики, одержав небольшую — а им кажется, что решающую — победу, поступают одинаково: Скоропадский выпускает Петлюру, Батиста выпускает Кастро, Ельцин — путчистов (дважды), Керенский — целую команду большевиков. Для троих из четырех перечисленных дело кончилось печально.

Уже на следующий день не испытывавшие, в отличие от других партий, денежных трудностей большевики начали выпускать большим тиражом и под очередным новым названием свою газету «Рабочий путь». Хватало у них денег и на оплату пособий забастовщикам. Историки обязательно проведут когда-нибудь аудит ленинской партии 1917 г. Что представлял собой ее бюджет? Каков был приход и расход по статьям и дням? Где держали деньги: в банках или в «черном нале»? Кто был распорядителем? Кто подписывал банковские поручения? Сохранились ли они или их копии? Что же касается внешних (т. е. немецких) источников денег, бесконечный спор на эту тему можно считать законченным с появлением исследования Элизабет Хереш «Купленная революция» (русский перевод: М., 2004).

Окончательно перестав таиться, большевики в короткий срок обрушили на Петроград и фронты водопад листовок, газет и брошюр. Они делают все для развала воюющей армии и при этом перестают бояться чего бы то ни было, только храбрый Ленин еще месяц прячется в Финляндии.

Особенно странной кажется сегодня слепота Временного правительства в отношении самого грозного симптома надвигающейся беды: сразу после отречения Николая II резко сократилось число солдат, подходивших к исповеди, об этом

пишут многие мемуаристы. Сотни тысяч солдат восприняли «отставку» царя как освобождение их от воинской присяги, которую они принесли Богу, царю и Отечеству. Простые люди, особенно из крестьян, видели в присяге молитвенную клятву, нарушить которую означало попасть в ад. После 2 марта большинство из них сочло себя свободными от этой клятвы. Они ничего больше не были должны не только царю, но и Богу. А нередко даже и Отечеству. Солдаты, в чьих душах произошло крушение веры, дезертировали первыми. Дезертиры сыграли важнейшую роль в событиях 1917 г.

Падение императорской власти стало ударом не только для фронтовиков. Немыслимое событие потрясло нравственные устои миллионов людей и в тылу. Впрочем, потрясение у многих длилось недолго, они быстро начали требовать всё и сразу, у них, выражаясь сегодняшним языком, сразу «отказали тормоза». Для большевиков такие люди стали незаменимым тараном в деле сокрушения исторической России — гораздо более мощным и безотказным, чем «сознательные рабочие». Они — и выпущенные по щедрой амнистии Керенского уголовники.

Чтобы совладать с этой стихией, требовалась изворотливость, но ее-то у Временного правительства и не было. Оно, похоже, само поверило, что вот пройдут выборы, соберется Учредительное собрание, создадутся комитеты, подкомитеты, комиссии, будут решены процедурные вопросы, вопросы представительства, и вот тогда можно будет законным образом приступить к вопросу о земле, о федеративном устройстве, о сословиях и проч. Народу же следует благовоспитанно ждать. Министры не могли не понимать, что возглавляют революцию, а революции не происходят в рамках законов. Более того, Временное правительство уже приняло ряд решений из компетенции Учредительного собрания и будущего парламента — провозгласило республику, ликвидировало Синод, отделило церковь от государства, демократизировало местное управление, начало вводить новую орфографию, упразднило земских начальников, полицию заменило милицией, в армии приставило к офицерам комиссаров, учредило

земельные комитеты, включило казенные, удельные и кабинетские земли в состав государственных и много чего еще. А коли так, что мешало объявить, что каждый защитник родины после победы получит, к примеру, сто десятин земли, а дезертиры и самозахватчики не получают ничего? Это можно было обещать с легким сердцем, ведь в Европейской России были огромные площади невозделанной земли.

Такая мера могла поднять дух солдат, почти сплошь деревенских парней, и переломить настроения села. В сентябре, сразу по окончании сельхозработ, там резко возросло число преступлений против собственности. Шли захваты помещичьих земель, порой со вторжением в усадьбы. На усмирение посылались казаки и команды георгиевских кавалеров (как заведомых людей чести). Весы истории колебались, и перевесить могла даже песчинка.

Весы колебались тогда не только в России. Но когда во Франции в конце 1917 г. события повернули к местному изданию большевизма (взбунтовались и подняли красные флаги более ста полков, а два корпуса даже двинулись на Париж), у страны нашелся спаситель, 76-летний премьер Жорж Клемансо. Расстрелами и заградотрядами он остановил развал фронта, отдал под суд министров-пораженцев, превентивно арестовал свыше тысячи человек по всей Франции, всех, кто теоретически мог возглавить красный бунт, и — о ужас! — заставил прессу прикусить язык. Керенский, увы, был не Клемансо.

4. Отматывая ленту назад

Категорически нельзя играть по правилам с противником, для которого не существует правил. Тем более нельзя играть с ним в поддавки.

Надежной защитой Временного правительства мог стать стоявший в Царском Селе и не зараженный большевизмом Третий конный корпус генерала Краснова, но Керенский под давлением левых приказал отвести его к Пскову, после чего

значительную часть сил корпуса разбросали по разным фронтам. Здесь присутствовал личный мотив: Керенский знал, что Краснов не воспринимает его всерьез как верховного главнокомандующего, и «преподал урок» генералу.

Еще один шанс предотвратить катастрофу был упущен уже в последние дни. Генерал Алексеев брался призвать на защиту Временного правительства офицеров. Авторитет Алексеева, пусть и вышедшего в сентябре в отставку (и даже вопреки его роли в низложении царя), был так велик, что пять тысяч офицеров из пятнадцати, находившихся в столице, он гарантировал. Да еще и юнкеров в придачу. Возможность остановить путчистов была реальной: Красная гвардия с военной точки зрения была нулем, некоторой силой были матросы, но не против офицерских команд. Что же до петроградского гарнизона, остряки не зря называли его «петроградским беговым обществом» — столько в нем за три года войны осело уклоняющихся от службы, ограниченно годных и т. п. Этот «революционный гарнизон» поддержал переворот по единственной причине: большевики распустили слух, что Керенский собирается отправить все ненадежные полки столицы на фронт, т. е. повторилась ситуация февраля. Прими Керенский предложение Алексеева, изменники не вышли бы из казарм. Однако Керенский отказался, испугавшись, что люди Алексеева в первую очередь разберутся с ним, Керенским.

Представьте себе, что в стране, ведущей тяжкую войну, действует организованная группировка, чей вождь пребывает в подполье и оттуда наставляет: *«Мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы. Мы должны организовать штаб повстанческих отрядов, распределить силы, двинуть верные полки [т. е. те, которые удастся склонить к измене] на самые важные пункты, окружить Александринку [театр, где заседало Демократическое совещание], занять Петропавловку, арестовать Генеральный штаб и правительство, послать к юнкерам и к Дикой дивизии такие отряды, которые способны погибнуть, но не дать неприятелю двинуться к центрам города. Мы должны мобилизовать вооруженных рабочих, призвать их к отчаянному последнему бою, занять сразу телеграф и те-*

лефон, поместить наш штаб восстания у центральной телефонной станции, связать с ним по телефону все заводы, все полки, все пункты вооруженной борьбы и т. д.». Это «Письмо центральному комитету РСДРП» от 13 (26) сентября 1917 г. Не кем иным, кроме как объективно агентом врага, назвать автора данного текста, В. И. Ленина, нельзя.

Слухи и газетные статьи о грядущем перевороте появились с десятидневным опережением. Максим Горький выступил в «Новой жизни» с обращением «Нельзя молчать!». Он требовал, чтобы большевики открестились от этих слухов. Большевики отвечали уклончиво.

Вряд ли Керенский был совсем уж слеп. Но он почему-то сохранял уверенность, что худшее не произойдет. Это сродни загадке 22 июня 1941 г.: «человек наверху» убежден, что знает нечто, позволяющее сохранять спокойствие. Застигнутая врасплох сторона ожидала или чего-то другого, или в другие сроки. Кто внушал Керенскому ложные представления? Судя по его мемуарам, это мог быть полковник Генерального штаба Георгий Полковников, по должности главный начальник Петроградского округа, тайный корниловец, желавший устранить Временное правительство руками большевиков с тем, чтобы затем расправиться с ними как с заведомо неспособными удержать власть. Полковников до конца уверял, что сил достаточно, опасаться нечего.

В. Д. Набоков, управляющий делами Временного правительства, вспоминал, как за 4—5 дней до переворота спросил Керенского о возможном «выступлении» большевиков. «У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно, — ответил тот, добавив: — Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло». Он даже посожалел, что нельзя спровоцировать их на такую попытку — это было бы слишком в духе царской охраны.

В решающий день, 24 октября, Полковников издал приказ № 251 по Петроградскому округу, гласивший: *«Всем частям и командам оставаться в казармах впредь до получения приказов из штаба округа... Все выступающие вопреки приказу с оружием на улицу будут преданы суду за вооруженный мя-*

теж... В случае каких-либо самовольных вооруженных выступлений или выходов отдельных частей или групп солдат... приказываю офицерам оставаться в казармах». То есть, если нижние чины самовольно хлынут на улицу, офицер не мог переступить порог казармы даже в попытке остановить подчиненных? Или Керенский был прав, предполагая, что Полковников толкал события к свержению правительства руками большевиков, чтобы затем устранить их силами Петроградского гарнизона? Если это так, первая часть замысла ему удалась. В отличие от второй, когда 29 октября он смог поднять против большевиков только юнкерские училища, но не гарнизон.

Отматывая ленту назад, ясно видишь, что к большевистскому перевороту привела цепь случайностей, видишь множество исторических развилочек, спасительно уведивших от него. Есть вещи, о которых невозможно размышлять без закипания крови, но надо сделать над собой усилие и поставить себя на место людей 1917 г. Будь у них возможность заглянуть в будущее, они действовали бы иначе — почти все, независимо от того, на чьей стороне они были в роковой миг.

Это сегодня понятно, что в ответ на начало захвата ленинцами стратегических точек столицы (во время войны!!!) офицерские команды должны были окружить гнезда большевиков, хорошо известные, подкатить пушки и броневики и, не считаясь с жертвами и ущербом для зодчества, разнести их в щепы. Никто не отменял статью 108 «О вооруженном мятеже с целью свержения законной власти» Уложения об уголовных преступлениях, и противодействие такому мятежу любыми средствами было бы абсолютно законным актом. Россия могла избежать самых страшных событий в своей истории. Миллионы несчастных не были бы убиты в расстрельных подвалах и на полигонах, не были бы утоплены на баржах, не были бы взяты в заложники и затем казнены, замучены в концлагерях и на гиблых рудниках, в тундре и глухих поселениях, закопаны в вечной мерзлоте. Мы не узнавали бы, холодея от ужаса, как срезали под корень историческую Россию с ее аристократией, казачеством, купечеством, промышленника-

ми, духовенством, крестьянством, земством, дворянскими гнездами, монастырями, уникальным асимметричным устройством, Серебряным веком, самыми высокими в мире темпами развития, не стала бы тяжелым инвалидом российская интеллигенция. Мы жили бы сегодня в процветающей многолюдной стране.

Это понятно сегодня, но не могло быть понятно тогда. Русские военные не хотели начинать братоубийственную войну. Заяви большевики честно и сразу, что намерены умертвить миллионы соотечественников, разрушить душу и нравственность народа, превратить страну в ад на земле, военные действовали бы иначе. Однако в те дни многие рассуждали так: одного «временного» социалиста, притом крайне надоевшего, сменит другой. Тревожно, конечно, но ведь это только до Учредительного собрания. Подготовка к выборам идет вовсю, — так стоит ли стрелять в своих?

Но и большевики тогда еще не планировали массовые убийства и колымские лагеря. Они ждали, что народ под их руководством дружно переделает неправильный старый мир в правильный новый, коммунистический — мир без денег и собственности, мир учета и контроля, распределения и счастья. На Страшном суде они, наверное, будут говорить: «Мы были вынуждены. Знаете, на какое сопротивление материала мы натолкнулись?» А «материал» сопротивлялся, если кто забыл, утопии, придуманной далеко от России.

Из тысяч и тысяч красных активистов 1917 г. и Гражданской войны (в советское время про таких придумали говорить: «они делали революцию») немногие умерли своей смертью. Подавляющее большинство получили в подвалах и на полигонах пулю в затылок от своих же, а затем пуля досталась и этим своим. Никакие Деникины, Колчаки и Красновы не учинили бы такую повальную расправу в случае своей победы. **Разумеется, это было высшее отмщение.**

И почему с нами случилось все то, что случилось? Наши далекие предки, в отличие от нас, всегда твердо знали почему. «За грехи наши», — говорили они о нашествии злой Орды и других бедах.

За грехи наши. Из российских безбожных интеллигентов XX в. это поняли единицы. Простой народ оказался зорче. Есть свидетельства, что многие крестьяне, которых в коллективизацию погнали, куда Макар телят не гонял, восприняли это как Божью кару за свое поведение в Гражданскую войну, за измену присяге, дезертирство, грабежи поместий и хуторов. Они даже писали в письмах из Котласа, с берегов Иртыша и из прочих «солнечных» краев, что вот тогда, десять лет назад, они от Бога отвернулись, а нынче Бог отвернулся от них.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ. О ЧЕМ ЭТА КНИГА	5
1. Ничто не предвещало... ..	5
2. Примеры странной слепоты	9
3. В поисках верного тона	13
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРАВИЛЬНОЕ МЕСТО	17
Глава первая. Наши предки делают выбор	19
1. О российском пространстве	19
2. Край не просто благодатный	21
3. Дарвиновский отбор истории	24
Глава вторая. Неизбежность расширения	28
1. Нестиснутые пределы	28
2. Пространство и народный характер	31
3. Народ-захватчик?	34
4. Неизбежность империи	37
Глава третья. Хорошо там, где мы есть	42
1. Не все довольны местом России на глобусе	42
2. Сравнения с другими странами	45
3. То, что не укладывается в догмы	47
4. Академик Милов: энергично по ложному следу	52
5. «Себестоимость в России будет всегда ниже».	
А не выше	56
6. Климат — предпоследняя из забот	60
7. Кому расстояния помеха?	65
8. Наше пространство как историческая удача	69
9. Цена не была чрезмерной	72
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. СКВОЗЬ ТЕРНИИ	75
Глава четвертая. Муки и радости	77
1. Ордынское иго	77
2. Святая Русь	81

Глава пятая. Крепостное право	
как историческая западня	85
1. Оно подкрадывалось незаметно	85
2. Борьба феодалов за крестьянские руки	88
3. Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!	92
4. Противоречивая картина	96
5. Не рассосется ли само?	100
6. Это малоизученное крепостное право	103
7. На пути к освобождению	108
Глава шестая. Народ-коллективист?	113
1. Закат исторической общины	113
2. Граф Киселев насаждает свою общину	117
3. Исчезновение общинного духа	120
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. СВОИМИ ПУТЯМИ	125
Глава седьмая. Где было вольготнее	127
1. Качество жизни и демографическая статистика	127
2. Гигиенический фактор	131
3. Когда на Руси было жить хорошо	135
4. Страна на торговых путях	140
5. Выдающиеся богатства	144
6. Купечество и государство	149
7. Досуги, увеселения, трапезы	152
8. Сравним быт горожан	155
Глава восьмая. Русское политическое творчество	160
1. Очень Большое Преувеличение	160
2. Поиск модели	163
3. Партии и политическое саморазвитие	166
Глава девятая. Оклеветанное царство	170
1. Права человека в допетровской руси	170
2. Суд, и не Шемякин	173
3. Дума Московской Руси как творец «величественного порядка»	178
4. Большая самостоятельность	182
5. Незаменимость Думы	184
6. Думу растаскивают на части	188
Глава десятая. Не было парламента	
или слова «парламент»?	192
1. Избранная рада учреждает созыв соборов	192
2. «Совет всенародных человек»	196
3. Поразительные альтернативы 1610—1613 гг.	200
4. Пятнадцать кандидатов на должность царя	204
5. Избирательные кампании XVII века	207
6. Важнейшие решения соборов	212

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ДВУХСОТЛЕТНЕЕ ИСПЫТАНИЕ	217
Глава одиннадцатая. Конец губных целовальников	219
1. Абсолютизм побеждает повсюду	219
2. Петр I убивает русский суд, но не до конца	223
3. Петровские реформы: и катастрофа, и прорыв	226
Глава двенадцатая. Не до конца утраченное наследие	231
1. Смелый эксперимент Екатерины II	231
2. Первые приступы европейской зависти	234
3. Без Востока и Запада	238
3. На пути к Государственной Думе	242
ЧАСТЬ ПЯТАЯ. КОНСТИТУЦИОННАЯ МОНАРХИЯ	247
Глава тринадцатая. Удача улыбнулась?	249
1. Пожар погашен «встречным палом»	249
2. Парламент подростковый и задиристый	252
3. Русская демократия — не новодел	256
Глава четырнадцатая. 1906—1917:	
Великий и использованный шанс	261
1. Да здравствует Государственная Дума!	261
2. Пробы и ошибки	264
3. Опыт, не пропавший даром	268
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ. ПЕРЕД ПОТОПОМ	273
Глава пятнадцатая. Ушедшая россия	275
1. Чувство незыблемости	275
2. Добродушная империя	278
3. Пафос империи, магнит империи	282
4. Утонувший мир	286
Глава шестнадцатая. Какой она видела себя	
и какой была	290
1. Желанная или постылая?	290
2. Дух и самооценка	293
3. Поиски компромата на «царизм»	297
4. Незнакомая империя	301
5. Прорывное развитие	304
6. Культурный слой: проверка катастрофой	307
7. Информационная война,	
приведшая к революции	310
Глава семнадцатая. Как это могло случиться?	315
1. 359 Роковых дней	315
2. Первый вождь комом	320
3. А счастье было так возможно	324
4. Отматывая ленту назад	327

*Литературно-художественное издание
Истинная Россия*

Горянин Александр Борисович

**Россия
История успеха
Перед потопом**

Генеральный директор издательства *С. М. Макаренков*

Редактор *С. А. Бессонова*
Выпускающий редактор *Е. А. Крылова*
Компьютерная верстка: *К. И. Бобрусъ*
Корректор *Т. Е. Антонова*
Изготовление макета: *ООО «Прогресс РК»*

Подписано в печать 27.02.2010 г.
Формат 60×90/16. Гарнитура Pragmatica.
Печ. л. 21,0. Тираж 3000 экз.
Заказ №

Адрес электронной почты: info@ripol.ru
Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик»
109147, г. Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 23

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32